К-63

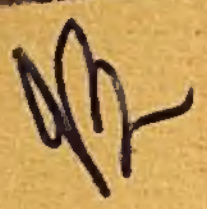
КОМСОМОЛ

ГОРОДА ЛЕНИНА

ЛЕНИЗДАТ

1943

Проверено



144310

Б
К-63

КОМСОМОЛ ГОРОДА ЛЕНИНА

СБОРНИК

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-КА
Партийных Курсов
Ленингр. обкома и горкома ВКП(б)
Инв. № 144310
ДЛЯ ВНЕШНЕГО
Н/К-16

ЛЕНИЗДАТ
1943

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ
О КОМСОМОЛЬЦАХ И МОЛОДЕЖИ ЛЕНИНГРАДА
В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Редакционная коллегия
В. Иванов, Ф. Октябрьская, А. Пази

БОЕВОЙ ПОМОЩНИК ПАРТИИ ЛЕНИНА — СТАЛИНА

29 октября 1943 года исполняется двадцать пять лет со дня основания Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Весь боевой путь комсомола неразрывно связан с историей большевистской партии. Воспитанный Лениным и Сталиным, комсомол всегда был и остается верным помощником нашей партии. В этом сила комсомола, в этом сила его влияния на молодежь Советской страны!

Верный заветам Ленина, следуя указаниям товарища Сталина, комсомол — и в годы гражданской войны, и в годы мирного социалистического строительства — был на передовых постах борьбы за укрепление могущества Советской отчизны.

Отечественная война явилась суровой и решающей проверкой физических и духовных сил советской молодежи, ее передового отряда — ВЛКСМ. Эту проверку молодежь с честью выдержала.

Ходом войны Ленинград поставлен на передовую линию фронта, сам город стал фронтом. Злобный враг хотел штурмом взять Ленинград. Вместе со всеми трудящимися, под руководством партийной организации, ленинградская молодежь поднялась на защиту своей свободы, своей чести, своей Родины.

Перед защитниками Ленинграда была поставлена задача: отстоять родной город, превратить его в могучую, неприступную крепость силами самих ленинградцев. Комсомольцы города Ленина поклялись выполнить эту задачу, победить врага или умереть за Родину.

Все комсомольцы ленинградской организации подали заявления с просьбой послать их на фронт. Сотни тысяч молодых патриотов стали под боевые знамена Красной Армии и Народного ополчения. На защиту Родины пошли в полном составе комсомольские организации многих заводов, фабрик, учреждений и вузов Ленинграда, все секретари комитетов ВЛКСМ. Десятки тысяч ленинградских комсомолок вступили в санитарные дружины, пошли на передовые позиции. Девять из каждых десяти комсомольцев Ленинграда ушло на фронт.

Сотни тысяч комсомольцев и молодежи возводили вокруг города мощные оборонительные сооружения. Под грохот орудий и свист снарядов рабочие и работницы, студенты и школьники рыли окопы, противотанковые рвы, строили дзоты и доты.

На долю защитников нашего города, на долю ленинградской молодежи выпали особые трудности.

Когда в сентябре 1941 года был сорван гитлеровский план захвата Ленинграда штурмом, коварный враг хотел сломить сопротивление ленинградцев бесчисленными артиллерийскими обстрелами и ожесточенными бомбардировками. Он хотел расстроить наши боевые ряды ядом фашистской пропаганды через листовки, через своих шпионов и лазутчиков. Но и этот план врага провалился.

Фашисты не смогли поколебать мужество защитников города.

Ленинградцы самоотверженно трудились над выполнением заказов фронта. Они часто неделями не выходили из цехов, а если и оставляли работу, то только для того, чтобы по сигналу воздушной тревоги занять свои боевые посты и защищать родной завод от пожаров и разрушений.

Комсомолки и комсомольцы встали на боевую вахту противовоздушной и противохимической обороны.

Десятки тысяч девушек пошли в армию ПВО, батальоны и команды местной противовоздушной обороны, в группы самозащиты.

Тысячи студентов, школьников старших классов, учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО города были мобилизованы в комсомольский полк противопожарной обороны.

Бойцы противопожарного комсомольского полка загасили несколько десятков тысяч зажигательных бомб.

Комсомольцы-пожарные ликвидировали более двух тысяч пятисот очагов поражения, спасли жизнь и имущество многих тысяч ленинградцев.

Комсомольские патрульные отряды боролись за соблюдение революционного порядка в городе, помогали внутренней охране вылавливать вражеских лазутчиков.

Не удалось немецко-фашистским извергам осуществить и свой человеконенавистнический план удушения Ленинграда голодом.

Пятьсот десять дней находились ленинградцы в кольце вражеской блокады. Суровые испытания перенесли мы в зиму 1941/42 года.

Многие из нас в эти незабываемые, тяжелые дни потеряли своих родных и близких. По улицам Ленинграда истощенные дети везли на кладбище трупы своих отцов и матерей, отцы и матери везли трупы своих детей.

Но и эти страшные испытания не сломили стойкости ленинградцев. Враг не достиг поставленной перед собой цели.

В тяжелые месяцы голодной блокады комсомольцы по зову партийной организации стали ободрителями и утешителями многих ленинградцев.

Они приходили к больным, старикам и детям, доставляли им пищу, дрова, ухаживали за ослабевшими, вселяли в них бодрость и силу.

Созданные при райкомах комсомола бытовые отряды трудились без устали, не чураясь никакой работы.

Семь тысяч триста комсомолок, работавших в бытовых отрядах, спасли десятки тысяч жизней ленинградцев.

Комсомолки-бойцы бытовых отрядов обследовали свыше пятидесяти тысяч квартир, установили ежедневный уход за двадцатью семью тысячами трудящихся и детей Ленинграда. Всего около восьмидесяти тысяч ленинградцев получили в самое тяжелое время разного рода помощь от бытовых отрядов комсомола.

Комсомолки, бывая на квартирах у истощенных и больных граждан, разъясняли им сводки Советского Информбюро, рассказывали о текущих событиях, объясняли населению, чем вызваны трудности в условиях осажденного Ленинграда.

Особую заботу проявили комсомольские бытовые отряды о детях, осиротевших во время войны. Более пятна-

дцати тысяч маленьких ленинградцев были определены в детские дома, очаги, ясли.

Стремясь всеми силами и средствами помогать укреплению обороны родного города, облегчить ленинградцам трудности, вызванные войной и блокадой, бойцы комсомольских бытовых отрядов выполняли любую работу. Во многих тысячах домов они отремонтировали водопроводные и канализационные трубы, застеклили и зашили фанерой окна. Бойцы бытовых отрядов сложили в квартирах ленинградцев три тысячи пятьсот печей, очистили сто тысяч дымоходов.

Молодежь вместе с трудящимися Ленинграда строила ледяную дорогу — «дорогу жизни». Комсомольцы в труднейших условиях доставили в Ленинград по этой дороге через Ладожское озеро сотни тысяч тонн продовольствия и боеприпасов.

Самоотверженно работали и комсомольцы железнодорожного транспорта. Комсомолец-машинист Елисеев, награжденный Орденом Ленина, в рекордно короткие сроки привел в Ленинград тяжеловесный состав. Комсомольско-молодежная бригада его паровоза явилась инициатором создания в январе 1942 года топливной колонны имени Военного Совета Ленинградского фронта. За одиннадцать месяцев топливная колонна доставила в Ленинград более двух миллионов тонн топлива, провела около пятисот тяжеловесных поездов.

Жестокие трудности борьбы с ненавистным врагом нашей Родины, суровые испытания в дни блокады Ленинграда, когда молодежь проходила проверку на стойкость, жизнедеятельность, боеспособность, не сломили нашего духа, не поколебали нашей воли к борьбе и победе. Наоборот, эти трудности еще более закалили нас, еще сильнее разожгли ненависть к врагу, неукротимую ярость в борьбе за истребление всех немецко-фашистских захватчиков до единого.

За то, что от вражеских артиллерийских обстрелов и бомбардировок гибнут женщины и дети Ленинграда, разрушаются культурные ценности нашего города — национальной гордости России, — за страшные дни голодной блокады, за смерть, за кровь, за слезы людей мы мстим и будем беспощадно мстить фашистским палачам.

За то, что враг истребляет наших мирных граждан, глумится над женщинами и детьми, истязает стариков, сжигает построенные нашими дедами и отцами города и села, за все невзгоды народные мы мстим и будем беспощадно мстить фашистским палачам.

Ненависть и месть немецко-фашистским мерзавцам нарастает в наших сердцах с каждым часом войны, с каждой бомбой, сброшенной врагом на наш город, с каждым новым просвистевшим снарядом.

Наша месть неукротима.

Молодежь Ленинграда свою ненависть к врагам и любовь к матери-родине воплощает в конкретные боевые и трудовые дела на передовых позициях и на предприятиях, на заготовке топлива и на электростанциях, в подсобных хозяйствах и в совхозах.

Комсомольцы-воины честно выполняют свой долг перед Родиной. Для них священной заповедью стали слова товарища Сталина: «Основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе». Эти качества присущи сотням тысяч наших комсомольцев и комсомолок, сражающихся в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота. Комсомольцы Харитонов и Жуков впервые в воздушных боях с фашистами применили таран — боевой прием, доступный только людям беспредельной отваги и великой силы духа.

Комсомольцы Ленинградского фронта положили начало массовому снайперскому движению. Снайпер-истребитель Смолячков убил сто двадцать пять фашистов и обучил снайперскому делу десятки молодых бойцов. Комсомольцы Голиченков, Пчелинцев, Симанчук, Антонов, Калинин и другие истребили тысячи фашистов. Три комсомольца — Говорухин, Дьяченков и Вдовиченко — уничтожили более тысячи немецких солдат и офицеров. Движение, начатое молодыми снайперами нашего фронта, стало всеармейским движением по истреблению фашистов.

Тысячи ленинградских комсомольцев — в партизанских отрядах. Народные мстители в занятых врагом районах взрывают мосты, дороги, нарушают телефонную и телеграфную связь, поджигают склады. Один из комсомольских партизанских отрядов действует в тылу врага более двух лет. Только за три последних месяца им уничтожено свыше тысячи немцев, пущено под откос четыре эшелона

с боеприпасами и снаряжением противника. Среди партизан — Герои Советского Союза Иван Никитин, Антонина Петрова, Михаил Харченко, активисты ленинградской комсомольской организации.

Семьдесят три комсомольца Ленинградского фронта получили звание Героя Советского Союза.

Более половины комсомольцев нашего города и фронта награждены медалями «За оборону Ленинграда», орденами и медалями СССР.

Все время, даже в условиях блокады ленинградская промышленность обеспечивала выполнение заказов фронта.

Восемнадцатое января 1943 года — знаменательный день для всех ленинградцев.

Войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали вражескую блокаду нашего города. Ленинград стал связан со страной по суше.

Это дало возможность улучшить экономическое положение города, снабжение фронта, промышленности и населения всем необходимым.

Ленинградские предприятия начали работать еще лучше.

Никогда еще наша промышленность и ее кадры не проявляли такой маневренности, как во время войны.

Все кадровые рабочие, способные носить оружие, ушли на фронт.

На предприятия города пришли подростки. Они заменили на производстве своих отцов и старших братьев.

Молодежь стала решающей силой на производстве. За короткий срок подростки освоили профессии старых высококвалифицированных рабочих.

Широкое распространение получили среди молодежи такие формы стахановского труда, как многостаночное обслуживание и совмещение профессий.

Нет в Ленинграде такой отрасли промышленности, в которой не работала бы молодежь. Нет такой профессии, которой она не освоила бы.

Молодые ленинградцы не гнушаются никакой работой, они понимают, что любая профессия, всякая работа нужна нашей стране, что нет малых дел — все одинаково важно, все одинаково нужно для помощи Красной Армии в ее героической борьбе против немецких захватчиков.

На заводах и фабриках с каждым днем растет число молодых двухсотников, трехсотников. Все комсомольцы нашего города выполняют и перевыполняют производственные задания. Фронтовые комсомольско-молодежные бригады, возникшие во время войны, являются передовыми в социалистическом соревновании. Творческая смекалка, рационализация, изобретательство, строжайшая экономия каждого килограмма металла, горючего, топлива стали важнейшим делом в работе комсомольских организаций. Молодежные воскресники по сбору металлолома, контрольные посты по экономии электроэнергии, топлива, материалов, комсомольские рейды дали дополнительно тысячи киловатт-часов электроэнергии, сотни тонн металла и топлива. Комсомольцы завода, где секретарем комитета ВЛКСМ товарищ Панкратов, только за один месяц собрали девяносто тонн бронзы, тридцать семь тонн алюминия, шесть с половиной тонн латуни, две тонны свинца, сто тонн черного металла.

Молодежь, работая на производстве, вечерами занимается на военно-учебных пунктах, овладевает военными знаниями. На предприятиях и учреждениях работают сотни военных кружков, в которых будущее пополнение Красной Армии учится искусству уничтожать врага. Около трехсот тысяч молодых патриотов прошли военную подготовку, свыше пятнадцати тысяч — приобрели специальность автоматчиков, минометчиков, снайперов. Вместе с юношами овладевают военными знаниями девушки. Более тринадцати тысяч комсомолок стали за время войны медицинскими сестрами.

Все комсомольские организации промышленных предприятий, колхозов, совхозов, лесозаготовительных пунктов и торфопредприятий Ленинграда и области в ответ на первомайский приказ № 195 товарища Сталина начали социалистическое соревнование в честь двадцать пятой годовщины ВЛКСМ. Основной призыв в нашем соревновании — дать фронту больше сверхплановой продукции силами молодежи. На многих предприятиях города в ходе социалистического соревнования по предложению комсомольских организаций начался пересмотр производственных норм. Директора предприятий одобрили и поддержали это начинание. Молодежь дала дополнительно родной Красной Армии тысячи автоматов, минометов, снарядов.

Руками комсомольцев созданы бронепоезда, корабли, отремонтированы десятки танков.

За пять месяцев соревнования производительность труда молодых рабочих повысилась на двенадцать процентов, силами комсомольцев и молодежи изготовлено сверхплановой продукции на десятки миллионов рублей.

Жизненное значение для Ленинграда имеет заготовка местного топлива — дров, торфа.

Тысячи комсомольцев, направленных на лесные делянки и торфопредприятия, обеспечивают топливом нашу промышленность и городское хозяйство.

Силами молодежи для ленинградской промышленности заготовлен торф до нового сезона.

Как никогда, возросла роль молодежи в выполнении военно-хозяйственных задач, стоящих перед городом-фронтом.

Повысилась ответственность молодых ленинградцев за работу предприятий, учреждений, учебных заведений.

Каждый комсомолец Ленинграда понимает, что сейчас страна возложила на молодежь большую ответственность, большие государственные задачи.

Каждый молодой ленинградец нашел свое место в общей борьбе трудящихся и честно выполняет свой долг советского патриота.

Не осталось и следа от былого благодушия, тепличности воспитания, разболтанности и недисциплинированности в нашей среде.

Суровая обстановка войны, условия жизни в городе, осажденном врагом, заставили нас отрешиться от настроений мирного времени, от беспечности.

Комсомольцы поняли, что без преодоления трудностей, без настойчивости и терпения нельзя выполнить ни одной задачи, что в преодолении трудностей закаляется и мужает характер.

Молодежь повзрослела за годы войны. Эта зрелость, рождена священной ненавистью к немецким захватчикам, беспредельной любовью к отечеству.

За время войны укрепился авторитет комсомола среди молодежи. Сто семьдесят тысяч молодых ленинградцев приняты в ряды ВЛКСМ. Более двадцати пяти тысяч лучших комсомольцев, закаленных в бою и труде, рекомендованы кандидатами в члены партии.

Ленинградская молодежь, несмотря на трудности и смертельную опасность, которой ежечасно подвергается каждый из защитников города, работает четко и уверенно. Она знает, что город Ленина несокрушим, что никто никогда его не покорял и не может покорить!

Ленинградцев вдохновляла и вдохновляет любовная забота всей страны и лично нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

В мудрых указаниях товарища Сталина мы всегда находили источник сил, бодрости и вдохновения. Мы всегда чувствуем сталинскую помощь и поддержку, сталинскую отцовскую руку, которая помогает нам в борьбе с ненавистными немецко-фашистскими захватчиками. И все свои силы ленинградский комсомол отдает на то, чтобы выполнить сталинские указания, следуя которым советский народ идет к полной победе над врагом.

Руководитель ленинградских большевиков Андрей Александрович Жданов призывает нас к тому, чтобы мы учились жить, бороться и побеждать как товарищ Сталин; чтобы мы воспитывали в себе сталинское бесстрашие в бою и беспощадность к врагам народа, сталинскую любовь к Родине, сталинскую правдивость и принципиальность.

Сталину, любимому отцу, мудрому учителю молодежи, комсомольцы Ленинграда дают твердое слово быть непоколебимыми в борьбе с немецкими захватчиками, весь огонь своей молодости, всю свою жизнь отдать делу победы над ненавистным врагом, всегда быть верными помощниками большевистской партии, достойными сынами и дочерьми Родины!

На поле брани и в труде молодые ленинградцы будут ковать победу над подлыми гитлеровскими поработителями, неустанно совершенствовать свое боевое мастерство, крепить дисциплину и организованность, проявлять заботу о родной Красной Армии, пополнять ее ряды, оказывать широкую помощь семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны. Чтобы давать больше оружия, боеприпасов и снаряжения, комсомольцы и молодежь города Ленина будут трудиться не покладая рук, будут повышать производительность труда, соблюдать строжайшую экономию топлива, электроэнергии, материалов.

Под мудрым водительством товарища Сталина доблестная Красная Армия ликвидировала летнее немецкое

наступление и, сокрушив оборону противника, устремилась на Запад. Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит немецких захватчиков от Ленинграда, очистит от них города и села нашей Родины и «...на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена».

И будет наша страна, наш великий Советский Союз славен во всем мире и, как никогда, силен и могуч!

И будет наш город на Неве стоять «неколебимо, как Россия».

В. ИВАНОВ

Секретарь Ленинградского Областного и Городского комитетов ВЛКСМ

ЗА РОДИНУ
ЗА ЛЕНИНГРАД

Слова товарища Сталина: „... отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и сёла...“ стали путеводной звездой ленинградцев, вдохновили их борьбу и работу...

А. ЖДАНОВ

Г. НАБАТОВ, В. АФАНАСЬЕВ

ПАРЕНЬ С ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

На подступах к Ленинграду шел горячий бой. У подножия важнейших высот после длительной артиллерийской подготовки фашисты несколько раз ходили в яростную атаку. Стремясь прорваться, враг хитрил: он то появлялся на флангах, то лез прямо на наши позиции. Но, получив отпор, враг откатился.

...Теперь было спокойно. Только десятки неубранных трупов немецких солдат напоминали о происшедшем здесь накануне жарком бое.

Шел косой дождь, и резкий, пронизывающий ветер гнал над полем холодные свинцовые тучи.

Находясь в боевом охранении, боец Николай Титов заметил, как слева от командного пункта батальона приближается к нему человек. Сначала он шел в полный рост, затем слегка нагнувшись, потом совсем исчез в пожелтевшей траве. И вдруг совершенно неожиданно, как будто вынырнув из-под земли, очутился рядом.

— Стой! Кто идет? — крикнул Титов, сжимая крепче винтовку. — Пропуск?

Незнакомец спокойно назвал пропуск и спросил отзыв. Теперь боец мог разглядеть его вблизи. Это был юноша, невысокого роста, узкогрудый. На его безусом лице играла добродушная улыбка. Черные, слегка косящие глаза были устремлены в сторону немецких позиций. Струйки

дождя стекали за ворот его шинели, но он не замечал этого.

— А местечко у вас чудное. Тут, пожалуй, я и устроюсь. В немца стрелять буду...

Титов удивленно взглянул на паренька и, не торопясь, как будто продумывая каждое слово, ответил:

— Стрелять-то надо умеючи... Без толку патроны истратишь. Далеко...

Паренек улыбнулся, посмотрел на свою винтовку и сказал:

— Попробуем!

Он еще раз внимательно осмотрелся кругом и осторожно стал пробираться вперед, ближе к врагу, выбирая огневую позицию.

Паренек этот был Феодосий Смолячков. Он недавно вступил добровольцем в Красную Армию и впервые вышел со снайперской винтовкой истреблять фашистских гадов.

...Вот и удобное место. Смолячков не спеша снял с оптического прицела чехол и стал наблюдать за тем, что делается в стане врага.

Шли часы. Стемнело. А ни один немец так и не показался.

Недовольный, грустный вернулся Феодосий в тот день в землянку.

Ночью к Смолячкову пришел комиссар. Взглянув на Феодосия, он его ни о чем не расспрашивал, — все было понятно.

— Известно, первый блин... С первого шага ничего не дается. Главное — твердо держись своего. Выбрал цель — не отступай. Понял?

Смолячков понял. Наутро он был опять на огневом рубеже. Рядом расположился боец Шушкин.

Из-за угла полуразрушенного дома показалась группа фашистов. Было хорошо видно, как они направляются по дороге.

— Немцы! Немцы!— с дрожью в голосе от смешанного чувства радости и тревоги негромко произнес наблюдатель. Но прильнувший к линзе прицела Смолячков заметил врага сам и уже целился в фашистского унтера.

Сухо прозвучал выстрел. Немец взмахнул руками и упал навзничь.

Остальные разбежались во все стороны.

— Фриц сыграл в ящик! . .— не удержавшись, крикнул сияющий Шушкин.

— Одна штука есть, — серьезно ответил Смолячков и послал в ствол винтовки очередной патрон.

Ждать пришлось недолго. Вскоре показалась еще одна группка немецких солдат. Они шли, шумно о чем-то споря.

Смолячков отчетливо видел их, одетых в мышиного цвета курточки, и намечал очередную «штуку».

Вновь прозвучал выстрел, и фашист свалился, как подкошенный. Метнувшегося к нему другого солдата Смолячков тоже снял.

В сумерках Смолячков и Шушкин возвратились в подразделение.

За три дня Смолячков убил четырнадцать фашистов. Вступая в ряды Ленинского комсомола, он обещал к XXIV годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции довести свой счет мести до двух десятков. Комсомолец сдержал слово: шестого ноября на его счету было двадцать три уничтоженных гитлеровских разбойника.

Красноармейский поэт писал о молодом снайпере:

Метче, чем у Смолячкова,
Нет прицельного огня,
Бьет фашистов он толково:
Двадцать три в четыре дня.

★

. . .Газету, где был напечатан доклад товарища Сталина на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1941 года, передавали в землянках из рук в руки.

Вечером ее читал вслух комиссар. Рядом с ним сидел Смолячков. Феодосию было ясно, чем он должен ответить на Сталинский призыв.

Через неделю после исторического доклада великого Сталина истребитель написал в газету своей части:

«Получив снайперскую винтовку, я занялся целью как можно больше уничтожить фашистских хищников.

. . .Таким путем на сегодняшний день мною уничтожено 57 фашистских стервятников. . . На этом мой счет не закончен. Я обязуюсь еще крепче и беспощаднее разить фашистское зверье.

13 ноября 1941 г.»

Ф. Смолячков

ГАТ[illegible] ГИБ-НА
[illegible]
[illegible] ОК КП(б)
Инв. № 144 310
ДВ[illegible] УРИЦКОГО

В декабре ударили морозы. Снег покрыл поле белым пушистым ковром. Только чернели глубокие воронки от разрывов снарядов. Морозы крепли с каждым днем.

Феодосий Смолячков, казалось, не замечал холодов. Затемно он протаптывал по снегу тропинку на огневую позицию. Багровое солнце, вставшее в морозном мареве, заставало замаскировавшегося снайпера за работой.

Перед ним расстилались уже ставшие знакомыми места. Направо тянется редкая роща. Влево от рощи разбросаны снежные бугры. Это — норы фашистских зверей. Скоро перезябшие немцы вылезут за дровами. Феодосий поочередно будет их истреблять.

Еще левее, в лощинке, темным пятном выделяется застрявший и брошенный немцами грузовик. Они отказались от попыток увести его: чья-то меткая пуля снимала каждого пробиравшегося сюда. Невидимый стрелок — тот же Смолячков.

Его лицо становится суровым, когда глядит влево на занятое фашистами село. Кирпичные трубы одиноко торчат на выжженных и вымерших улицах как немые свидетели варварских разрушений.

Бывало, что из-за высоты, чуть виднеющейся на горизонте, стреляла немецкая тяжелая артиллерия. Над головой Смолячкова со свистом проносились снаряды, и гул их разрывов болью отдавался в его сердце.

— Злодеи! Наш город калечат. Разрушают дома. Мало вам пули за это!

Феодосий смотрел вперед в сторону немецких окопов и мысленно пытался представить себе, что делается там, за этой линией. Вот тут, совсем близко, за цепью Пулковских холмов, чуть в стороне от разрушенного железнодорожного моста, немцы совершили одно из своих зверских преступлений. Феодосий слыхал о нем от разведчиков, вернувшихся из вражеского тыла.

Разведчики видели, как на Египетских воротах города Пушкина ветер раскачивал тела пяти повешенных юношей. Немцы замучили их за то, что они были комсомольцами. За то, что у каждого из них хранилась в кармане такая же, как и у Феодосия, книжечка с надписью: «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи».

В груди Смолячкова клокотала ненависть к палачам.

С каждым выстрелом Смолячков становился более опытным, зрелым. Напарники не узнавали его.

— Еще вчера наш Смолячков был другим, — говорили они.

Вот стоит он, как застывший, у амбразуры. Его лицо сосредоточено.

Внимательно и терпеливо изучает Смолячков сектор обстрела. Его взгляд на мгновение задержался у поваленного столба. Из немецкого окопа вылез фашист. Пугливо озираясь по сторонам, он направился куда-то по заснеженной тропинке.

Смолячков прицелился и спустил курок. Пуля угодила гитлеровцу в ногу.

— Почему не в голову бьешь? — спросил удивленный напарник.

— Ты смотри, что будет, — ответил Смолячков.

Издали доносились крики раненого.

На эти крики из окопа выползли пять немцев и побежали по тропинке.

Феодосий прицелился и уложил последнего.

— Первого я всегда успею. Ему дальше всех бежать обратно, — объяснил он напарнику.

«День был удачным, убил 6 фашистов», — записал вечером в свою книжечку Феодосий. Его боевой счет приближался к сотне.

Однажды в землянку, где находился Смолячков, прибыли гости: ленинградские заводы и фабрики послали своих делегатов на фронт. Тут, на передовых позициях, посланцы города знакомились с делами бойцов, расспрашивали Смолячкова об его охоте за немецкими бандитами. А он, смущенный вниманием, не мог понять, почему проявляют к нему такой интерес.

Делегаты вручили Феодосию Смолячкову подарки. Долго и взволнованно глядел он на меховую шапку-ушанку и полушубок.

Известность как-то тяготила Феодосия. Он чувствовал себя неловко, когда в газете писали про дела Смолячкова.

Другое дело, когда он читал про героев-летчиков. Это ему понятно: речь шла о подвигах. «А я что сделал?» — Феодосий считал себя в неоплатном долгу перед Родиной за все — за детство без нужды и лишений, за учебу, за обеспеченную старость родителей.

На пороге 1942 года Смолячков подвел свой боевой итог. Ему не пришлось краснеть ни перед товарищами, ни

перед своей совестью: он начал истреблять уже вторую сотню гитлеровских бандитов.

— Кровь за кровь, смерть за смерть!

★

Теперь уже не было дня, чтобы Феодосий возвращался с «охоты» без результатов.

Давно прошло время, когда немцы на переднем крае ходили во весь рост. Сейчас самые наглые из них не решались ходить не пригнувшись. Окоченевшие, обовшивевшие фашисты ползали на брюхе даже перед своими земляками. Но и это не всегда спасало. Смолячковская пуля настигала их и здесь.

Фашисты пускались на все уловки, чтобы обнаружить и уничтожить русского снайпера. Как-то раз над вражеским окопом неожиданно появилась фигура немецкого солдата. Так и хотелось Феодосию разделаться с ним, но он сдержал себя. Движения немца показались ему подозрительными. Опытный глаз обнаружил обман: это было чучело. Тщетно ждали фашисты выстрела. Его не последовало. В другой раз фашисты решили захватить снайпера живым. Сперва начали бить минометы. Под прикрытием их огня немцы полезли прямо на окопавшегося Смолячкова. Когда они приблизились, Феодосий отложил в сторону винтовку и стал швырять в гитлеровцев гранаты. Снайпер искусно владел и «карманной артиллерией». Когда уцелевшие немцы удирали к своим блиндажам, он посылал им вдогонку меткие пули.

Так проходили боевые дни Феодосия в начале января. На «охоту» ходил с ним молодой боец Алексей Зибров. Он тоже завел записную книжечку, и в ней появились первые записи.

«Вышли из расположения части в 6 ч. утра. Выдвинулись за боевое охранение и проволоку. Уничтожили 7 фашистов. Смолячков — 6, а я 1».

«В 6 утра были на старом месте. Выдвинулись еще ближе к немецкому переднему краю. Уничтожили 5, Смолячков — 3, а я уже — 2».

«Землянку покинули в 6 утра. Целый день провели в сарае, откуда вели наблюдения. Били минометы и орудия фашистов по нашему переднему краю. Смолячков убил 6 фашистов. У меня — ничего».

«Плохая видимость. Не переставая шел снег. Я не убил ни одного».

«Вблизи нас, шагах в пяти, разорвалась мина. Мне выбило осколком два зуба. Смолячков, обеспокоенный, отослал меня, а сам остался на огневом рубеже. Он истребил 5 фашистов».

«Уничтожили 6 фашистов. Мороз был 36 градусов».

К середине января на боевом счету учеников Смолячкова уже были десятки истребленных захватчиков, а у самого Феодосия Смолячкова — сто двадцать пять. Он израсходовал на это сто двадцать шесть патронов. Лишь одна пуля легла мимо цели, но фашиста догнала вторая пуля Смолячкова.

Ленинградский комсомолец Феодосий Артемьевич Смолячков стал грозой фашистских разбойников.

Его имя стало известно трудящимся города Ленина, воинам всего Ленинградского фронта. Славный патриот был окружен всеобщей любовью.

Но Феодосию это не вскружило головы. Он попрежнему оставался скромным, застенчивым, малоразговорчивым.

Пример неутомимого истребителя фашистов вдохновлял сотни бойцов.

...В землянке чадит коптилка. Скупой свет чуть освещает нары, маленький столик, сделанный из ящика, узкий и низкий вход. Все остальное скрыла темнота. Струя холодного воздуха неожиданно ворвалась в землянку. В дверях стоял весь занесенный снегом Смолячков.

— Феодосий пришел!.. Ребята, подкиньте дровишек...

— Чайку хочешь?..

Землянка сразу ожила.

— Ну, как сегодня, Феодосий? — раздалось сразу несколько голосов. Всех интересовали результаты «охоты».

Раздеваясь, Смолячков коротко ответил на два-три вопроса и начал чистить винтовку. Он медленно разобрал и снова собрал затвор, смазал маслом и повесил винтовку у изголовья. Винтовка № 13914 была опять готова к бою.

Феодосия окружили боевые друзья. Медленно, как бы взвешивая каждое слово, он стал рассказывать о том, как прошел боевой день: как он выбрал огневую позицию и оборудовал ее, как выследил четырех немцев и уложил их меткими выстрелами. Смолячков был моложе всех. Но это не помешало товарищам признать в нем своего учителя.

Снайпер учил товарищей дельным советом, но больше всего — личным примером, наглядным показом на огневом рубеже.

С вечера товарищи Смолячкова узнавали задание на следующий день, изучали направление, продумывали маршрут.

Школа Смолячкова дала замечательные плоды. Более пяти тысяч немецких оккупантов истребили его ученики и друзья — бойцы и командиры части.

Их зовут смолячковцами.

— Когда меня спрашивают, кто меня научил снайперскому делу, — рассказывает снайпер-орденоносец Алексей Зибров, — то я с чувством гордости отвечаю: Феодосий Смолячков.

Партия Ленина—Сталина, комсомол зажгли жгучую, неистребимую ненависть к фашистским убийцам в груди Смолячкова, Зиброва, Остудина и сотен других народных мстителей. Комсомольцы явились застрельщиками этого могучего движения, несущего смерть немецким захватчикам.

До войны Феодосий работал на стройке в Выборгском районе Ленинграда. Тех, кто знал его, всегда привлекали энергия, упорство и настойчивость этого на вид скромного и застенчивого юноши. Смолячков постоянно стремился лучше и быстрее выполнить любое задание, каким бы трудным оно ни казалось.

Выборжцы гордятся тем, что среди них жил и по-стахановски трудился зачинатель истребительного движения на всем Ленинградском фронте.

Когда в темные холодные цехи заводов приходила весть о новых десятках немцев, истребленных Смолячковым, рабочим казалось, что в их уставшие тела вливаются новые силы и пальцам закоченевших рук становится как-то теплее. Светлели суровые лица людей, не знавших неделями отдыха и сна.

— Хорошо, парень! — восхищались пожилые выборжцы. — Что ни пуля — фрицу гроб. Орел!

Пример парня с Выборгской стороны вдохновлял не только его товарищей по оружию. У Смолячкова училась железному упорству вся ленинградская молодежь.

В годовщину со дня гибели героя на его могиле, недалеко от переднего края, собрались на траурный митинг бойцы и рабочая молодежь Ленинграда.

Представитель ленинградской молодежи горячо говорил:

— В те дни, когда ты охотился на фашистов, припадая к снегу и коченея на морозе, нам было очень трудно. Иногда казалось, что голод унесет от нас и силы и молодость. И вот тогда мы вспоминали о тебе, о твоей стойкости, о твоем героизме и с новой энергией становились к станкам...

Ленинградские комсомольцы дали на могиле Смолячкова клятву: работать так, как сражался на фронте бесстрашный снайпер-истребитель, сделать все, чтобы скорее очистить нашу землю от ненавистных банд фашистских захватчиков.

Это была святая клятва.

Пройдут годы, но никогда советский народ не забудет молодого парня с Выборгской стороны, стойко, до последнего вздоха защищавшего в решающие дни город Ленина, лично истребившего на подступах к Ленинграду сто двадцать пять гитлеровских хищников.

Военный Совет Ленинградского фронта наградил Смолячкова Орденом Ленина. Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Советского Союза.

Славное имя Феодосия Смолячкова на века войдет в историю Великой Отечественной войны.

Вл. ЛИФШИЦ

ПЕСНЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО КОМСОМОЛА

Давно ли мы в песнях, друзья, вспоминали,
Как шел девятнадцатый год,
Как русскую землю отцы отстояли
У Пулковских гордых высот...
Давно ли мы пели, как пули свистели,
Как питерцы вышли на бой,
Как Сталин в походной солдатской шинели
Повел молодежь за собой.

Ленин призвал,
Сталин повел
В бой
Петроградский
Стальной комсомол!

Враг снова нагрянул, вокруг Ленинграда
Замкнул огневое кольцо.
Узнали мы грозное слово «блокада»
И смерти взглянули в лицо.
И снова на битву пошли добровольцы,
Как в тот, девятнадцатый год,
И снова с призывом «За мной,
комсомольцы!» —
В суровый и трудный поход.

Сталин призвал,
Жданов повел
В бой
Ленинградский
Стальной комсомол!

Ни голод, ни холод, ни бомбы, ни пули,
Ни злая ночная пурга
Голов комсомольских к земле не пригнули,
Пошел комсомол на врага!

Пощады не зная и страха не зная,
Питаясь голодным пайком,
Стояли мы в дзотах переднего края,
Стояли за каждым станком!

Сталин призвал,
Жданов повел
В бой
Ленинградский
Стальной комсомол!

И старый, и малый запомнят участье
Моей комсомольской руки.
За Русскую землю, за волю, за счастье
Идут комсомольцы в штыки!
Не тот комсомольцем, ребята, зовется,
Кто думает, как бы не пасть,
А тот, кто дерзает, работает, бьется
За нашу, Советскую власть.

Сталин призвал,
Жданов повел
В бой
Ленинградский
Стальной комсомол!

152 из 154

Рассказ Героя Советского Союза
В. ПЧЕЛИНЦЕВА

ВОЙНА

Мы сидели в комнате студенческого общежития. Пять товарищей: Юрий Капков, Дмитрий Кунаков, Юрий Херувимов, Анатолий Кремнев и я. Сидели и мечтали о будущем. Мы закончили третий курс Горного института. Настало время каждому из нас показать, на что он способен. Завтра нас зачисляют в разведывательные геологические партии.

Каждому из нас, конечно, хотелось сделать что-нибудь большое, затушевать «белые пятна» на карте природных богатств страны. В свою мечту, которая вынашивалась годами, мы вкладывали значительно большее, чем просто тщеславное желание личного успеха. За кордонами нашей страны бушевал пожар второй мировой войны. Что будет? Не посягнет ли враг на нашу родину?

К решающим схваткам мы мечтали поднять новые богатства наших недр, чтобы обрушить их на врага. Новые горы металла, цемента, угля, нефти мы хотели открыть нашей стране. Мы крепко жали друг другу руки и желали успеха...

Моя разведывательная партия задерживалась. Она собиралась в путь только через месяц, и я решил это время погостить у родителей, в небольшом городке у самой границы.

Ночью поезд медленно отошел от ленинградского вокзала. Мелькнули дома окраин, нарядные дачи. И вот уже не различить отдельных строений: море трепещущего огня. Я мысленно угадывал темный квадрат Сенатской площади и на вздыбленном коне Медного всадника. Густое марево дыма над шумным, не затихающим ни днем, ни ночью портом. Узорчатые мосты, широкие проспекты, монументальные набережные. Родная северная столица искрилась мирными, радостными огнями.

Двадцать первого июня в восемь часов вечера я приехал в маленький городок, разыскал нужную улицу и домик в тенистом саду. Я дома! Отец возвратился только в час ночи. Встреча была радостной. Мы долго говорили с ним о моем будущем. Оно широко открывалось передо мной. Я лег спать с радостной мечтой о завтрашнем дне.

Сквозь сон я услышал гул и громовые раскаты. В окно был виден пожар.

— Владимир! — окликнул меня отец. — Это немцы. Я ухожу. Позаботься о матери и ребятах.

Он крепко пожал мне руку и ушел. Ушел на войну...

А я? Мог ли я оставаться в стороне? Не помню, до какой станции я довез мать и детей, пересадил их на поезд, отправлявшийся в глубь страны, а сам поспешил в Ленинград.

Он встретил меня угрюмо. Ни одного огонька. Лицо города было строгим, исполненным уверенности и решимости. Много военных. На перекрестке улиц милиционер без белых перчаток, но в каске.

Четыре друга дожидались меня в общежитии. Когда улеглось оживление, вызванное встречей, Юрий Капков сказал:

— Экспедиции рухнули, а вместе с ними и наши мечты. Их разбомбили фашистские стервятники, ворвавшиеся в тишину нашей жизни...

Родина готовилась к великим битвам. И наше место было на полях сражений. Тут же мы написали заявление в райком комсомола: «Просим зачислить нас добровольцами в ряды Красной Армии».

Все пятеро поставили свои подписи.

МОЙ ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ

Нас зачислили в истребительный батальон, командиром которого был капитан Терехов.

Друзья пробыли со мной недолго: их перевели в дивизию, отправлявшуюся на фронт. Как я им завидовал! Теперь могу сознаться: в те дни войны я мечтал о танках, самолетах и почти не верил в боевую силу винтовки. Кругом столько говорили о грандиозности технического во-

оружения врага, что винтовка казалась мне пережитком старого.

Немцы были у стен нашего города. Обессиленные изнуренные, они кротами зарывались в землю. Мы выкуривали их из окопов и уничтожали. Вот тогда я снова уверовал в боевую мощь нашей русской винтовки, в силу одиночных выстрелов, методически, изо дня в день выводящих из строя вражеских офицеров, пулеметные и минометные расчеты, фашистские самолеты.

Я помню день, когда открыл свой лицевой счет истребления врага. Это было восьмого сентября. Тринадцать бойцов разведывательного отделения заняли передний окоп у самой реки. На противоположном берегу немцы. Вечерело. Солнце у самого горизонта. Тихо и безлюдно кругом. Вдруг вижу: идут двое. Немцы. Во весь рост вытянулись, точно не воры, а хозяева. Каждый в руках по ведерку держит. Взыграла во мне злость. Чему радуются: нашему солнышку, тишине нашего края, певучести наших птиц? Приложился я к винтовке. Вспомнились почему-то тир, наглая фашистская рожа мишени... Я нажал на спусковой крючок. Один немец плюхнулся; ноги на берегу, голова в воде. Второй залег, переждал и ползком стал взбираться на берег.

— Уйдет так! — шепнул мне сосед. — Быстрей стреляй!

Но стрелять было нельзя. Немец умело полз. Он точно сросся с землей. Однако только он вылез на гребень крутого берега, как его поймала моя пуля. Ну, думаю, приманка есть. Полезут фрицы за своими друзьями. Им друзья эти не так уж нужны, да ведь не пропадать же ведеркам. Лежу и жду. Все застыло кругом. И вдруг где-то совсем рядом вспыхивает яркое пламя магниевой ракеты, стрекочет пулеметная очередь. Это немцы заметили своих убитых и теперь нервничают... Ничего, пострекочут и перестанут. Лежу, жду.

Под утро на берегу показались трое в зеленых мундирах. Осторожно ползли они к убитым. Двое вытащили мертвецов на берег, а третий потянулся за ведерками. Я выстрелил. Один остался лежать на берегу с протянутой рукой. Другие поспешили было уползти. Но им это не удалось. И они скатились в воду.

К полудню приползли еще двое. И они остались лежать тут же.

Пожал мне командир руку и говорит:

— Поздравляю! Лиха беда — начало! — и тут же протягивает мне снайперскую винтовку.

Хорошая оказалась винтовка.

Принес я новую винтовку в блиндаж. Разобрал ее, почистил. Провозился допоздна. Только заснул, будят.

— Вставай, вставай! — кричит командир взвода.

Я вскочил, схватил винтовку и — к амбразуре. В предрассветной мгле раннего осеннего утра смутно виднелся немец. Видно, сильно проголодался гитлеровец, что рискнул вылезти из окопа. Собрался на огород за картошкой. Кто садил, кто выращивал, а он копает! Выстрелил я вору под ноги, чтобы скорее пошевеливался. Он и впрямь заторопился. Бочком, бочком засеменил обратно. Добежал до изгороди, забросил на нее ногу, да так и повис: пуля точно угодила ему в череп.

В первых числах ноября я отправился незваным гостем к немцам. Переправился через реку и облюбовал потайное местечко. С этой удобной позиции хорошо была видна вся местность. Двадцать пять офицеров и солдат уложил я там.

Тогда-то я особенно почувствовал пользу своей деятельности. От моих одиночных выстрелов редели вражеские ряды. А я был не одинок: нас, метких стрелков, было много — и должно быть еще больше. Если сотня снайперов одиночными выстрелами уложит тысячи гитлеровцев, на что будут годны их обезглавленные танки, минометы и пулеметы? Я взял социалистическое обязательство: к концу января уничтожить сто фашистов. На соревнование вызвал тогда уже известного на нашем фронте снайпера Вежливцева.

Вежливцев принял мой вызов и дополнил его обязательством подготовить пять новых снайперов. На нашу переписку откликнулись и другие отличные стрелки, в частности настоящий русский богатырь Феодосий Смолячков. Вражеская пуля сразила этого героя. Но образ его живет в сердце каждого из нас. Он зовет к беспощадной борьбе с врагом...

Снайперское движение распространялось все шире и шире. Десять учеников Смолячкова уже истребили свыше тысячи гитлеровцев.

Рос и мой лицевой счет. Я выполнил свое обязательство, уложил сто два фрица. Но был один изъян в моем

боевом балансе — три непопадания. Три напрасно израсходованных выстрела. Надо было выровнять счет...

Это было зимой. Немцы забрались глубоко в землю. Сутками приходилось подкарауливать зверя. Скоро мне выпала удача. Однажды я со своим учеником отправился на огневой рубеж. Залегли в снег и ждем. Долго пришлось нам лежать. И вдруг вижу: из дальней избы выбегает фриц и мчится к соседнему дому. Я его уложил.

— Изготовься! — советую ученику. — Фрицы, не дождавшись друга, вылезут из норы посмотреть, в чем дело.

Действительно, часа через полтора появляются двое. Идут — и наткнулись на труп. Нагнулись. Ученик мой хотел было уже стрелять, да я его остановил: созрел новый план.

Один немец ухватил труп за ноги, другой — за голову и поволокли к избе. Когда они повернулись к нам спиной, я выстрелил. Пуля отлично прошла сквозь два фашистских черепа. Мой баланс сразу улучшился. Один напрасный выстрел был погашен. За время моего пребывания на фронте я сделал сто пятьдесят четыре выстрела и сразил сто пятьдесят два гитлеровца. Два напрасных выстрела еще продолжают «висеть» на моем счету.

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

ЛЕСНАЯ ПОДРУГА

Хрупкая черноглазая Тося была очень подвижна и жизнерадостна. Она радовалась жизни, смеялась, пела, и руки ее жадно тянулись к работе. Бывшая швейница, она теперь работала в райкоме комсомола.

Юность девушки протекала безоблачно. Были свои радости и маленькие печали. Жила Тося в зеленом низеньком флигеле в глубине сада. Здесь все дышало покоем, мирным уютом, — узкий переулок порос сочной травой, в которой проступали еле заметные дорожные колеи; из-за частокола свешивалась густая листва кленов.

В это лето особенно хороша была Луга! Крохотный чистенький городок, излюбленное дачное место ленинградцев, потонул в буйной зелени. Ярко синело небо, и река в излучинах сверкала на солнце. За рекой, на песчаных холмах, раскинулся пахучий бор. В Заречье в темной зелени сосен спрятались уютные дачи.

Тося с подружками часто уходила к песчаной речной отмели: хорошо выкупаться в знойный полдень! Под высоким яром — глубокий омут. В темной глубине его скользят жирные большие лини. Холодок обжигает тело, а солнце над рекой золотыми потоками заливает цветущую долину.

В это воскресенье Тося сидела у песчаного яра. Ребятишки шумно купались в реке. В безоблачном синем небе внезапно загудел мотор.

— Самолет! Самолет! — закричали дети.

На песчаном обрыве, подняв головенку и жмурясь от солнца, стояла девочка и весело смотрела в небо. Гул мотора усиливался, самолет вырастал на глазах. Вот он описал кривую над рекой и вдруг, как коршун, скользнул вниз.

В то же мгновение прозвучала дробь пулеметной очереди и синеглазая девочка комком свалилась с обрыва.

Ребята с криком выскочили из реки. Тося кинулась к ним и, хватая за плечи, заставляла ложиться среди глубоких борозд картофельного поля.

Самолет развернулся над картофельным полем, и снова дробно застрочил пулемет. Один мальчуган, не успевший улечься в борозду, теперь упал как подкошенный.

Со страшным ревом самолет еще раз пронесся над полем, полез вверх и повернул к железнодорожной станции. Через несколько минут грохнули взрывы, задрожала земля. Немецкие бандиты сбрасывали фугасные бомбы на тихую Лугу, мирный дачный городок под Ленинградом.

Тося в оцепенении сидела на песке, не сводя глаз с трупов ребят. Всего несколько минут тому назад они безмятежно резвились в речке...

★

...От здания райкома партии отходили последние грузовые машины с отрядами ополченцев. Высокий широкоплечий секретарь райкома Дмитриев стоял на дороге и вглядывался в лица сидевших в машинах людей.

Раньше Тося много раз встречала Дмитриева. На вид строгий, он был душевно прост и ласков с комсомольцами. Но сегодня Тося шла к секретарю райкома с необычайным делом и слегка робела. Дмитриев заметил девушку и поднял утомленные глаза. На усталом небритом лице золотилась щетина, вокруг глаз лежали синие тени. Тося стояла перед ним невысокая, худенькая, в белой батистовой кофточке.

— Ну, что, девушка, скажешь? — спросил он. — Своих ищешь? Умчались уже.

— Иван Дмитриевич, примите меня в истребительный отряд! Все комсомольцы идут, а я разве хуже?

— Ну, куда тебе, Тося! — по-отцовски тепло сказал секретарь. — Разве выдержать тебе тяжелую походную жизнь?

— Я же комсомолка, — с жаром заговорила Тося, — умею обращаться с винтовкой. Сами вы, Иван Дмитриевич, сколько раз нам говорили: «Наступит день, и придется вам держать экзамен». Вот и пришел этот день. А что тяжело будет, — знаю, выдержу.

— Эх, девушка, — улыбнулся секретарь райкома — золотая девушка! Ну что мне с тобой делать?

— Дочка! Садись, дочка! Иван Дмитриевич, отпусти с нами Петрову! — закричали с одной машины ополченцы.

— Ишь сколько ходатаев! Быть по-твоему, поезжай! — согласился Дмитриев.

Он взглянул на легкую батистовую кофточку Тоси, быстро снял пиджак и набросил его на худенькие плечи девушки. От этого она сразу стала совсем маленькой.

— Ну, не перечить! — строго сказал секретарь и ласково подтолкнул ее. — Езжай, езжай так, в пиджаке теплее. Это в городе ночь теплая, а в поле или в лесу на зорьке проберет холодок.

— Тронулись! — крикнуло несколько голосов в грузовике. А кто-то добавил: — Благослови, Иван Дмитриевич...

— В добрый час! Я следом за вами, вот только последнюю отправлю.

...На подступах к Луге шли ожесточенные бои. На одном участке яростный напор немцев удерживался небольшим отрядом ополченцев. Отбивать атаки во много раз численно превосходящего врага становилось все труднее. Немецкие автоматчики прорвались вперед и стремительно помчались по дороге к Луге.

Секретарь райкома встал и пошел вдоль траншеи ровной размеренной походкой, как хозяин-пахарь по своей земле.

Когда Дмитриев проходил мимо Тоси Петровой, та вопросительно посмотрела на него. Он подошел поближе, присел на землю, утер пот с высокого чистого лба и тихо заметил:

— Ну, вот, девушка, и настоящий экзамен наступил. Они прорвались вперед, значит теперь мы в их тылу. Будем драться. Главное, никогда не теряй веры в победу!

— Я, Иван Дмитриевич, никогда не отступлю.

Секретарь райкома поднялся и все той же размеренной походкой пошел дальше вдоль траншеи.

Ночью отряд отошел к дальнему рубежу. Стало известно, — враг занял Лугу. Командир сказал:

— Надо переходить на партизанское положение.

★

Стояли августовские темные ночи; из-за холмов очень поздно вставал круторогий месяц. В его неверном тусклом свете, как призрачные тени, по топким мхам бесшумно пробирались партизаны на боевое дело. С ними всегда шла Антонина Петрова.

Секретарь райкома с дружиной действовал севернее, а отрядом, где была Тося, командовал товарищ М. У него резкие черты лица, сросшиеся на переносье брови, глубокая ямка на подбородке. Он суров и строг во время боевой операции, а на отдыхе сердечен и ласков с лесными друзьями.

Однажды разведка установила, что по дороге должна проехать группа немцев на машине.

Тося обратилась к командиру с просьбой, чтобы в засаде ей разрешили выдвинуться вперед и первой метнуть гранату. Командир согласился, приказал девушке сесть у куста, откуда хорошо была видна дорога и удобно было метнуть гранату.

Тося залегла в намеченном месте, приготовила гранаты и зорко наблюдала за дорогой. Кругом было голо и пустынно. Недавно прошли грозовые дожди. В лунном свете блестели лужи на полянах и в придорожных канавах. Легкий ветер шевелил кусты. Тося напряженно ждала, но она была уверена в себе.

По дороге загудела машина, черный кузов ее быстро приближался в лунной ночи. Немцы, сидевшие в грузовике, распевали песню.

Девушка раздвинула кусты, резко взмахнула рукой. Раздался грохот. Тося на секунду приникла к мокрой траве и затем, приподнявшись, бросила еще одну гранату.

Подбежавшие товарищи увидели: у мостика, охваченная пламенем, пылает машина, вокруг валяются исковерканные вражеские тела.

— Чисто сработано, — сказал командир и крепко пожал Антонине руку. На щеках девушки вспыхнул яркий румянец...

С этого дня Тося часто ходила в засаду. Она окрепла, загорела, не знала усталости. Быстроногая и легкая, она проходила через зыбуны, буреломы, укрывалась под мостами, в канавах, и, когда на дороге раздавался шум автомобильного мотора, перед вражеской машиной внезапно и неумолимо вставала тонкая фигура партизанки. Грохот оглашал дорогу, а через минуту девушка исчезала.

За короткое время Антонина Петрова подбила на дорогах десяток вражеских машин с боеприпасами и войсками. После дерзкой операции она путаными лесными тропами возвращалась в партизанский стан, умывалась и принималась за хозяйские дела: обшивала бойцов, стирала, што-

пала изорванную в лесных дебрях одежду и мастерски готовила партизанам незатейливый обед.

Однажды Тося и другая девушка-партизанка Валя отправились в опасную разведку, в деревню Сабцы.

До этого девушки встречали врага лишь в бою. Сейчас они шли в логово зверя. Подбадривая друг друга, они шутили, пересмеивались, но на душе было тревожно. Печальные, истоптанные поля лежали кругом. Как памятники на погостах, поднимались черные трубы сожженных селений.

— Хальт! Стой, девка! — раздался внезапно повелительный окрик.

Девушки вздрогнули и переглянулись. Из ложбинки вышли пять немцев. Один из них схватил Тосю за руку:

— Ты кто такой? Ты куда идешь?

Тося подняла голову.

— Мы на гулянку идем, — спокойно ответила она и, видя, что немец не понимает, пояснила ему знаками.

Солдат внимательно посмотрел на забрызганные грязью сапоги подруг и зло крикнул:

— Идем за мной, девка!

Девушек погнали в Сабцы. Тося взглядом ободряла подругу.

Немцы привели комсомолок в деревню. Они увидели разметанные избы, изломанные изгороди, пепелища да землянки, из которых вился сизый дымок, — все, что осталось от Сабцов.

Девушек втолкнули в одну из уцелевших изб. За столом сидел веснущатый немец. Он перекинулся с солдатами скупыми фразами и стал обшаривать подружек. От бесцеремонных прикосновений у Тоси кровь бросилась в лицо. Она брезгливо поморщилась, но стерпела. Валя настороженно следила за подругой, но та, крепко сжав зубы, молчала.

Тося огромным усилием воли заставила себя улыбнуться и снова повторила:

— Мы из соседней деревни на гулянку шли.

Веснущатый немец сердито бросил:

— Карошо. Сегодня ви будете тут под замок, а завтра ви идешь в своя деревня. Мы узнаем, кто ви есть.

Подружек втолкнули в темный чулан. В маленьком оконце погасли последние блики заката. Густел мрак. Где-то в подполье попискивали мыши. Валя обессиленно опустилась на половицы.

— Вот и конец! Опознают и повесят, — печально сказала она.

Тося не шевелясь стояла перед оконцем. Тяжело было на душе, но она взяла себя в руки и уверенно сказала:

— Нет, Валя, нельзя нам сейчас умирать. Не падай духом, что-нибудь придумаем!

Она присела к подружке, крепко обняла ее, и так они просидели всю ночь, тихонько переговариваясь, строя планы побега.

Утром немцы погнали девушек в соседнюю деревню. Они нагрузили партизанок тяжелыми корзинами с хлебом, и комсомолки шли, сгибаясь под непомерной тяжестью. Конвоиры торопили их и все время опасливо поглядывали по сторонам, держа наготове автоматы. Дорога шла густым лесом, и он страшил их.

«Теперь или никогда!» — думала Тося, и глаза ее обшаривали каждый кустик. Она толкнула подружку и взглядом показала на ближайшую чащобу. Валя поняла и выпрямилась.

Тося бросила корзину и кинулась в кусты. Валя за ней.

Вслед им загремели выстрелы. Немцы палили по убегающим из автоматов. Пули свистели и срезали ветки над головами девушек. Они свернули вправо, и полумрак леса принял их. Ветки больно хлестали в лицо, били по глазам, толстые корневища сосен точно хватали за ноги, девушки спотыкались, падали, но быстро вставали и мчались дальше...

В глухую ночь девушки вернулись в партизанский лагерь. Погасал костер, серый дым низко стлался над полянкой. Часовой дружелюбно кивнул им и указал на костер:

— Сидит и поджидает.

У тлеющих головешек, склонив голову, сидел командир. Он поднял глаза, и лицо его засияло.

— Молодцы!

Тося, волнуясь, рассказала командиру все, что они видели у немцев...

★

В серенький ноябрьский день выпал снег и все кругом побелело. В обнаженном лесу гудел ветер.

Группа партизан совершила большой утомительный марш по лесам и болотам. Уже сгущались сумерки, и пар-

тизаны торопились. Они добрались до скрытого партизанского стана у излучины реки. Среди бурелома и выворотней темнели низкие землянки. Усталые люди устроились на ночлег. Тяжелый сон быстро овладел лагерем.

Только Тося неугомонно хлопотала у костра. Она что-то штопала и, молча, прислушивалась к лесным звукам. Ветер со скрипом раскачивал толстые сосны, налетал на костер, вздувал синеватое пламя и разбрасывал потоки золотых искр. Далеко за болотом выли волки. На часах стоял остроносый парень. Он то и дело опасливо вглядывался в темноту.

Вдруг Тося услышала тихий треск валежника. Она проворно выхватила из кобуры браунинг и быстро повернулась к лесу.

В тот же миг раздалось несколько сильных взрывов. Черный едкий дым заклубился над землей. Тося отскочила от костра и быстрым взглядом окинула партизанский стан. Вправо от нее чернели развороченные землянки. Товарищи погибли! Сердце ее вспыхнуло яростью. Из-за выворотней выбежали немцы. Она успела подумать:

«Измена! Черная измена!»

Враги бежали к ней.

— Девка-русс, выходи!

Тося прижалась спиной к старой сосне, подняла браунинг.

— Получай, пес! — крикнула она.

Немец взмахнул руками и упал с простреленной головой. Услышав шум позади себя, Тося мгновенно обернулась и выстрелила второму врагу в грудь...

Тут она увидела, что стоявший на часах остроносый парень бросил в снег автомат, поднял руки и пошел навстречу немцам.

— Предатель!

Девушка выстрелила, и изменник ткнулся носом в землю.

Прыгая через кусты и пни, партизанку окружали немецкие солдаты. Их было много, десятки. Тося поняла, что ей не уйти. Она знала: в браунинге было четыре патрона. Три она без промаха выпустила в окружавших ее немцев. Четвертый...

Девушка выпрямилась, высоко подняла голову и прижала к своей груди дуло пистолета.

...На другой день к разоренному стану пришел весь партизанский отряд. Партизаны увидели развороченные землянки, истерзанные тела товарищей.

Возле высокой сосны, уткнувшись лицом в покрасневший от крови снег, лежала девушка. Партизаны узнали свою лесную подругу, сняли шапки и склонили головы...

Прошли недели, и в лужские леса пришла волнующая весть: правительство присвоило ленинградской партизанке Антонине Васильевне Петровой звание Героя Советского Союза.

В дремучем лесу, на родной земле, неподалеку от Луги, собрались боевые друзья-партизаны. В этот день они дали торжественную клятву:

«Мы склоняем свое партизанское знамя над прахом девушки-героя и клянемся: покуда в нашей груди бьется сердце, мы будем жестоко бить немецких гадов. Мы отомстим за нашу дорогую Тосю. Ее светлый образ всегда будет являться нам в грозные часы сражений с гитлеровскими бандитами, будет вдохновлять нас на борьбу за освобождение родной земли от иноземных насильников. Вечная память нашему товарищу Герою Советского Союза Антонине Васильевне Петровой. В бой, партизаны!»

Текст этой клятвы партизаны отправили в Ленинград Андрею Александровичу Жданову.

Прямо с митинга народные мстители пошли на боевую операцию. В эту ночь горизонт озарился большим заревом, по всей округе гремели взрывы. Партизаны мстили за свою бесстрашную лесную подругу Тосю Петрову.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

БИЛЕТ № 4142357

Посвящается памяти
героя-комсомольца
Ивана Макаровича Козлова

Как земли во имя, так и неба,
Связанные дружбой и борьбой,
Шли, благословляемые гневом
Своего отечества, на бой.

Что им, смелым, выпало на долю
В двадцать, в двадцать пять веселых лет?
Никогда не дрогнуть пред бедою
И за кровь лишь кровью дать ответ.

Шли суровой воинской порою,
Громом пушек все перекричав,
Шли за власть Советскую герои, —
Грозен был их путь и величав:

Презирая смерть, во имя жизни,
Верные присяге до конца,
Верные незыблемо Отчизне,
Бились комсомольские сердца.

Родина! Ты всем сынам понятна,
Родина! Одна на все века,
Родина, как солнце, необъятна,
Родина, как звезды, высока.

Родина, березынька над тыном,
Родина, с тобой повсюду мы, —
Там, где в зорях все твои долины,
Где в цветах покатые холмы.

...Пули и гранаты били разом,
И в какой-то миг, как будто в мох,
Родина, упал голубоглазый
На один из тех твоих холмов.

Там, где две березы над поляной,
Там, где громко речка разлилась,
Кровь, струею хлынувшая рьяной,
Гневно растеклась и запеклась.

Стих мой, прославляющий геройство,
Песня, что сейчас отозвалась:
На билете славном комсомольском
Кровь, струясь из сердца, запеклась.

Родина! Гордясь своими
Сыновьями, павшими в борьбе,
Сохрани его простое имя,
Он был верен, Родина, тебе.

А. РОЗЕН

КА-ВЕ

Рассказ танкиста

В августе 1941 года мы прибыли в Ленинград. Давно уже мне хотелось побывать в этом чудесном городе. Я наизусть знал названия ленинградских улиц, знал, что Невский проспект строен и прям, как стрела, что набережные Невы широки и свободны, как сама река, что на закате статуи Зимнего дворца становятся фиолетовыми.

Прошло две недели, как я жил в Ленинграде, но еще ни разу я не был на Невском проспекте, не видел Зимнего дворца, ни разу не дышал морским воздухом Невы. Мы расквартировались вблизи завода, в двух небольших домиках. Я был одним из уполномоченных по приему материальной части и целыми днями, а иной раз сутками не выходил из завода.

После обкатки я принимал машины — новые Ка-Ве. За эти две недели я познакомился почти со всеми обкатчиками. Среди них особенно понравился мне один молодой паренек комсомолец. Фамилия его была Морозов, Алеша Морозов. Он каждый раз приветствовал меня по-воински, затем говорил:

— Хороша машина... Ка-Ве!

Он пальцем щелкал по могучей броне танка и слушал звон стали так, как слушает ценитель звон драгоценного хрусталя.

Как сейчас помню день, когда, приняв от обкатчика Морозова очередной Ка-Ве, я сказал:

— До свидания, Алеша! Спасибо за службу!

Признаюсь, мне было грустно расставаться с этим молодым, ладным пареньком. Да и увидимся ли мы когда? Время было тревожное. Немцы подступали к Ленинграду. Уже до завода доносился пулеметный разговор. Боевой приказ был получен, и я торопился сесть в танк, предназначенный для меня.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант, — сказал обкатчик, — я с вами на этой машине.

— Зачем это? Я прекрасно сам доведу машину.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант. Я к вам надолго.

И он подал мне четвертушку бумаги, на которой я разобрал заявление обкатчика Алексея Морозова о зачислении его водителем в танковую часть и короткую резолюцию военкомата: «Зачислить».

По-правде сказать, я нахмурился. Быть хорошим обкатчиком танка — это одно, а водителем боевой машины... Но тут я посмотрел на Морозова. Он больше не улыбался, только огоньки вспыхивали в его глазах и выдавали волнение.

Мы вместе залезли в Ка-Ве. Но, не доезжая до заводских ворот, мой водитель вдруг остановил танк. Я увидел, как Морозов выскочил из машины, подбежал к совсем седенькому старику, крепко обнял его и поцеловал. Это заняло не больше минуты.

— Извините, товарищ старший лейтенант, — сказал водитель. — Папаша мой.

С тех пор я больше не расставался с Алексеем Морозовым.

Помню сентябрьское утро. С наблюдательного пункта я в бинокль видел немцев. Среди шинелей я различал очертания барабанов и труб. Немцы хотели войти в Ленинград с духовым оркестром впереди.

Я показал водителю направление.

Наши снаряды первыми рассекли сентябрьский туман. Это утро обернулось для немцев мглистым вечером, непроглядной ночью. Померкла медь на немецких трубах. Водитель Морозов точно держался направления. Танк был послушен Морозову так, словно не в гибельном грохоте и свисте вел он его, а на мирной площадке завода, предназначенной для обкатки машин. После боя, закопченные, черные от гари, от дыма, мы вылезли из танка, и я сказал:

— Молодец, ты правильно чувствуешь бой!

Морозов покачал головой:

— Ка-Ве, товарищ старший лейтенант, Ка-Ве...

Он был влюблен в свою машину. Он верил, что она непогрешима, он знал, что Ка-Ве не подведет его никогда.

В редкие часы затишья Алеша Морозов рассказывал мне о себе. Я видел его в шумном движении Невского

проспекта, видел, как идет он, веселый и легкий, тенистой аллеей Летнего сада; выйдя из сада, он молчаливо смотрит на раскинувшийся по берегам Невы город.

Передо мной сидел молодой парень, в негнущейся от пота, грязи и бензина робе водителя танка, и я понимал, что Ка-Ве запечатлен в его душе как слепок с чудесного ленинградского мира.

Немного часов затишья было за это время. В полку узнали особую поступь танка, который водил в бой Морозов. За эту поступь танк назвали истребителем. Ка-Ве с ходу врывался в боевые порядки немцев, мял, крошил, уничтожал все, что было немецким. За эту поступь танк назвали неустрашимым. Алеша Морозов никогда не поворачивал Ка-Ве вспять.

...Пришла зима. Снег покрывал немецкие блиндажи, немецкие доты и траншеи. Немцы зарывались глубоко в землю.

Мы с Алешей стояли рядом с Ка-Ве и внимательно смотрели на боевую машину. Он сказал:

— Товарищ старший лейтенант! Машина требует ремонта. Машине все же досталось за это время. Ка-Ве требует ремонта.

Голос Алеши звучал чуть глухо. Пять месяцев мы не были в Ленинграде. Мы знали о беспримерной стойкости его людей. И все же я сомневался: в силах ли они сейчас помочь нашему Ка-Ве?

Наверное водитель угадал мои мысли. Он сказал:

— Я не знаю, как сейчас работают в Ленинграде. Но ведь это Ленинград...

К утру мы были в городе. Я видел снежное безмолвие Ленинграда, видел разрушенные здания, пробитые снарядами крыши, классические колонны, меченные осколками. Ленинград, неповторимый в своей тревожной красоте. Но сильнее всего я запомнил завод, гигантский цех и костер посредине цеха, возле которого грелись рабочие. Они отошли от костра, когда мы, громыхая, въехали в цех. Алеша выскочил, подбежал к одному из рабочих, совсем седенькому старичку. Они обнялись.

Потом вдвоем они подошли к танку и стали осматривать машину, тихие, похожие на заговорщиков. Сейчас для них существовала только эта машина, танк Ка-Ве.

Я навсегда запомнил Алешу в этом скованном морозом цеху. Он послушно выполнял все, что требовал его отец. Старик распоряжался строго. Я заметил огоньки, вспыхнувшие в глазах Алеши, когда к вечеру Ка-Ве с удивительной для такой громадной машины легкостью двинулся по цеху.

Прошлым летом к нам в полк приезжал старик Морозов и рассказывал о новой деятельности завода. И вновь я увидел в глазах Алеши немеркнущие огоньки. Потом отец с сыном разговаривали вдвоем, и Алеша почтительно слушал старика.

Сейчас я знаю, о чем говорил старик Морозов сыну. Верно, о том, чтобы драться так, как потом Алеша дрался в январе сорок третьего года.

Алексей Морозов вел танк вперед. Немцы боялись нас и много месяцев подряд строили свою оборону. Они боялись наших Ка-Ве, и десятки пушек следили за нами, а когда мы пошли вперед, они открыли огонь из всех пушек. Мы приняли этот поединок и неуклонно шли вперед. Мы ворвались к ним и били их не уставая. Ни на мгновение Ка-Ве не прекратил огня.

Глубокая вмятина на броне Ка-Ве, но мы идем вперед. Еще одна вмятина. . . Еще. . . Мы идем вперед.

Сильный удар потряс танк. Он замер. Я на минуту был оглушен. Когда я выскочил из машины, Алеша уже был на земле и работал. Я не видел его лица. Но я представлял себе: оно было яростным и спокойным.

Шум нарастал. Казалось, весь немецкий огонь был направлен против нас, против нашего Ка-Ве, но Алеша ни разу не поднял головы, — он работал. Так прошло наверно всего несколько минут.

— Ка-Ве в порядке, товарищ старший лейтенант, — сказал Алеша.

— По местам! — приказал я.

Ка-Ве шел вперед.

Немецкий огонь стих внезапно. Не помню часа, когда это случилось. Не понимая еще странной тишины, я выглянул и увидел идущий навстречу нам Ка-Ве. Не было сомнения, навстречу нам танкист-волховчанин вел Ка-Ве. такой же, как наш, такой же чудесный ленинградский Ка-Ве.

Значит, свершилось. . . Встретились. . .

Я постучал водителю:

— Скорей, скорей навстречу!

Но, вместо того чтобы прибавить ход, наш танк снова остановился. Снова я вылез из машины, но на земле не увидел водителя. Бросился к танку:

— Товарищ Морозов! Алеша!

...Через минуту я на руках вынес из машины водителя Ка-Ве, танкиста, ленинградского комсомольца Алексея Морозова. Алеша скрыл смертельную рану, он отодвинул смерть, он вел танк вперед, и он увидел, да, я это знаю, он увидел идущий нам навстречу Ка-Ве. В последний раз тогда вспыхнули его глаза.

В. ГРАЧЕВА

МУЖЕСТВО

Ленинградский комсомолец Андрей Федоров дважды с оружием в руках вставал на защиту Родины. Юношей, в 1939 году, почти прямо со школьной скамьи он ушел сражаться с белофиннами за родной Ленинград, а с первых дней Великой отечественной войны он участвовал в жестоких битвах с немецкими захватчиками. Осенью 1941 года подразделение Федорова попало в окружение на одном из участков Северо-Западного направления. Во время выполнения задания командования по разведке Андрей был ранен в ногу и потерял связь со своим подразделением, но ему удалось пробраться к партизанам, и в течение почти года он был одним из бесстрашных солдат знаменитого партизанского края Ленинградской области.

Андрей Федоров умер от тяжелых ран, полученных при выполнении боевого задания. Мать Андрея — В. М. Грачева — написала простую и трогательную повесть о своем сыне — достойном воспитаннике ленинградского комсомола. Мы публикуем отрывок из этой повести.

☆

...Голодный, оборванный, прихрамывая на раненую ногу, бродил Андрей в Ильменских лесах. Уже несколько дней он не слышал гула войны и понял, что линия фронта подвинулась вперед, а он теперь находится на территории, оккупированной врагом.

«Нужно во что бы то ни стало или присоединиться к партизанскому отряду, или самому начать его организовывать», — решает Андрей.

Ночью он выбрался из леса и увидел неподалеку село. Еле держась на ногах, подошел к окошку крайней избы и слегка постучал по стеклу.

— Кто там? — раздался женский голос.

Андрей подошел к двери. Он решил довериться этой русской женщине, так как ничего подозрительного на пути своем к деревне и в самой деревне он не заметил.

— Я раненый красноармеец, пробираюсь к своим, — тихо произнес он.

В ту же минуту дверь приоткрылась, теплая женская рука цепко схватила Андрея и поспешно втолкнула в избу. Дверь опять закрылась. Андрей огляделся и в темноте различил молодое женское лицо. Женщина тоже оглядела гостя и, ни о чем не расспрашивая его, усадила за стол, Затем она на минуту скрылась в темноте дальнего угла комнаты и, вернувшись, положила на стол ломоть хлеба и поставила горшок с молоком.

Андрей не ждал приглашения. Он ел с жадностью человека, уже несколько дней не видевшего пищи. Женщина все это время не сводила глаз с него, и, когда Андрей кончил есть, она грустно вздохнула и сказала:

— Больше у меня у самой нет ничего.

— Спасибо, не забуду я этой избы и твоего хлеба, — ответил Андрей. — Теперь укажи, как мне пробраться к своим.

Глаза женщины прищурились, и она, казалось, чуть недоверчиво взглянула на Андрея.

— Не знаю, как пробраться. Отдохни малость, отлежись, ведь еле на ногах стоишь, а там — сам найдешь свою дорогу. Я постелю тебе в чулане, там будет спокойно.

Андрей согласился. Он не чувствовал больше мучительного голода, и ему теперь страшно хотелось уснуть. Через несколько минут он уже спал крепким сном в крохотном чулане.

. . .От одного селения к другому ползет мстительное пламя партизанской борьбы. Есть много потаенных троп, дорожек, которых никогда не узнает враг. По этим тропам, невидимые врагу, ходят партизаны. По тайным дорожкам к партизанам пробираются их помощники — женщины, подростки, старики.

Пока Андрей крепко спал, Луша (так звали колхозницу, приютившую его) уже бежала по задворкам, спустилась к ручью и скрылась в густом кустарнике. Еще не всходило солнце, и воздух был свеж и прозрачен. Луша шла уверенно, быстро; чувствовалось, что эта дорога ей хорошо знакома.

В землянке у стола, сколоченного из грубых досок, сидел командир партизанского отряда, с явным удовольствием прихлебывая чай из кружки. Он был широкоплеч, коренаст, невысок ростом. Белокурые волосы были слегка

спутаны, — как видно, ночь прошла без отдыха. Увидев Лушу, командир приветливо улыбнулся, но в голосе его, когда он спросил, что случилось, чувствовалась некоторая тревога. Колхозница рассказала о ночном госте.

— Приведи его к нам. Будь осторожна. Скажи, что разузнала кое-что и решила помочь красноармейцу выбраться на прямую дорогу. Приходи попозже, вечером.

Рано утром Луша вернулась в избу. Она поспешно подошла к чулану, прислушалась. Ночной гость крепко спал. Всякие подозрения исчезли окончательно: так мог спать только человек, которому нечего скрывать.

Уже солнце стояло высоко, когда колхозница разбудила Андрея к обеду.

— Вставай, дружок! Уж больно ты заспался.

Андрей испуганно оглянулся, с трудом соображая, где он находится, но, вспомнив, улыбнулся Луше.

За обедом она расспрашивала его о ранении, о скитании в лесу и обещала вечером кое-чем помочь. Когда совсем стемнело, Луша и Андрей пустились в путь. Женщина шла уверенно и спокойно вперед, а Андрей, не расстававшийся с винтовкой, шел сзади, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

Деревня осталась далеко позади. Прошли поле, низкий кустарник, и опять Андрей очутился в лесу. Здесь он почувствовал себя спокойнее. Неожиданно перед ними выросла фигура с винтовкой. Луша тихо шепнула что-то часовому, и они пошли дальше. Через несколько минут они уже были в землянке, куда накануне приходила колхозница. Андрей понял, что его привели к партизанам. Исполнилось его заветное желание, и он принялся горячо благодарить Лушу.

— Умирать буду — не забуду всего, что вы сделали для меня. — Андрей крепко пожал руку колхознице. А командир отряда в это время стоял чуть в стороне и точно изучал нового человека.

— Ну, теперь докладывай: кто такой, откуда, куда путь держишь, — обратился командир к Андрею, когда тот тепло распрощался с Лушей.

Андрей рассказал обо всем подробно, как шел в разведку, как был ранен, как скитался в лесу.

— А где товарищ, с кем был в разведке?

— Мы потеряли друг друга во время перестрелки с немцами, наверно убит.

— Как звали товарища?

— Никифоров Ваня. С ним мы были на финском, вместе воевали и с немцами.

— Никифоров? — переспросил командир.

Он быстро поднялся и вышел из землянки. Через несколько минут он вернулся. За ним шел партизан, высокий, несколько сутулый, с винтовкой за плечами.

Партизан посмотрел на Андрея и с радостным криком бросился обнимать его:

— Федоров!

Друзья крепко расцеловались и с волнением смотрели друг другу в лицо.

Вошедший с командиром партизан был Ваня Никифоров.

В тот же день Андрей Федоров был зачислен бойцом партизанского отряда. В землянке командира он произнес торжественную клятву быть достойным бойцом великой армии народных мстителей, не жалеть ни сил, ни самой жизни в борьбе с заклятыми врагами Родины — немецкими захватчиками.

Со всем пылом комсомольца Андрей включился в боевую партизанскую жизнь.

Суровая, холодная, снежная зима, проведенная в лесу, ни на один день не ослабевающая напряженная борьба с врагом закалили еще больше Андрея. Он ведет дневник и мечтает написать после окончания войны книгу о великой партизанской борьбе.

Его отряд заменил ему родную семью. Андрей идет всегда на выполнение любого боевого задания с сознанием, что партизаны Ленинградской области защищают грудью родной Ленинград, свободу и честь всего советского народа.

В марте Партизанский край, где действовал и отряд Андрея, охватило глубоко патриотическое движение. В тылу у врага колхозники вместе с партизанами начали сбор продовольствия в помощь Ленинграду. Скоро знаменитый обоз отправился через линию фронта. Андрей послал с делегатами письмо матери в Ленинград.

Весна застает отряд на берегу Шелони. Жестокие сражения с врагом чередуются с кратковременным отдыхом. Андрей Федоров к этому времени — уже один из лучших бойцов отряда. В один из весенних дней произошли два события, которые были оценкой боевой деятельности Андрея: его приняли в кандидаты ВКП(б) и наградили за мужество и отвагу часами.

Душа Андрея полна радости и воодушевления. Он клянется еще более самоотверженной борьбой в тылу врага оправдать доверие партии, доверие товарищей по оружию.

В этот день он записывает в дневнике:

«Я больше всего люблю жизнь и хочу жить, но у меня хватит силы воли, чтобы отдать жизнь за великое дело моей Родины».

Встреча Андрея с вернувшимся из Ленинграда делегатом была для него праздником. Несколько часов подряд рассказывает товарищ о родном Ленинграде, и Андрей слушает его с затаенным дыханием. Он гордится своим городом, он восхищен стойкостью и героизмом ленинградцев!

Регулярно стала работать партизанская почта, наладилась переписка Андрея с матерью. Поздравляя мать с праздником Первого Мая, он с гордостью сообщил ей, что принят в кандидаты ВКП(б), награжден часами и назначен командиром отделения.

«Мы вместе воюем, дорогая, — заканчивает он письмо, — победа будет за нами!»

Двадцать первого июля Андрею поручают серьезное боевое задание. Немцы прекрасно сознают все возрастающую силу партизанской борьбы. Они уже вынуждены посылать против партизан целые дивизии регулярных войск с танками, артиллерией. Но и это не помогает. Партизанская борьба разгорается все сильней.

Андрей идет на выполнение боевого задания, как всегда спокойный, уверенный в себе. Но на этот раз происходит катастрофа: он наталкивается на мину. После страшного взрыва он почувствовал острую боль в руках, в голове и потерял сознание. Очнулся Андрей уже в госпитале, после операции. Все лицо его было забинтовано, как и обе руки. Не помнил Андрей, как долго был без сознания, не знал он, как много сделали для спасения его жизни там, в Партизанском крае, его друзья-партизаны. Не чувствовал Андрей ни перелета на санитарном самолете в советский тыл, ни тяжелой операции: ему ампутировали левую руку, а правую, сломанную в двух местах, положили в гипс. Не знал Андрей еще и самого страшного: осколком мины у него разбита лобная доля, огнем выжжены глаза.

Андрей ослеп навсегда.

В госпитале он окружен вниманием и заботой, к нему относятся с уважением и любовью. Но по мере того, как идут дни, заживают раны на руках и лице, все чаще и

чаще тяжелые мысли не дают Андрею покоя. У него болит голова, иногда повышается температура, ранение дает себя знать. Но все же молодой организм быстро восстанавливается. Андрея удивляет, что до сих пор не приступают к лечению глаз.

Андрей просит к своей постели начальника госпиталя:

— Прошу простить меня. Я хотел бы узнать правду о состоянии моего зрения. Я еще очень молод, но я участвовал в двух войнах и год боролся в рядах народных мстителей. Я много видел и много пережил. Скажите мне правду: я ослеп?

Начальник госпиталя смотрит на Андрея и решается сказать партизану суровую правду. Дольше скрывать бессмысленно.

— Товарищ Федоров! Вы посвятили свою молодую, прекрасную жизнь борьбе за счастье нашей любимой Родины. Война потребовала жертв, тяжелых жертв. Я не хочу вас напрасно обнадеживать, медицина бессильна возвратить вам зрение. — Голос врача звучит глухо.

Невольный вздох вырвался из груди Андрея:

— Благодарю вас. Вы только подтвердили то, о чем я уже догадывался. Да, вы правы, война потребовала жертв. Но это нужно для победы... Я пролил свою кровь и верю, что кровь наша начертила ту черту, через которую никогда не перешагнет немецкая нога.

Андрей умолк. Ему нужно было остаться наедине с собою Удар слишком тяжелый, но Андрей найдет, он должен найти в себе моральные силы его пережить.

Через некоторое время Федорова для продолжения лечения перевели в одну из клиник города Казани.

Прошло несколько дней, а в клинике уже говорили о слепом партизане. К его постели вечерами приходили больные, медицинский персонал. Затаив дыхание, они слушали рассказы о великой партизанской борьбе советских людей, о необыкновенном героизме и мужестве колхозного крестьянства. Никто никогда не слышал ни одной жалобы Андрея на свою судьбу. Погрузившись в вечный мрак, безрукий, слепой, он победил мрак, он видел жизнь, продолжал бороться, потому что беспредельно силен был дух ленинградского комсомольца.

Часто в вечерние часы заката из палаты Андрея вдруг раздавался его голос, он начинал петь любимые советские песни. Андрей пел о борьбе и победе, пел о жизни и

счастье, пел о любви. Песня Андрея бодрила и радовала; слушая ее, хотелось человеку жить, работать, бороться и побеждать.

Он делится планами с медицинской сестрой:

— Я много, — говорит он, — думаю сейчас, особенно по ночам, когда вокруг все засыпает. Я твердо решил работать, несмотря на то, что я слеп и у меня нет левой руки. Я могу быть пропагандистом. Постараюсь восстановить в памяти всю свою боевую жизнь и буду диктовать матери, писать повесть. Напишу книгу о нашей партизанской борьбе. Мне есть что рассказать товарищам, ленинградской молодежи. На слух постараюсь даже дальше учиться. Вспомните нашего Николая Островского. Он был прикован к постели, но он был полон жизни.

Вечером медицинская сестра под диктовку Андрея пишет письмо в Ленинград его матери.

Андрей тихо ходит по палате, и голос его звучит спокойно, ровно и уверенно:

«Мой милый друг, дорогая мать!

Я думаю, что по характеру писем ты можешь судить о моих душевных переживаниях. Я снова обрел душевное равновесие, в жизни моей снова наступила та ясность, которая помогла мне перенести тысячу испытаний и выйти из этой великой борьбы победителем. Мне хочется, чтобы ты думала обо всем случившемся так же, как думаю я.

В продолжение двух лет я отдавал борьбе с врагом все свои силы, энергию и способности, грудью защищая любимую Родину, священный город Ленина, мирный и до слез милый мне покой нашей трудовой семьи. Я бил врага всеми возможными средствами. Дрался с немцами в рядах Красной Армии, а когда силою обстоятельств был оторван от части, я взял партизанскую винтовку и своей небольшой работой помог рождению партизанских отрядов, которые и сейчас громят немцев в тылу. Мои раны — это завершение большого боевого пути, который мне пришлось проделать.

Ты должна испытывать чувство гордости за своего сына. Ведь немецкий солдат, вооруженный до зубов, не смог победить меня. Я своею кровью на родной земле начертил черту, через которую никогда не переступит немецкая нога. Я ничего не скрываю от тебя. Это очень сурово и тяжело. Да, я инвалид, но это не убивает во мне силы. Наша великая Сталинская эпоха стоит того, чтобы я пожертвовал сво-

ей маленькой жизнью! Я слеп, но я ясно вижу великое будущее своей Родины. В этом моя сила.

Целую тебя много раз.

С боевым, партизанским приветом *Андрей*».

★

Мать в Ленинграде получила эти проникнутые мужеством строки. Ей было тяжело, но она гордилась сыном.

А в это время в Казани состояние здоровья Андрея стало внезапно ухудшаться. Усилились головные боли, стала повышаться температура.

У постели слепого партизана собрался весь медперсонал. Немедленно был созван консилиум врачей. Андрея перенесли в палату к профессору клиники. Там он уже впал в беспамятство. К концу третьих суток, не приходя в сознание, он скончался.

Так закончилась короткая, но светлая жизнь ленинградского комсомольца Андрея Федорова. Он отдал ее за Родину, за счастливое будущее советского народа.

Пройдет время, враг будет разгромлен, затихнет гул войны, весь советский народ снова займется мирным, созидательным трудом, а о погибших героях народ будет вспоминать с глубокой любовью и благодарностью. Примеры их героической борьбы будут воспитывать молодежь.

К ЧИТАТЕЛЮ:

Я написала книгу о сыне. В ней нет ни одного вымышленного факта, как нет ни одной искаженной фамилии.

Я писала ее в самую тяжелую пору своей жизни, когда узнала, что мой сын скончался от ран, вдали от меня. Я писала книгу об Андрее в Ленинграде, в условиях тяжелой блокады. До меня доходил гул войны. Дрожали стены комнаты от орудийных выстрелов, и очень часто тревожный звук сирены отрывал меня от тетради. Я никогда не занималась литературным трудом, и эту книгу я написала, побуждаемая любовью к сыну, мужеством которого я горжусь.

Я хотела бы, чтобы на примере комсомольца Андрея Федорова тысячи юных ленинградцев воспитывали в себе чувство беззаветной любви к своей Родине, своему народу.

Пусть слова Андрея, сказанные им в период его активной борьбы с врагом, помнит наша славная молодежь:

«Я больше всего люблю жизнь и хочу жить, но у меня хватит силы воли отдать жизнь за великое будущее советского народа».

ВЛ. ЛИФШИЦ

КЛЯТВА

Здесь я жил и трудился,
Здесь родился и рос.
Я с тобою сроднился,
Город, милый до слез!
Ты помог мне, — я встретил
Ту, что стала женой,
И, торжественно светел,
Ты мерцал предо мной.

Все прошел города я,
Но к тебе, Ленинград,
Где бы ни был, всегда я
Возвращался назад.
Навсегда, не на час твой,
С прежним жаром в крови,
Говорил тебе: здравствуй,
Город первой любви!

Нынче ты опоясан
Цепью взводов и рот.
Каждый сын твой обязан
Гнать врага от ворот!
И в одном из отрядов —
Твой боец рядовой —
Я, под градом снарядов,
В цепь залег за Невой.

Я клянусь: не ворвется
Враг в траншею мою!
А погибнуть придется, —
Так погибну в бою,
Чтоб глядели с любовью
Через тысячу лет
На окрашенный кровью
Комсомольский билет.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

МГНОВЕНИЕ

Бывают мгновения, когда природа, окружающая вас, вдруг является во всем торжестве животворящей силы, во всем блеске, во всем неисчерпаемом богатстве, во всей своей неповторимости, в одном из тех неисчислимых своих раскрытий, которое в это мгновенье кажется единственным и угаданным только нами.

Для того, чтобы вы это испытали, не нужно торжественной пальмовой рощи на берегу океана, не нужно каких-нибудь фантастических скал, окутанных тучами. Достаточно, если это частица характерного пейзажа ваших родных мест. Пусть вас окружает роща скромных берез или широкое поле, над которым низко спустилось осеннее туманное небо, пусть это случится в городе, в городском парке, где сквозь листву до вас будут доноситься звонки трамвая и гудки машин, все равно вы можете быть свидетелем этого глубокого мгновения.

И в природе вещей, в сосредоточении мастера, ищущего последней глубины творческого откровения, оттенки красок и слов вдруг обернутся тем настоящим, неповторимым мгновением, которое мы называем старым словом — вдохновение. Это может случиться и с ученым, человеком факта и опыта, когда перед ним в ослепительной ясности предстанет тот удивительный химический пейзаж, который отличен от земного тем, что все переходы в изменении вещества в нем достигли наивысшей, неповторяемой чистоты и закономерности.

Вот такое мгновение, полное ощущения расцвета жизни, такое редкое в жизни молодого существа, еще только отгадывающего, что же самое главное в предстоящем длинном пути, иногда является в высшем торжестве и в высшей неумолимости. Может быть, это мы и называем подвигом.

В связи с этим я хочу рассказать об одной скромной маленькой девушке — Жене Стасюк.

Она была ученицей девятого класса, по состоянию здоровья оставленной на второй год в классе. Это одно обстоятельство говорит, что она была не богатырского сложения.

И, действительно, среди типичных городских девочек она, может быть, была самой незаметной. Небольшого роста, хрупкая, как характеризуют ее близкие и знакомые, с тонкими и правильными чертами лица, с кожей нежного, матового цвета, с большими голубыми глазами, с длинными, тонкими ресницами.

Она старалась не выделяться, потому что остро чувствовала свой физический недостаток: она хромала. Эта хромота больше чем смущала ее, она ее мучила и постоянно напоминала о себе. Поэтому в иных развлеченьях, свойственных ее возрасту, ей было отказано. Она не могла бегать, не могла танцовать. Хромоножка — слово не из тех, которые нравятся уху молоденькой девушки, почти девочки.

Но она хорошо умела возиться с бинтами и перевязками, когда училась, чтобы стать сандружинницей. Жила она под Ленинградом в небольшом городке, где протекала нешироκая река, где стояли небольшие дома, и только огромный завод, старый, как крепость, был настоящим источником шумной и новой жизни. Он постоянно увеличивал свои корпуса, он рос и в ширину и в высоту, и неумолчный его гул наполнял далеко все окрестности.

Городок старался сделаться красивее, он покрыл асфальтом свои улички, завел много новых машин взамен старых, расхлябанных, заезженных, посадил деревья, построил двухэтажные домики рабочих поселков.

В таком городке, наполненном размеренной рабочей жизнью, мечтается не хуже, чем в самом большом городе. Весенние вечера в нем наполнены голосами молодежи, смехом и песнями. Как бы пошла дальше жизнь маленькой школьницы, никто не мог бы сказать, если бы события грозные и страшные не обрушились на городок с внезапностью самой свирепой бури.

В первый же день, когда немецкие полчища нарушили нашу границу, Женя в числе прочих дружинниц перешла на казарменное положение.

Наступили строгие времена. Все ее знакомые юноши и девушки ходили в военной форме, над городком шли воздушные бои, снаряды рвались на улицах, горели дома, рабочие садились в танки, которые выходили прямо из цехов в бой, улицы были усыпаны битым кирпичом, стеклами, обломками.

Как тяжелый сон проходили дни. Не умолкала канонада. Далекими казались тетради, школа, прогулки, вечеринки. Исчезли огни — городок по вечерам проваливался в темноту уже осенних ночей, дождливых, мрачных, беспросветных.

И вот она руками, с которых еще недавно не сходили чернильные пятна, перевязывала раненых и, вся залитая кровью, слушала их стоны и бормотания, отрезала бинты, давала пить, утешала, даже покрикивала на особо ослабевших духом, и чувствовала себя песчинкой, увлеченной ураганом, который кружил над городком.

До сих пор никогда она не ночевала в поле, в яме, никогда не лежала на мокрой глине часами, прижимая свою сумку к шершавой шинели и грея руки, засунув их в рукава. Теперь она жила только тем, что ее окружало. Весь остальной мир перестал существовать. В том мире было светло, тепло и радостно. В том же, что пришло, она видела только страдания и суровость, на которую, она боялась. у нее нехватит сил. Но уйти, попроситься куда-нибудь подальше от этого она не могла.

Хромая среди узких, спешно вырытых окопов, спотыкаясь, ползя по размытому лугу, промокшая, дрожащая от холода, она вздрагивала от тайной гордости, когда раненый говорил ей сведенными болью губами, чуть слышно: «Спасибо родная!», или: «Эх, и маленькая же ты!» Иные, постарше, называли ее сестрицей. И вчерашняя школьница понимала, что отсюда она никогда не уйдет, что, если бы ее гнали отсюда, она заплакала бы и умолила бы ее оставить.

Она не боялась мертвых. Она только вглядывалась с замиранием сердца в лица, ставшие спокойными, смотрела на закрытые глаза, обведенные синевой пережитых мучений, на кровавые пятна и смертельные шрамы. Иногда она узнавала знакомых среди этих умерших на ее руках. Тогда ей хотелось долго, неутешно плакать, но плакать было нельзя.

В ее больших голубых глазах застыли какое-то напряженное внимание, какая-то глубокая горесть, точно она все время прислушивалась к тайному голосу, шептавшему ей о чем-то еще непонятном и страшном.

Она не разбиралась в действиях этих солдат и командиров, что двигались день и ночь вокруг нее, обвешанные оружием, сумками, гранатами. Она пугалась всякий раз

близкого разрыва снаряда, от которого гудело в ушах и ноги делались мягкими, восковыми.

В бытность дружинницей еще до войны, она училась стрелять и стреляла неплохо, чем немало удивила подружек, но сейчас у нее не было никакого оружия при себе, кроме перочинного ножика, которым она обрезала бинты.

На переднем крае еще не построены были мощные укрепления, солдаты лежали в одиночных вырытых окопах. в неглубоких траншеях, даже в ямах, воронках и канавах. Начались дожди. Небо цвета солдатской шинели нависло над ней, и земля, разбухшая, блиставшая зеленовато-желтыми лужами, скользила под ногами.

Она заснула усталая, как сидела на корточках, прижавшись щекой к стене ямы, на дне которой лежали ее сумка, противогаз и котелок, в котором ей принесли немного вареной картошки. Она спала в перерыве между перевязками, и ей снился школьный праздник, на котором собрались все ее товарищи. Было так много цветов, и кто-то стал пускать ракеты, и в небе повисли красные и зеленые змейки, а потом взошла большая оранжевая луна и все пошли на станцию. Станция была убрана, как никогда, флагами и цветами, поезд привез много народа, все шутили и смеялись. Потом она полетела куда-то, и ей самой стало во сне смешно, она во сне вспомнила нянькину фразу: «Это ты растешь еще!» — но поезд, который был украшен цветами, вдруг рассыпался на много черных машин, которые стали грохоча вертеться вокруг, стараясь наехать на нее, а она бегала между ними и не могла уже понять: это шутка или всерьез ее хотят раздавить эти черные, рычащие машины? Грохот их стал таким сильным, что она проснулась.

Минуту она не могла сообразить, где она. Было уже темно, все вокруг гремело, и разрывы снарядов смешивались с пулеметным отрывистым рокотаньем. Рука ее, прижатая к стенке, пока она спала, онемела, и ее покалывали иголки. Она показалась сама себе такой беспомощной, такой одинокой и брошенной на дно холодной, глинистой ямы. Ночь дышала холодом и угрозой. Она чувствовала, как кругом затаились люди, и среди многоголосья и самых разных звуков она поняла только, что начался сильный бой, и в это время ее окликнули: «Женя, перевязывай!».

И к ней в яму сполз, поддерживаемый подругой, раненый. Он сполз молча и упал к ее ногам, как темный мешок. Но, присмотревшись, увидела она, что он сжимает в руке

автомат и глаза его почти светятся в темноте. Она уже знала этот блеск боли, сдерживаемый крепко сжатыми зубами. Она вздрогнула, пришла в себя окончательно, и сильным движением, которым она овладела в последнее время, она прислонила раненого к стенке и начала перевязку. Он был ранен в плечо, и она, полуобняв его, уже не боясь прикосновения к тому липкому и мокрому, чем была пропитана его шинель, натягивала бинты. Автомат она положила бережно возле себя, чтобы он не мешал и в то же время был под руками, чтобы его не искать в этой тьме потом, когда она будет эвакуировать раненого.

Когда она кончила перевязывать, раненый шумно вздохнул и ничего не сказал. Только правая рука шевелилась все время, точно он хотел убедиться, что она действует, и он боится, что она каждую минуту станет такой же, как левая, к которой страшно притронуться.

Чтобы что-нибудь сказать, она обратилась к раненому, наклонившись к самому его лицу, замазанному грязью и мокрому от пота:

— Ну, как дела там у нас?

— Плохо! — сказал вдруг ясным голосом раненый. — Плохо, — повторил он и замолчал.

— Ну, что ты! — тревожно сказала она.

Ей стало как то не по себе от этого ясного голоса. Она знала, что раненые под впечатлением только что пережитого всегда представляют, что дела плохи. Стрельба усилилась до чрезвычайности. Теперь казалось, что на эту темную, грязную ночную землю льется огненный ливень. Небо посветлело от ракет, горевших холодным, мертвым светом, от пожара, зарево которого подымалось и ширилось в темноте, и ей было лень определять, в какой стороне горит.

Но при свете ракет и зарева она видела, как оттуда, где свирепствовала стрельба, шагают темные фигуры, которые пробираются мимо нее, ныряют в соседние ямы и куда-то исчезают.

У нее сжалось сердце. Она приподнялась над краем ямы и потом почти вылезла из нее, всматриваясь в темноту. Прямо на нее шли люди. Они шли, пригибаясь, втянув голову в плечи, и первый, который достиг ее ямы, остановился, всматриваясь: нельзя ли перепрыгнуть.

— Что там такое? — спросила она. — Куда вы, товарищ?

Солдат, стоявший над ней и казавшийся еще выше ростом от этого, хрипло сказал:

— А кто это здесь?

— Я дружинница; осторожнее, тут яма, — ответила Женя. — Что там такое?

— Там, — ответил солдат, и винтовка как-то странно качалась в его руке: — пропащее там дело, девушка, немец стреляет, никого в живых поди уже нет...

— А командиры где ваши? — спросила она, схватив его за шинель.

— Командиров побило, — глухо ответил солдат и, наклонившись, сжал ее маленькую горячую руку. — Не держи, эй ты, отпусти меня, беги отсюда, пропадешь!..

И он одним прыжком исчез в темноте, спрыгнув в соседнюю траншею.

«Что же это такое? — спросила она себя — Они бегут. Бегут. И за ними идут немцы. И вот сюда придут немцы, перепрыгнут, как этот солдат, в ближайшую траншею и потом дальше и дальше к городу — и все кончено...»

Приближалась целая группа. Смотря на эти трепещущие в свете ракет фигуры, она задрожала всем телом от негодования и боли. Что делать? Она окинула взглядом все ночное пространство, такое дикое и мрачное, такое огромное, что она перед ним просто ничто, травинка, которую сожжет первый разорвавшийся снаряд самым маленьким своим осколком.

И вдруг она почувствовала, что она сильнее этой ночи, дышащей на нее смертью, и этого темного пространства, угнетавшего ее страхами, и этих больших бегущих людей, опустивших винтовки, и того злобного, невидимого врага, что освещает этот мрак ракетами и стреляет так шумно, страшно и непрерывно.

Что-то сжало ее сердце, но это не было ни страхом, ни болью. Это было ощущение того полета, как во сне, когда она сама засмеялась: «Я еще расту!» Ноги стали крепкими, а маленькие руки сжались в кулаки. Она вся трепетала от какого-то удивительного: все равно! Ей было все равно теперь, что стреляют, что осколки свистят над головой, все равно, что она маленькая и слабая, все равно, что она не умеет командовать. Это и было то мгновение, когда предельный восторг захватил ее с головы до ног. Что знала она о жизни, эта маленькая бывшая школьница? И вдруг она стала мудрой, неумолимой, беспощадной и страшно

гордой. И безжалостной. Она схватила автомат и встала во весь рост перед теми, кто уже почти приблизился к ней, отступая.

— Стой! — закричала она таким тонким и таким сильным голосом, что люди остановились. Она выпустила в темноту вдоль траншеи короткую очередь.

— Стой! — кричала она и уже бежала навстречу тем, кто остановился, не понимая, чего хочет от них эта маленькая девчонка, хромавшая по взрытому полю. Они подошли вплотную. Она не могла рассмотреть лиц, но чувствовала, что на нее смотрит много глаз. За этими, стоявшими перед ней, она видела других, появлявшихся из мрака.

— Стой! — сказала она еще раз. — Бежите? А ну, назад! За мной! Посмотрю я, какие из вас герои! А ну, вперед! Повертывайся!

И она стояла с автоматом, не помня, что говорит и что делает. Она только доверяла тому большому, от чего содрогалось все ее существо. И они, эти тяжело дышавшие солдаты, покорно, как ей показалось, повернулись. Она шла с ними назад, туда, откуда свистели пули и летели снаряды.

Они достигли следующей группы. Она схватила за плечо маленького солдата со смешной юношеской бородкой.

— Откуда ты? Где вы были?

— Там, — сказал он, показывая рукой направо.

— Иди обратно! И они с тобой? Все идите обратно. Живо, вперед!

Они не прекословили. Они как-то не в лад повернулись, и теперь она вела их, сжимая автомат и почти улыбаясь. Она сама не знала, что она улыбается, и никто этого не видел в темноте.

Она возвращала все новые и новые группы. Она доводила их до брошенных ими окопов, спрашивала:

— Здесь сидели? Здесь! Сидеть — назад ни шагу!

Она не прибавляла: «Шагнешь — убью!», но она знала твердо, что будет стрелять, что ее ничто не остановит, что эти смятенные, тяжелые, мрачные люди не смеют ей сопротивляться, ее силе, ее воле, маленькой, тщедушной школьнице, которой трудно дышать от мокрой шинели, воротник которой трет ей шею, от быстрой ходьбы, от страшного возбуждения.

Может быть, вокруг было то, что в газетных корреспонденциях называют «адом», да, так это и было. Один раз солдат, шедший с ней рядом, сильным толчком бросил ее на землю, и над их головой грохнуло так, что, казалось, голова расколется от этого удара, но в следующее мгновение она уже была на ногах, и тот, толкнувший ее, сказал смущенно:

— Прости, крепко ударил, а то бы не уцелели. Не ушиблась?

Но она не ответила и пошла, пригнувшись, дальше. Она обходила траншеи, перевязывала раненых, следила, чтобы никто больше не смел отползать назад, она спрашивала, сколько у них патронов, стреляла в темноту, откуда предолжали сыпаться снаряды и ракеты, лежала в воронках, прижимаясь к земле, переползала по холодной траве, царапая руки о какие-то жестянки и камни. Ночь была бесконечной.

Снаряды не переставали рваться. Мины лопались с квакающим хрипом, трассирующие пули разноцветными струями проносились перед ней.

Она спросила одного паренька, сильно сопевшего в полумраке окопа:

— Ты знаешь, где штаб батальона?

— Ни черта он не знает! — ответил за него другой голос. — А что, товарищ начальник?

Ее поразил этот ответ. Ее называют товарищем начальником. Наверное, эти люди будут днем сильно смеяться, когда увидят ее при ясном солнечном свете. Но она ответила сразу:

— А вы знаете, где штаб?

— Знаю, только туда сейчас трудновато пройти будет...

— Вы пойдете туда и отнесете мою записку, слышите?

— Слышу, товарищ начальник, — сказал солдат. — Давайте, пишите...

Она вынула свой блокнот и написала кратко, что просит прислать командира. Вместо связного будет присланный с запиской.

Солдат перевалился за бугор и растаял в темноте. Ночь продолжалась. Подул холодный, пронизывающий ветер. Глаза слипались. Руки и ноги стала сводить усталость. Опьяняющий восторг первых минут давно прошел. Хотелось упасть и заснуть. Но она сидела, поставив автомат между колен, и смотрела перед собой, оглушенная грохо-

том, и равнодушно слышала, как визжат пули, рикошетировавшие поблизости.

Потом она собрала всю волю и, зевнув в кулак, поползла проверять свои окопы. Бойцы лежали и сидели, согнувшись в три погибели, шептались и кашляли, стреляли, изредка вскрикивали раненые.

...Перед ней стоял командир, высокий, в ремнях, с наганом у пояса, с противогазом, широколицый, с прищуренными глазами, как будто сомневающимися в том, что видят.

— Кто здесь командует? — спросил он, строго глядя на маленькую фигурку с автоматом, прижавшуюся в изгибе окопа. На него смотрели большие глаза, и ему показалось, что эта испуганная девочка сейчас скажет ему: «Я хочу домой, к маме! Я боюсь!»

Но она сказала тихо и медленно:

— Здесь командую я!

И он, приложив руку к козырьку, сказал быстро и четко:

— Я прибыл принять участок по приказанию командира батальона. Это вы писали записку?

— Я, — ответила она еще тише. — Я вам сейчас все сдам. Идемте!

Е. ПОЛЯКОВ

ПИТЕРСКАЯ ЗАКВАСКА

I. НА ОБЛОМКАХ ДЗОТА

Рассказал нам эту историю о Павле Забелине известный всему батальону сержант Иван Сафонов, старый вояка, — он еще с Чапаевым рядом воевал на реке Белой в гражданскую войну.

— Откровенно говоря, — признался старый солдат, — перед боем я не то что не доверял, но как-то боялся за молодых, вроде Забелина. Мы, думал я, за войну всего навидались, через всякий огонь прошли. Злость к немцу в нас впиталась, как если бы мы родились с ней, и от этой злости никакого страха больше у нас нет. А молодежь — слухом-то слыхала, что за штука война. Однако войну надо руками пощупать и своими глазами повидать, чтобы знать, что к чему. Выстоят ли, когда бой в силу войдет и кругом будет кромешный ад?

Так думал я, каюсь, а того не учел, что молодежь-то — молодежь зеленая, по-молодому веселая, но ленинградская, похлебавшая горя и тяжелого труда и опасностей вдосталь, молодежь крепкой, питерской закваски.

С Забелиным же такой случай вышел. Он засел со своим ручным пулеметом в немецком дзоте, который мы только-только отбили. Дальше движение приостановилось. Немцы очень крепкий огонь вели, свежие силы подтянули на наш участок.

Ладно, думаем, подождем пока итти вперед, пусть наша артиллерия вас поколошматит. Но уже с отбитой у врага земли фриц нас не выжмет никакими силами.

Закопались мы поглубже в снег, — дело-то было зимой при прорыве блокады, — закопались, лежим. А немец беснуется, все кругом минами и снарядами вспахивает. Один снаряд попал прямо в дзот, где сидел Забелин. В том месте снег взметнуло выше леса; земля, щепа летят.

Зашлось у меня сердце от жалости. Пропал паренек, молодой пулеметчик. Но, представьте, парень остался жив,

однакож в очень тяжелом положении. Во время взрыва ему бревнами придавило обе ноги, да еще землей завалило. Так что только голова и руки торчат. Главное — никак его не вытащить. Днем даже подползти невозможно, немец видит. Пробовали ночью бревна разбирать, — фрицы по шуму страшный огонь открыли, пришлось прекратить...

И вот три дня в лютую зиму молодой пулеметчик пролежал, зажатый бревнами. Над ним пули свистели, поблизости рвались мины, а он не мог никуда спрятать голову. Очень болели зажатые ноги, все тело болело и ныло...

По ночам мы носили ему еду и воду. Но никто ни разу не слышал от него жалобы. Он даже пробовал шутить насчет того, что одеяло у него на ногах малость тяжеловатое, но теплое. «Вот нос бы, — говорит, — только не отморозить, а то как я к знакомым девчатам явлюсь?..»

Глядим мы на него, молодого нашего товарища, и кажется, — сам он врос в родную свою, ленинградскую землю, чтобы никому ее не отдать.

Немцы сколько раз бросались в контратаки, рвались что есть сил вперед, но мы не сделали ни шагу назад.

Вместе с нами сражался Петр Забелин. Перед нами был пример мужественного парня из Ленинграда. Без единой жалобы он переносил свои страдания и верил, что мы погоним немца дальше.

Большая душа была в молодом Забелине, смелая, гордая, ленинградская.

На четвертый день мы пошли в атаку, потеснили немцев и вытащили Павлушу из-под бревен. Сам он, ясно, итти не мог, и мы понесли его осторожненько, чтобы поменьше беспокоить. Ноги-то ему здорово помяло. И, представьте, все улыбался. «Я, — говорит, — знал, что немца погоним дальше».

Я не удержался и спросил, как же он вынес таких три дня, не сдал, слезинки не выронил.

Он посмотрел на меня как бы с удивлением, потом отстегнул левый карман гимнастерки и показал мне книжечку: то был билет ленинградского комсомольца.

II. ГВАРДЕЕЦ АЛЕКСЕЙ ГОРБАЧЕВ

В одном из уютных домиков Проспекта села Смоленского родился и жил комсомолец Алексей Горбачев.

Проспект села Смоленского! Здесь жили первоклассные мастера, делавшие пушки и котлы, танки и паровозы, мореходные инструменты и миткаль, тонкие сукна и легированные стали.

Здесь из искры разгорелось пламя революции. Старые питерские рабочие хорошо помнили молоденькую курсистку Надежду Крупскую, приходившую по вечерам за заставу. Сюда в рабочие кружки приходил невысокий человек в стареньком пальто, которого вскоре узнал весь мир, — Владимир Ильич Ленин.

До войны Алексею все казалось очень простым и естественным, — за какой-нибудь год вырастали новые цехи и заводы, вчерашний слесарь становился директором предприятия, а молодая ткачиха возвращалась на свою фабрику с инженерским дипломом...

И вот над родным городом, над любимой Невой немецкий зверь занес кровавую лапу.

Добровольно ушли на фронт три брата Горбачевы, три молодых питерца — Петр, Сергей и Алексей. Мать, старая ткачиха, удерживая слезы, сказала на прощанье: «Приходите, сынки, только с победой. Под немцем нам, русским, не жить».

★

Прошло два года, много утекло за это время и воды, и крови. Немцы убили голодом ленинградскую ткачиху, разрушили уютный домик на Проспекте села Смоленского. От немецкой пули пал брат Петр. В волосах у комсомольца Алексея Горбачева появились серебряные нити.

Душой, и сознанием, и воинским мастерством гвардии сержант Алексей Горбачев прошел великую школу войны. И все его отделение гвардейцев стало стахановской бригадой мастеров по истреблению немцев.

Шесть раз пролил за Ленинград свою кровь достойный сын великого города. Над клапаном правого кармана

его аккуратно подогнанной гимнастерки — шесть золотых и алых ленточек.

Он дрался на Пулковских высотах и, хоть окропил их горячей своей кровью, заставил немца залечь, не пустил его дальше. Бесстрашного ленинградского солдата с автоматом на груди и гранатой в руке видели на берегах Невы. Он дрался на Синявинских болотах, на знаменитом «пятачке». Он не ждал врага, а искал его, бил со всей яростью молодости, со всей силой ленинградской ненависти.

Шесть раз ранен Алексей Горбачев. Каждая рана его стоила немцам семнадцати жизней. На счету гвардии сержанта больше ста уничтоженных фашистов. А Алексей Горбачев — живой, здоровый, полный энергии, яростного комсомольского духа и страстного желания вогнать в могилу последнего немца на нашей земле.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЛЕНИНГРАДЦЫ

. . . . . .

Как только бронированные гады
По-воровски границу перешли,
Подумал я: не будет им пощады,
Сметем врага с лица родной земли.

Мой старший сын давно стал коммунистом.
И знаю я: он будет впереди
Отважным летчиком или танкистом
Со Сталинской наградой на груди.

Володя, младший, тот еще в ученьи.
Сегодня он с утра пришел ко мне:
«Хочу итти я с братом в наступленье,
Хочу, отец, помочь родной стране!»

Пригладил я вихор его косматый,
Взглянул ему в веселые зрачки...
— Ну что ж! И сам я молод был когда-то
И не забыл те грозные деньки.

Пойдем, Володя, расправляться с гадом,
Запишемся с тобой в один отряд.
Отец и сын на фронте станут рядом
Родимый город грудью защищать.

Я не забыл военную сноровку,
Мне шестьдесят, но я не сдам в бою.
Возьми, сынок, отцовскую винтовку,
Чтоб с честью стать за Родину свою!

И. РОЗЕНФАРБ

МАЛЬЧИК ИЗ КОЛПИНА

Солнце немилосердно палило. В одном из кварталов городка рвались вражеские снаряды. Но в этой части Колпина жизнь текла своим чередом. Пешеходы прислушивались к доносившемуся грохоту разрывов и, держась теневой стороны улиц, продолжали путь, каждый по своим делам.

Пронеслась по улице карета скорой помощи. Чеканя шаг, промаршировал взвод бойцов. На перекрестке девушка-милиционер сдавала пост другой.

Враг был близок, и городок, форпост Ленинграда, жил напряженной фронтовой жизнью.

В этот день у Николая Чернова гостили Коля Буралев, Вова Калека и Петя Садовский. Друзья только что вошли в дом. На улице, укрываясь под арками от снарядов, они с жадным любопытством разглядывали мчавшиеся к окраине танки, автомашины с красноармейцами, пушки на прицепе тракторных тягачей.

Коля неплохо играл на духовых инструментах. И он, вымыв запачканные в грязи руки, взял трубу и стал наигрывать популярный военный марш.

Внезапно дверь открылась, и вошел отец. Его обычно ласковые глаза были суровы, поперек лба легла тугая морщина...

— Сынок! Помоги-ка собраться!

— Куда?

— Иду в ополчение.

Старый шлифовщик строго посмотрел на сына.

— Гляди за ребятами, матери помогай!

Коля оставил товарищей одних и вышел за отцом в соседнюю комнату.

Укладывая вещи, Георгий Ефимович повеселел, потом обнял и расцеловал детей, жену и, по старому русскому обычаю посидев с минуту, ушел.

Через три дня он зашел домой. Семилетний Борис с радостным криком кинулся отцу на шею, ощупывал отцовское обмундирование, трогал гладкий ствол винтовки, без

конца напяливал на себя зеленую пилотку. Коля не спускал с отца глаз и задумчиво разгуливал по комнате, не проронив ни слова.

— Чего словно мышь на крупу дуешься? — спрашивал отец.

— Так, — нехотя отвечал сын.

Под вечер Георгий Ефимович стал прощаться с родными. Когда он обнял старшего сына и поцеловал в лоб, Коля цепко сжал отца и умоляюще сказал:

— Папаня, возьми меня с собой!

Шлифовщик ласково улыбнулся, потрепал сына за плечи.

— Не берут у нас малых. И без вас хватает.

— А ты упроси, скажи: на кухню или в музыканты. Может связистом. Я все смогу.

— Поговорю, сынок!

— Не забудешь?

— Честное пионерское! — пошутил отец.

Фронт был тут же, буквально рядом. Некоторые колпинцы сидели в окопах, вырытых у самого их дома, а кое-где наши огневые точки находились в первых и вторых этажах домов. Георгий Ефимович через несколько дней снова на полчасика зашел домой. Он принес с собой небольшую буханку хлеба, две банки консервов и пакетик с сахаром.

Еще стоя в дверях, отец воскликнул:

— Собирайся, парень, взяли!

— «Сборы были недолги. . .», — напевал Коля, набивая походную сумку предметами, которые ему хотелось взять с собой.

Так пятнадцатилетний Чернов стал бойцом Ижорского батальона. Николай окунулся в боевые будни ополченцев. Ему страстно хотелось рядом с отцом итти в бой. Но Николая прочили в музыканты. Тогда Коля, нарушив все уставные порядки, ввалился прямо в комнату комбата. Командир долго смотрел в черные, горящие огоньком глаза подростка, потом приказал:

— Зачислить стрелком.

Колиной радости не было конца. Она удесятерилась, когда юный боец узнал, что будет служить в одной роте с отцом.

Николаю сшили по росту обмундирование, выдали оружие. В военном деле он показал необыкновенные для своих

лет способности: быстро освоил винтовку, далеко метил гранату.

Бронированная немецкая машина наседала на Ленинград. Ижорцы поклялись умереть, но не пропустить врага через свой рубеж. Все ближе и ближе к заводу подступал огонь сражений. Немец бомбил и забрасывал снарядами маленький, не желавший сдаваться городок.

В один из таких дней Георгий Ефимович сказал сыну:

— Разрешили заглянуть домой, пойдем!

Лицо пулеметчика было мрачным. Тревога охватила и Николая. Не решаясь спрашивать взволнованного отца, Коля молча оделся, прихватил оружие и пошел. Посреди дороги Георгий Ефимович взглянул на сына и положил руку на его плечо.

— Ничего не объявили. Говорят, управдом вызывает.

Голос отца дрожал.

— Может, мать заболела иль ребята? — спросил Николай.

— Придем — узнаем. Что ж прежде времени расстраиваться...

Из-за поворота показался знакомый угол дома, и оба бойца вздрогнули. Сразу все стало ясным. Георгий Ефимович прибавил шагу. Через несколько минут он, низко опустив голову, стоял у окровавленного тела жены. Квартиры Черновых не было. Груды щепок, кирпичей перемешались с обломками мебели. А во дворе на уже пожелтевшей траве рядом с матерью лежали Борис, Тамара. Их трудно было сразу узнать. Снаряд изуродовал маленькие тела.

Ужасное зрелище потрясло Николая. Он помутневшими глазами смотрел на трупы дорогих и близких ему людей. Потом тяжелый ком подступил к горлу, ноги подкосились, и Коля, опустившись на колени, припал головой к телу матери и заплакал тихо, неудержимо...

Обратно в батальон Георгий Ефимович шел чуть шатаясь, осунувшийся, со впалыми глазами. Они были сухи, и зловещий огонь сверкал в глубине орбит. Николай всю дорогу не переставал тихо плакать.

Когда подходили к части, отец глухим, охрипшим голосом произнес:

— Плакать, Коля, хватит.

Он отвернулся и с такой злобой посмотрел в ту сторону, где чернел лесок немецкой передовой линии, словно готов был один броситься туда сейчас же через блиндажи, окопы

и минные поля, впиться в горло врагу и душить, душить, душить!

На утро пришел приказ о наступлении на пункт Я. — И. Земля стонала от взрывов бомб, в воздухе стоял нестихающий гул, рвались снаряды, выли мины, свистели пули. Георгий Чернов со своим пулеметом занял позицию и с яростным ожесточением вел огонь по немцам. Недалеко от отца, за бугром лежал боец Николай Чернов и одну за другой посылал из винтовки пули врагу. Немцы пробовали броситься в контратаку, но, не выдержав нашего огня, залегли, а потом стали отходить.

Николай услышал крики «ура!». Справа поднимались бойцы. Он тоже, весь охваченный азартом боя, встал и бросился вперед. Но в этот миг он почувствовал острую боль в ноге и, пробежав еще несколько шагов, свалился.

...Очнулся Коля Чернов в госпитале. Приподняв тяжелые веки, он увидел около себя женщину в белом халате.

Теплая рука нежно приподняла его голову.

— Где я?

— Успокойся, — тихо сказала сестра, — это госпиталь. Тебя вынесла с поля боя дружинница.

— Варя?

— Не знаю. Вашего подразделения.

— Варя. Она с нами в бой шла. Она...

Николай хотел сказать что-то еще, но сил нехватило. Голова его, горячая и потная, тяжело опустилась на подушку.

...Рана Николая постепенно заживала. Он уже считал дни, которые отделяют его от возвращения в родной полк. За стенами госпиталя часто рвались снаряды, тревожно выла сирена. Когда она утихала, в палату доносился гул мотора вражеского самолета.

В такие минуты Николаю хотелось превратиться в орла, могучего, ширококрылого, подняться ввысь и оттуда ринуться на голову фашистского летчика.

...Одну ночь Коля никак не мог заснуть. Он думал об отце, которого давно не видел, и какая-то смутная боль щемила сердце.

Утром с пачкой писем в руках в палату вошла санитарка. У кровати Чернова она остановилась, протянула синий конверт.

«От отца», — подумал Коля, вскрывая конверт.

Там лежала небольшая бумажка, и, едва он прочел первые строки, у него закружилась голова, глаза затуманились. Бумажка выпала из рук и полетела на пол.

Николай не плакал, он только тихо простонал:

— Папка!

Командование полка сообщало красноармейцу Николаю Чернову, что его отец, пулеметчик Георгий Чернов, пал в бою смертью храбрых.

Для Николая это был не только горячо любимый отец, но и боевой друг, рядом с которым он сражался, у которого учился мужеству и стойкости, любви к Родине и ненависти к врагу.

Но сейчас образ отца предстал перед ним таким, каким он помнил его не в бою. В памяти возникал тихий летний день. Берег речки. Отец, мурлыкая песенку, возится с удочками, Коля ему помогает. Потом они усаживаются в старенькую лодку, и, выгребая одним веслом, Коля выводит ее на середину реки. Здесь они с отцом в выходной день часами проводили время за рыбной ловлей.

Это было, кажется, совсем недавно. Но с тех пор точно весь мир перевернулся. Родной дом лежит в развалинах. Погиб отец, погибла мать, которая весело встречала их когда-то после рыбной ловли и потом стряпала вкусную уху. А что теперь делается на берегах милой речки, где они рыбачили с отцом? Там немцы. И к речке можно добраться только через огонь битв...

Когда Николай выписался из госпиталя, его провожали няни, сестры, врачи.

В расположение своего полка Чернов прибыл поздно вечером. Его накормили, и он тотчас же крепко заснул. Первым, с кем увиделся утром Коля, был старший лейтенант Щербаченко. Тот радостно обнял юного красноармейца и, тряхнув его за плечи, сказал:

— А ты кстати явился. Скажи, вот тот участок хорошо знаешь?

И Щербаченко показал рукой на видневшийся далеко лесок.

— Как не знать! Мы с ребятами туда не раз по грибы ходили.

— Отлично! Беру тебя на одну операцию.

— Какую? — жадно спросил Коля.

— Придет время — скажу.

Когда стемнело, Щербаченко собрал разведчиков.

— Где-то в том лесу стоит немецкая батарея, обстреливающая наши позиции. Нам дано задание пробраться в тыл противника, точно выяснить, где стоит эта батарея.

И лейтенант стал излагать бойцам план операции. Николай Чернов принимал в обсуждении живейшее участие как знаток местности, где разведчикам предстояло действовать.

Ночью группа разведчиков и с ними Николай поползли в сторону немецких позиций. Операция была выполнена блестяще. Разведчики под утро благополучно вернулись в часть и доложили командиру точные данные о расположении немецкой батареи. А остальное завершили наши артиллеристы. Сильным и точным огневым налетом они заставили навсегда замолчать вражескую батарею.

После этого Николая Чернова стали часто брать в разведку, и он не уступал опытным бойцам в этой сложной и опасной воинской профессии.

Чернов страстно полюбил разведку, но тяготился тем, что иногда приходилось подолгу бездействовать. Он обратился к командиру с просьбой выдать ему винтовку с оптическим прицелом.

— Снайпером хочешь стать? — спросил командир.

— Так точно! В перерывах между разведкой хочу охотиться на немцев.

Командир крепко пожал маленькую руку разведчика и распорядился выполнить его просьбу.

Николай стал часто забираться поближе к немецким траншеям. Здесь выслеживал он немцев. Первого фашиста он терпеливо поджидал несколько часов и, когда немец высунулся из окопа, точным выстрелом уложил его.

— За Томку!

Коля Чернов, мальчик из Колпина, открыл свой особый счет мести за отца, за мать, за маленьких Томку и Бориса, за родной дом, за Ленинград, где он за время войны не был, но о страданиях которого знал каждый боец полка.

Прошло несколько месяцев. Рота Чернова участвовала в важной боевой операции. Предстояло выбить немцев из одного пункта и отбросить их за речку. Николай участвовал в операции в качестве снайпера. Он продвигался на фланге роты и меткими выстрелами снимал вражеских пулеметчиков, автоматчиков, помогая таким образом расчищать путь нашим наступающим бойцам.

Немцы упорно сопротивлялись, но наша рота шаг за шагом продвигалась вперед. Вот наступил решительный момент. Бойцы поднялись, чтобы стремительным броском преодолеть стену огня вражеских минометов.

Коля как на крыльях помчался вперед. Он видел, как бежали немцы.

Вдруг Николай зашатался, выронил винтовку и упал. Густое кровавое пятно проступило через его гимнастерку. Последнее, что он, падая, успел заметить, было толстое дерево с огромным дуплом. Чернов узнал то самое место, где когда-то с отцом рыбачил в тихие летние дни.

Много дней пролежал Коля в госпитале. Рана была очень серьезной, и врачи упорно отстаивали жизнь юного воина. Страшную боль Николай переносил стойко, удивляя врачей своей выносливостью. Он думал только о том, чтобы снова возвратиться в строй, и терпеливо ждал этого дня.

Однажды врач на утреннем обходе ласково сказал:

— Ну, Чернов, завтра распрощаемся. Можешь поступать в ремесленное училище.

Николай понял. Врач хотел сказать, что он уже в бойцы не годится.

— Нет, я в ремесленники не пойду. Меня возьмут в полк. Руки есть, глаза видят.

★

Николай Чернов вернулся в полк. Его определили в оркестр. Но капельмейстеру он как-то сказал:

— Временный я жилец у вас, товарищ начальник. Все равно добьюсь своего — уйду в траншею. Мне еще много фрицев надо на тот свет отправить.

А. РОГОВ

БОГАТЫРЬ

В рядах бойцов прославленной, ныне Белгородско-Харьковской Гвардейской дивизии мужественно сражался в июльских боях и погиб смертью героя ленинградский комсомолец старший сержант Николай Шершнёв. Боевые друзья Николая в письме Ленинградскому горкому ВЛКСМ написали: «Благодарим Ленинградский комсомол за воспитание такого пламенного патриота, каким был Шершнёв».

К письму был приложен рассказ гвардии старшего лейтенанта А. Рогова о славном подвиге русского богатыря, питомца Ленинградского комсомола Николая Шершнёва.

☆

Противотанковое орудие комсомольца, гвардии старшего сержанта Николая Шершнёва занимало позицию у небольшой высотки. А кругом шелестело золотом колосьев необозримое ржаное море. Рожь в июле 1943 года здесь стояла выше пояса человека и радовала глаз богатым урожаем.

Был предвечерний час. Солнечный диск догорал, устало спускаясь куда-то за край земли. Изредка слышалась артиллерийская стрельба. Где-то работал тяжелый миномет.

В орудийном расчете Николая Шершнёва были бойцы с Кавказа, из Средней Азии, с Урала, из Азербайджана, Украины, но жили все они единой дружной, боевой семьей. Вместе делили и горе и радость.

У бойцов орудийного расчета повелось так: кому бы ни пришло письмо, его читали все. Дружно жили люди, как родные. И домашнему горю у кого-нибудь печалились все, и радость чья-либо была общей радостью...

Сегодня получил письмо командир. Это был молодой простой русский парень. Клок льняных волос непокорно выбивался у него из-под армейской пилотки, голубые глаза горели юношеским задором и радостью жизни, хотя под ними и легли уже двумя разбежавшимися вкось нитками морщины солдата, прошедшего суровую школу войны.

Письмо писала Ольга — жена командира. Она рассказывала о героических буднях города Ленина, строки письма дышали горячим патриотизмом, ненавистью к врагу и глубокой любовью к Николаю.

Всем запомнились последние слова письма:

«Скоро ли мы увидимся с тобой, родной? Скоро ли вы прогоните эту грязную погань с нашей земли и возвратите людям их прежнее счастье? Храбрый, дорогой мой Коля, бей немцев крепче и как можно больше за нашу разлуку, за землю, за слезы наши».

Потом по рукам бойцов пошла вложенная в конверт фотография Оли. Суровые лица артиллеристов озарялись теплой улыбкой, когда они смотрели на открытое, немного опечаленное лицо подруги своего командира и боевого товарища. У каждого в памяти в ту минуту встали далекий дом, родные, любимая...

Юнус Ибрагимов, наводчик, узбек, не выпуская из рук карточки, сказал:

— Давайте все вместе напишем ответ. Скажем: «Оля, мы будем бить немцев, как ты просишь...»

Письмо еще не было закончено, когда наблюдатель доложил:

— Воздух!

Все подняли головы к небу. Неподалеку из облаков выходила большая стая немецких бомбардировщиков. Они выскакивали из-за большого облака и кружились по небу.

Бойцы начали считать стервятников. Досчитали уже до семидесяти, а они все лезли и лезли из-за облаков.

— Расчет, в укрытие! — скомандовал Николай. Командир и все люди расчета знали, что после бомбежки появятся танки, самоходные пушки.

Тяжело стонала земля, содрогавшаяся от разрывов тяжелых бомб. Взрывы поднимали огромные столбы земли и пыли. Солнце точно померкло, и день сделался ночью.

В этом аду люди стояли там, куда они были поставлены воинским долгом. Звонко и молодо раздался голос командира:

— Приготовиться к бою!

Урча, шли по земле, гремя железными лапами, «тигры» и «пантеры», стрелявшие с хода. Ухали, тяжело раня землю, самоходные пушки.

Глаза у Николая горели яростью. Он был весь подобран, напряжен и ждал момента, чтобы дать команду открыть

огонь по стальным вражеским чудовищам. Расстояние между танками и орудием все сокращалось. Кровь в висках стучала до слышимости сильно. «Утерпеть, подпустить поближе!»

Танки шли вперемежку с самоходными пушками и вели беглый огонь. Снаряды проносились над головами артиллеристов.

— Теперь пора!

Не успело еще смолкнуть последнее слово команды, как, заглушая его, ушел первый снаряд.

Головной танк немцев остановился, задымил. Встали и начали разворачиваться фронтом следовавшие за ним танки и пушки. Через несколько минут они открыли массированный огонь по позициям орудия Шершнева. Силы были неравны. Но истребители ни на секунду не ослабляли огня. Вражеские снаряды ложились все ближе и ближе к орудию. Оно продолжало стрелять. Вот загорелся еще один «тигр».

Вздыбив огромные комья земли, совсем неподалеку вдруг разорвался фугасный снаряд. Взрывной волной опрокинуло и разбросало горсточку храбрецов, работавших у орудия. В воздухе еще висели черная копоть, земляная пыль и дым, когда к орудию подбежал Шершнев. Он схватил снаряд, но замок не повиновался ему. Орудие вышло из строя.

— Снять орудие с позиции! Отвести подальше в сторону, в рожь! — скомандовал Николай.

Бойцы видели, как их командир, расстегнув левый карман гимнастерки, вынул оттуда комсомольский билет и фотографию Ольги и, как бы запоминая навсегда черты любимого лица, поцеловал карточку и потом темносерый билет. Николай провел рукой по сухим глазам, застегнул карман и сказал бойцам:

— Ну, ребята, выполняйте мою команду и ждите меня во ржи...

Немецкие танки и пушки теперь медленно поползли вперед, изредка постреливая с хода. Фашисты считали нашу оборону уничтоженной.

Перед тем как утащить искалеченное орудие, наводчик Ибрагимов еще раз обернулся и посмотрел на своего командира. Шершнев уже полз по ржи навстречу «тиграм». В каждой его руке было зажато по противотанковой гранате, а когда он чуть свернул, Юнус заметил у него в зубах ручку еще одной гранаты.

Разгоряченный боем, продвигался комсомолец Шершнев метр за метром вперед. Ползти было трудно.

Рев мощного мотора, скрежет железа гусениц слышались уже совсем близко. Николай чуть поднялся. Стальная громадина подходила, покачивая длинным хоботом орудия. Нацелившись, Шершнев метнул гранату, а сам, упав, быстро уполз в сторону. Раздался взрыв, развороти́вший гусеницу танка. Фрицы повели ураганный огонь.

Переждав несколько минут, пока уляжется переполох, Шершнев снова пополз вперед на единоборство с «тиграми». Они не должны пройти!

Всего метрах в пятнадцати от Шершнева стоял немецкий танк. Люк у него был открыт, и слышались голоса солдат. Николай пополз стороной еще несколько шагов. Теперь были видны и немцы. Они суетились сзади танка, гремя заправочными бачками. Шершнев поднялся во весь рост и швырнул гранату. Вслед за взрывом сразу взметнулся огненный столб, танк запылал ярким факелом.

У Николая оставалась еще одна граната. Неподалеку заскрежетало железо, раздался громкий выхлоп мотора, и прямо на Николая, по ржи, пополз немецкий танк. Махина стали, рыча, надвигалась на человека. Но у этого советского человека было сердце льва. Шершнев спокойно ждал приближения танка. И когда их разделяли уже считанные шаги, Николай бросил последнюю гранату. Содрогнулся и встал «тигр»...

★

Через несколько дней с фронта в далекий Ленинград ушло письмо. Командир дивизии писал жене комсомольца Шершнева:

«Дорогая Ольга Лазаревна!

Должен сообщить вам тяжелую весть: всеми любимого и уважаемого гвардии старшего сержанта, комсомольца Николая Шершнева, вашего друга и мужа, нет больше среди нас.

Он погиб на поле брани смертью героя. Отражая танковую атаку врага, он смело и бесстрашно вышел, как русский лев, на единоборство с немецкими «тиграми». И победил их. Он один подбил гранатами три танка и сорвал атаку врага.

Вечная слава герою! Пусть его подвиг облегчит вам тяжесть утраты. Подвиг молодого русского чудо-богатыря Родина и народ никогда не забудут. Командованием Николай Шершнев представлен к званию Героя Советского Союза».

В тот же конверт было вложено недописанное Николаем перед боем письмо:

«Оличка, родная!

Сегодня я пишу тебе не один. Пишут все люди моего расчета. Ты их всех знаешь. Они дают тебе клятву — бить врага, как того требуешь ты. Слово свое мы сдержим по-гвардейски. Верь нам...»

АЛЕКСАНДР ШАГАЛОВ

ПИСЬМО БРАТУ

Здравствуй, милый браток! Давно не было от тебя весточек. Сейчас я много думаю о тебе, о нашей семье, о сверстниках и друзьях наших. Второй раз доведется тебе отмечать день рождения не в ярко освещенной комнате, не в кругу своих друзей, а в окопе, на передовой линии, под стенами нашего родного Ленинграда.

Помнишь, как было раньше? За праздничным столом, в кругу друзей, поднимал я бокал за твое здоровье. Все наперебой желали тебе счастья, сил, радости, успехов. Ты благодарил за пожелание. Немного смущаясь, произносил коротенькую речь о счастье быть молодым, о радости творчества. Да, жили мы хорошо. Очень хорошо. Что греха таить, были немного избалованы, изнежены.

Мы считали немыслимым не посмотреть нового фильма, не сходить три-четыре раза в месяц в театр, не потанцовать с подругами под выходной день. Мы любили посидеть в ресторане или кафе, любили хорошо одеться.

У нас было очень много самых разных забот, нам до всего было дело: мы интересовались проблемой стереоскопического кино и раздроблением атома, декламировали Маяковского и восхищались мастерством звезды балета Улановой, ходили на выставки картин Серова и Левитана и следили за работой Макара Мазая, интересовались экспериментами Бурденко и переживали поражения ленинградского «Динамо» на футбольных матчах. Одни из наших друзей, окончив институты, стали инженерами, другие — врачами, третьи — композиторами, четвертые — журналистами. Я помню, как ты, радостный и возбужденный, пришел домой, пробыв на заводе сто часов подряд, и сказал: «Моя сушилка принята. Испытание дало хорошие результаты». Мы все радовались тогда, зная, что твое нововведение в лаборатории химического завода дает стране сотни тысяч рублей экономии.

Да, мой родной, я часто вспоминаю о тебе, о нашей семье. Вот и вчера, проснувшись ночью от гула снарядов,

я вспомнил о нашем последнем выходном дне. Помнишь, это было 15 июня 1941 года. Утром мы были за городом, а вечером за обеденным столом, кроме членов нашей семьи, собрались наши друзья, наши подруги. Было весело и шумно.

Поздней ночью мы провожали своих гостей. Вышли на Невский. Была чудесная ленинградская белая ночь. В немом молчании застыли громады домов, вдалеке блестел шпиль Адмиралтейства, на Аничковом мосту в величественном молчании застыли люди и лошади Клодта. Прощаясь с друзьями, мы условились: следующее воскресенье — 22 июня — провести всем вместе. Наметили план: в 12 часов едем на «День музыки» в Центральный парк культуры и отдыха имени Кирова, в 18 часов вместе обедаем, а вечером идем в театр...

Так думали мы провести выходной день 22 июня 1941 года. Но вышло все иначе. В 12 часов 15 минут мы услышали по радио речь Молотова, и сразу же стало ясно: все наши планы, все, чем жили мы до сих пор, должно быть надолго отложено и забыто. До вечера звонил телефон. Никто не молчал, никому не сиделось на месте. Слишком велико было потрясение, слишком яростно прорывался гнев. Но все мы — и ты, и я, и наши друзья — еще не представляли себе, какие великие события предстоит нам пережить, какие огромные испытания предстоит пройти.

Ты помнишь, в тот же вечер мы написали заявления о добровольном вступлении в армию. Помнишь, как мы выбегали на каждый звонок: не вызов ли в военкомат? Помнишь яркое солнечное утро 3 июля: после тревожной ночи, наполненной воем сирен, ты разбудил меня в 6 часов утра: «Саша, говорит Сталин», — и мы услышали суровые и простые, уверенные слова вождя. Мы решили тогда во что бы то ни стало добиться быстрейшей отправки на фронт, и через несколько дней, в простых зеленых гимнастерках, с обмотками на ногах, мы вышли на Невский, по которому еще недавно разгуливали в элегантных костюмах и шелковых рубашках. Мы знали, — все нам завидуют: ведь мы были в числе первых ополченцев Ленинграда.

Война есть война. Ее трудную школу нелегко было пройти, с ней нелегко было освоиться. Мы попали в разные части, надолго потеряли связь. Мне было трудно, очень трудно в первое время: трудно с непривычки спать на голой земле; с непривычки от длительной работы лопатой вска-

кивали на руках волдыри; трудно было совершать переходы по 25—30 километров в день; неловко было есть из котелка деревянной ложкой; трудно было привыкнуть к железному распорядку военной дисциплины.

Но вот однажды я получил от тебя долгожданное письмо. Ты уже был в бою, получил ранение. Я прочел: «После того как я восьмой раз пошел в атаку, меня ранило осколком мины и контузило. 14 суток, будучи серьезно раненым, я пробирался к своим. 240 километров пришлось пробираться по болотам. Пищи не было. Пришлось питаться ягодами, сырыми грибами, болотной водой». Я читал и перечитывал эти скупые строки. Читал, и ты рос в моих глазах. Миша, ты ли это? Можно ли было раньше предположить в тебе такую силу воли?

Я читал письмо своим товарищам. Они поняли его так же, как и я. А утром на следующий день мы прочли первое подробное сообщение о зверствах фашистов, об их кровавых деяниях. Мы впервые читали о сожженных городах, о разбитых школах, о повешенных детях, об изнасилованных женщинах, обо всем том, что много раз впоследствии пришлось нам увидеть своими глазами на дорогах нашего наступления. Строгие строки этого официального сообщения взволновали нас. Кровь застучала в висках, и мы впервые почувствовали в душе новое чувство — жажду отмщения.

Много времени прошло с тех пор, много воды утекло. В суровых испытаниях мы обрели спокойную и уверенную зрелость воинов, которой так нехватало нам в мирные дни. Я давно не видел тебя, но я хорошо представляю твой облик. У тебя погрубела кожа на лице и на руках, твой голос стал резче, ты пропитался запахом пороха, дыма, дорожной пыли, взгляд твоих черных глаз стал более сосредоточенным и серьезным, на лбу появились морщинки, — ты стал солдатом.

Мне, как и тебе, многое пришлось пережить за этот год. Многое можно было бы написать о войне, о сражениях. Зачем? Ты воевал много месяцев, и все это тебе хорошо знакомо. Ты побывал на различных фронтах и теперь, как в начале войны, защищаешь наш любимый Ленинград. Сказать по чести, я завидую иногда тебе, — я очень скучаю по Ленинграду. Но на мою долю тоже выпало большое счастье: мне довелось сражаться за Сталинград. Ты,

конечно, читал о битве за Сталинград и отлично представляешь себе, что это такое. У нас здесь было много работы, и мы неплохо справились с нею. Опыт, накопленный нами, очень пригодится!

Фрицам пришел капут под Сталинградом. Придет капут им и под Ленинградом. Я знаю, что и ты не тратил времени зря. Те немногие и редкие письма, которые я от тебя получал, дышат большим оптимизмом, верой в победу. В одном из писем ты написал: «После выхода из госпиталя опять продолжаю уничтожать смесь из немецких мерзавцев и финских прохвостов». И в другом: «Меня немного помяло. Но это ничего».

Мой родной Мишук! Сегодня я шлю тебе пожелание побольше уничтожать этой «смеси»! Дезинфицируй нашу родную землю от страшной фашистской заразы. Кончится война, мы вернемся к нашим отложенным на время планам, снова заживем хорошей жизнью. Девушки будут смотреть на рубцы твоих ран с благоговением. Дети, которых ты прикрывал своим телом, будут подносить тебе на улицах цветы.

Мы очень любим жизнь. И, для того чтобы завоевать право на жизнь, мы будем бороться, не жалея себя, — отныне это наш закон. Мы будем жить! Пусть издыхают фрицы со своими прихвостнями! Мы прожили в боях долгие месяцы, и мы будем жить в боях столько, сколько потребуется для победы.

Давай же, братишка, поклянемся еще злее уничтожать врага. Пусть это письмо раскроет перед тобой мои мысли и пожелания. Крепко, крепко тебя целую, мой дорогой.

Твой горячо любящий брат Саша.

С. КАЗАКОВ

ЧИЖИК И ЕЕ ПОДРУГИ

Редкий час фронтового досуга. В лесу, среди деревьев, иссеченных осколками и пулями, бойцы слушают концерт красноармейского ансамбля художественной самодеятельности. Гулко рвутся снаряды и мины, но это привычно и артистам и слушателям. Только что закончился веселый скетч. Зрители горячо аплодируют и, вызывая исполнителей, кричат:

— Чижик! Чижик!..

Чем-то очень знакомым повеяло от этого слова. В памяти вставали суровый, заснеженный лес, горячая перестрелка и маленькая ясноглазая девушка, с винтовкой в руках защищающая машину с ранеными. Чижик — героиня фильма «Фронтовые подруги». Ленинградская студентка, сандружинница, участница войны с белофиннами — комсомолка Ольга Федорина.

И снова фронт. С первых дней Отечественной войны героиня фильма Ольга Федорина, которую называли Чижиком, — в действующих частях Красной Армии. В одном из наших медсанбатов раненые бойцы и командиры увидели ее возле себя не на экране, а живую и такую же мужественную и заботливую, энергичную и веселую, какой помнили ее по правдивому фильму о героических днях славных девушек нашей страны. Образ, созданный авторами фильма, продолжает жить.

...Неподалеку шелестят и посвистывают осколки, но концерт продолжается. Среди аплодирующих слушателей — десятки друзей военфельдшера Федориной.

Груздев Илья. На груди — золотая нашивка за тяжелое ранение. Судьба этого солдата, как и многих других, невидимой, но прочной нитью связывает боевые биографии двух фронтовых подруг — Оли Федориной и старшего сержанта Наташи Анисюкиной.

В лесные домики медсанбата, где работала Федорина, раненые попадали из самой гущи боев.

Илье Груздеву казалось, что там, где накрыл его снаряд, где земля вздрагивала и стонала от взрывов, никто не найдет его и смерть неминуема. Вдруг чье-то осторож-

ное, ласковое прикосновение. С трудом поднял ослабевшие веки. Девушка. Это Наташа Анисюкина. Прикрывая его своим телом, торопливо делает она перевязку и, взвалив на спину, медленно, тяжело ползет от укрытия к укрытию. Сдав раненого Федориной, снова возвращается в бой. Так состоялась первая встреча Оли Федориной с Наташей Анисюкиной, встреча, которая переросла в большую дружбу.

В один из июльских дней 1941 года Анисюкина пришла в Кировский райвоенкомат Ленинграда с просьбой, чтобы послали ее на фронт. Делопроизводительница бюро пропусков завода имени Жданова стала сандружинницей части Народного ополчения. Тяжелыми испытаниями началась военная жизнь Наташи. Враг рвался в Ленинград. Шли жестокие, кровопролитные бои.

Часть стала кадровой. Анисюкина — ее ветеран. Мы много хорошего слышали о ней от стрелков, артиллеристов, танкистов. Вскоре и нам довелось быть свидетелями замечательной смелости и самоотверженности этой мужественной патриотки.

Шло многодневное сражение за сильный узел сопротивления противника. Прорвать вражеское укрепление должны были танки. Артиллерийская батарея лейтенанта Моисеенко поддерживала танкистов. В этой батарее и находилась тогда Наташа.

Зная ее характер, лейтенант перед боем подозвал к себе Анисюкину и строго предупредил:

— Смотри, Наташа, не лезь в пекло! Знай свое место!

Началась мощная артподготовка. Рванулись вперед танки, за ними пошла пехота. Батарея Моисеенко, меняя одну за другой огневые позиции, расчищала дорогу пехоте и танкам. Вот уже артиллеристы бьют прямой наводкой. В адском грохоте боя Наташа словно слышала стоны раненых, находила их, ползала от одного к другому. А вокруг взрывы авиабомб и снарядов, противный вой мин, смертельное пощелкивание разрывных пуль. Из этого боя Анисюкина вынесла более восьмидесяти тяжело раненых бойцов и командиров с их оружием, многим легко раненым оказала помощь на месте.

Пришлось Наташе сделать перевязку и себе самой. Осколком ранило ее в бедро. Трудно было, но она продолжала двигаться с наступающими, пока хватало сил. Отстала немного. Вокруг уже никого. Только попрежнему свистят пули, осколки и беспрестанно гремят разрывы.

Оставшись одна, она почувствовала, что ослабела, что нехватит у нее сил выбраться из этого бушующего огненного шквала.

Сзади лязг гусениц. Шла новая группа наших машин. Танкисты заметили одинокую сникшую фигуру девушки с санитарной сумкой. Одна из машин на секунду остановилась. Лейтенант, перегнувшись через люк, буквально за ворот подхватил Наташу и, сердито прикрикнув на нее: «Погибнешь тут!», втащил в танк. Люк захлопнулся. Танк помчался дальше, увозя Анисюкину снова в сражение. Скоро настигли батарейцев, — Наташа увидела их сквозь смотровую щель. Попросила выпустить из машины. И вот она опять среди своих товарищей.

...Немцы перешли в контратаку. Над нашими боевыми порядками появилось более сорока «Юнкерсов». Бомбежка была жестокой. Расчеты батареи поредели, но огонь не ослабевал. С величайшими упорством и стойкостью работали артиллеристы, раненые не уходили от орудий. Анисюкина оказывала им помощь тут же, на огневых позициях.

Противнику на одном из участков удалось прорваться. Вот уже грязнозеленые фигуры немцев появились невдалеке от батареи. Орудия вели огонь почти в упор.

Взрывом авиабомбы Наташу контузило. Очнулась она на второй день в медсанбате, в палатах которого хлопотала Федорина.

Через неделю батарейцы снова увидели Анисюкину у себя на огневых. Не совсем еще зажила рана, не совсем еще оправилась она от контузии (скажем прямо; ей удалось обмануть бдительность медсанбатовских врачей), но Наташа продолжала работать.

Через несколько дней после этих боев любимице артиллеристов комсомолке Анисюкиной вручили орден Красного Знамени. С кем поделиться этой радостью? Самые дорогие для нее люди — мать и шестнадцатилетняя сестренка Тоня — остались в одном городе Орловской области, оккупированном немцами; брат, черноморский моряк, убит в боях за Севастополь; другая сестра погибла в Ленинграде во время одной из бомбежек. Но вокруг были друзья, с которыми делила она и счастье и горе. А горе еще раз заглянуло во фронтовую землянку Наташи.

Недавно Анисюкина получила письмо от своей школьной подруги Ани Румянцевой из освобожденного ныне го-

рода. Пишет подружка, что немцы повесили мать Наташи Зинаиду Григорьевну, а сестру Тоню увезли в Германию в рабство.

Весть о постигшем Наташу несчастье облетела весь полк. Не поможешь горю слезами. Беспощадная месть врагу была лучшим ей утешением. Артиллеристы, минометчики, снайперы истребляли немцев. Они мстили за повешенную мать Анисюкиной, за ее сестру, угнанную в фашистскую неволю. Они говорили об этом на митингах, говорили это и ей, как бы невзначай, зайдя в землянку. И среди этих чутких отзывчивых товарищей — подруга, однополчанка Наташи, сержант Антонина Михеева. Жители деревни Великий Двор, Тихвинского района, Ленинградской области, могут гордиться своей землячкой — отважным солдатом, умелым снайпером.

На святое дело мести благословила Тосю мать — Мария Михайловна. Перед нами ее письмо в редакцию армейской газеты. Мария Михайловна пишет:

«Когда началась война, я сожалела, что нет у меня сына, способного с оружием в руках защищать Родину. Единственному моему сыну Виктору едва исполнилось 6 лет. У меня три дочери. Одна из них — Антонина — осуществила мою мечту. Она добровольцем ушла на фронт. Начала работать медсестрой, а потом стала стрелком. Вот уже 4 месяца она уничтожает немцев и имеет на своем боевом счету 37 убитых фашистов. Ее наградили медалью «За боевые заслуги» и нагрудным знаком «Снайпер». Как мать горжусь Тосей. Она честно выполняет мой материнский наказ — истреблять немецкую гадину».

Посмотришь на Михееву и никогда, пожалуй, не подумаешь, что эта восемнадцатилетняя, всегда веселая, немного кокетливая девушка может быть хладнокровным, расчетливым охотником. Она была в буквальном смысле слова на волоске от смерти, — пуля немецкого снайпера пробила шапку. Переползла на другую позицию и снова взяла врага на мушку. В руках у нее осколками мины разбило винтовку. Взяла другую — и опять на свой боевой пост. Каждый убитый немец — это часы терпеливого выслеживания, дерзкого поиска, это напряженные поединки с немецкими снайперами, когда успех решают выдержка, хитрость и быстрота.

Таковы сегодня фронтовые подруги Чижика — любимого героя любимого фильма.

НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ВАХТЕ

Работает ли ленинградский комсомолец на заводе или с оружием в руках защищает свой город — он на фронте.

М. КАЛИНИН

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

СЫНЫ И ДОЧЕРИ ЛЕНИНГРАДА

Я попробую рассказать здесь о молодежи Ленинграда так, как я ее видел, наблюдал, чувствовал в дни обороны этого города.

Вряд ли нужно пространно напоминать о традициях граждан Ленинграда. Вспомним то, что говорил Ленин о тружениках и бойцах этого города в дни, когда решалась судьба Советской России.

> «В Петрограде рабочим давно уже приходится нести на себе еще больше тягот, чем рабочим в других промышленных центрах. И голод, и военная опасность, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России — от всего этого питерский пролетариат страдал больше, чем пролетариат других мест. И все же мы видим, что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот. Они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих борцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется».
>
> (В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 473.)

Начало войны застало ленинградскую молодежь в разгаре бурной и разносторонней деятельности. Страна,

а вместе с ней передовой Ленинград шли к высоким культурным и экономическим целям. Наш народ хотел в открытом, мирном, трудовом соревновании выйти в экономическом отношении на первое место в мире.

Эта программа зажигала и увлекала в стране всех — от мала до велика. Мы были свидетелями подъема, проникавшего буквально во все уголки колоссальной страны. Никогда еще промышленность не набирала такого хода, как летом 1941 года. Никогда еще с такой страстью не работали наши ученые, раздвигавшие горизонты познания все шире и шире. Никогда еще крестьянство так не приобщалось к претворению в жизнь единого великого экономического плана. Никогда еще не чувствовался в народе такой прилив сил, такая радость духа.

Гитлер рассчитывал не только сбить нас, но и психологически подавить, выбрав для своего вероломного нападения на Советский Союз момент, когда весь наш народ вдохновенно отдался мирной, созидательной работе, когда народ наш откровенно радовался процветанию своей Родины, расцвету своих сил.

Немцы долго и методически работали над теорией и практикой так называемой тотальной войны. Немцам казалось, особенно после «молниеносных» успехов на Западе в 1939—1940 годах, что они нашли рецепты для достижения абсолютной победы.

Немцы, однако, не учли духа России, ее исторических и национальных свойств и особенностей. Русские люди не кричали о новых теориях тотальной войны. Они несли в себе, в своей душе, в своей крови, в своих навыках и традициях более чем тысячелетний опыт войн за свою национальную независимость. Советские люди несли в себе опыт создания государства, крепость и единство которого не знают себе равных. Русские несли в себе опыт непрерывной череды боевых столкновений с опаснейшими врагами — и с теми же немцами, и с европейскими коалициями, и с восточными ордами. Это был не только опыт, это была национальная наука, национальная стратегия, которую создавали Александр Невский и Дмитрий Донской, Иван Грозный, Минин и Пожарский, Петр Первый, Суворов, Кутузов, Нахимов и Корнилов, Брусилов. Эта национальная военная наука была поднята на новую, еще более высокую ступень великими вождями народа — Лениным и Сталиным в дни, когда новой России при-

шлось отстаивать свое существование против натиска четырнадцати держав.

Теориям и расчетам немцев предстояло столкнуться с прочной, испытанной не раз национальной русской обороной, силу которой уже изведали и Ливонский и Тевтонский немецкие ордена, и Карл XII, и европейские коалиции, и Наполеон, и Вильгельм и многие другие.

Советской молодежи в общих рядах народа пришлось ринуться в войну с первого ее часа, отрываясь от учебников, от лабораторных опытов, от станков, от проблем гуманитарных и точных наук, от привычного быта и многих, многих личных интересов. Молодежь Ленинграда в эту первую пору войны делала все, что вызывалось требованиями момента, — вряд ли подозревая, какие испытания ее ждут впереди.

В горячие и тревожно-нервные июньские дни 1941 года Ленинградский комсомол отдал в армию свой цвет, свой актив. Некоторые заводские и вузовские организации ушли в полном составе, повторяя примеры комсомольцев гражданской войны. Те, кто не был призван, шли добровольцами. В Ленинграде их были сотни тысяч. Те, которые не могли попасть добровольцами по молодости или по необходимости работы на заводе, стремились помочь войне чем только можно. Сто тысяч комсомольцев работали в Ленинграде в дни мобилизации агитаторами, беседчиками, курьерами и посыльными военкоматов, переписчиками, разносчиками литературы... Мне приходит на память доклад начальника внутренней обороны Петрограда от 9 декабря 1919 года: «...Каждый рабочий ясно сознавал, что он должен делать... С юношеским жаром откликнулся Коммунистический союз молодежи, выделивший отряд на фронт, создавший боевые отряды для внутренней обороны, давший пополнение во все районы; команды живой связи во всех районах были укомплектованы главным образом молодежью; многие из них пали смертью героев» («Борьба пролетариата», Ленинград, 1941 г., стр. 248).

Одно поколение брало пример с другого.

С каким волнением ждали в Ленинградском горкоме комсомола первых вестей о том, как дерется молодежь! Нет более глубокой проверки людей, как проверка в дни войны, в дни народных бедствий.

Вести привозили раненые, вести приходили в первых письмах, эти письма дышали пылью и зноем полей сраже-

ний, страстью первых подвигов и горечью тяжелых и неудачных боев. Комсомольцы дрались хорошо.

Вести приходили одна за другой. Рассказывали о подвиге Тони Петровой, девушке мечтательной, мягкой, которую нельзя было себе и представить в условиях войны — в лесах, в болоте. Она оказалась одной из лучших партизанских разведчиц. Три раза она попадалась в лапы к немцам — и три раза бежала. Окруженная однажды фашистскими солдатами, которых навел предатель, она убила двух немцев, убила предателя и последним патроном застрелилась сама, чтобы не даться живой в руки врага.

Комсомолец Лазарев нарвался на немцев, его скрутили и обезоружили. Комсомолец не мог вырваться. Его повели. Он шел, опустив голову, и не отвечал на вопросы. Он увидел впереди минное поле. Немцы этого не замечали. Комсомолец ни движением не выдал себя. Он продолжал итти вперед. Мины рванули. Многие немцы были убиты, Лазарев, тяжело раненный, приполз к своим.

Пришла весть о кингисеппском комсомольце Л. Его считали несколько мягкотелым и опасались, что для партизанской работы вряд ли он подойдет, — но все-таки взяли. У этого студента в городе был любимый дядя, который заменил ему отца. Поступило сообщение, что этот человел продался немцам. И вот комсомолец один идет в город, занятый немцами, приходит к человеку, который заменил ему отца, читает ему свой приговор, уничтожает предателя на месте и возвращается в отряд.

Пришла весть о том, как вела себя группа захваченных немцами гдовских комсомольцев-партизан. Немцы пытались узнать у них о партизанских явках, штабах и связях. Комсомольцы молчали. Тогда фашисты зарыли их в землю по шею:

— Скажете?

Солнце немилосердно пекло обнаженные головы, торчавшие над землей. Комсомольцы молчали. Они умерли один за другим.

Пришла весть о геройстве колхозных ребят из деревни Именищи, Красногвардейского района. Туда прибыл немецкий карательный отряд в триста человек во главе с полковником. Немцы собрали деревенских детей, объяснили им, как нужно разыскивать и снимать мины, и послали очищать установленные советскими войсками минные поля. Ребята — это были пионеры — выслушали, по-

шли, сняли мины, затем выследили, куда направляется карательный отряд во главе с полковником и предателем-старостой из села Заозерье. Пионеры расставили снятые мины на пути этого отряда. Минами, расставленными русскими детьми из деревни Именищи, было убито пятнадцать немецких солдат, а также полковник. Четырнадцать карателей и предатель-староста были ранены.

Это были лишь первые проявления народной войны, непредусмотренные теми, кто обучался по «тотальным» теориям. Таких, как пионеры из деревни Именищи, таких, как комсомольцы Лазарев, Тоня Петрова, Ленинград дал в партизанские леса тысячи. Они третий год борются. И напрасно пытаются их сломить немецкие полевые дивизии, жандармы, полицейские и моторизованные отряды.

Ленинградская молодежь включалась в войну вся сверху донизу, от секретарей горкома до десятилетних школьников. Секретари были в армии, а школьники ловили ракетчиков на ленинградских крышах и чердаках, тушили зажигательные бомбы.

Школьники нетерпеливо осаждали своих руководителей: «Что еще нужно сделать?» Они без устали носились по городу в качестве связных. Они собирали лом. Они собрали свыше миллиона бутылок для зажигательной противотанковой смеси. Они отдавали свои сбережения в народный фонд обороны.

Уже осенью 1941 года стало понятно, что чем ближе опасность, тем более упругими делаются человеческий дух, сопротивление ленинградцев. О, это не была игра в войну, веселая беготня с выдачей премий за большее количество собранного лома или утиля! Уже с восьмого сентября бомбы разили эту молодежь, детей, которые, стремясь помочь народу, занимали всюду посты. В покойницкие уже везли детские трупики... Это начиналась борьба — долгая, беспощадная...

И для комсомольцев, и для пионеров Ленинграда начинались осадные годы, начинались такие «университеты», которых не могла бы выдумать никакая фантазия романистов. И молодежь шла, не отвращая своего лица от пожаров, от рушащихся домов, от дыма и пыли, застилавших город, — шла на борьбу...

Мальчишки доказывали отцам и матерям, что они имеют все права участвовать в любой из форм борьбы. Они напоминали иным упрямствующим и плачущим мате-

рям о том, что Ленин и Сталин шли в революцию уже в пятнадцать лет. Эти мальчики уходили из дома, оставляя лаконичные прощальные записки. Некоторым не суждено было вернуться. Так погиб Коля Лаврентьев — милый, смелый мальчик.

Он был разведчиком. Он пошел к партизанам, где был его брат, и принес отряду неоценимую помощь. Немцы схватили мальчика. Они отрубили ему ухо и нос. Окровавленный мальчик упрямо тряс головой и глядел на немцев ненавидящим взором. Немцы отрубили Коле кисть правой руки. Пионер ничего не выдал. Немцы закололи его.

Война меняла быт и условия существования все круче и круче. В ленинградских ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения ребята встали на выпуск военной продукции. Молодежь формировала полки, которые с осени 1941 года стали на охрану улиц, важнейших заводов, культурных учреждений.

Пожары тогда пылали в Ленинграде еженощно. Над городом стоял немолчный подвывающий звук «Юнкерсов». Надо было иметь настоящие нервы, чтобы под бомбами, под ураганным артиллерийским обстрелом выносить из горящего завода взрывчатые вещества. Комсомольцы справились и с этой работой.

Люди — молодые люди Советской страны — шли в бой, подавая заявления о приеме в комсомол. Фадыха Чингазова через переводчика спросили: «Что такое комсомол, куда он хочет вступить?» Он ответил: «Комсомол — это убей немца»... Это желание, эта страсть пронизывали десятки и сотни тысяч людей.

Комсомол — это убей немца!.. Поэтому восемнадцатилетний комсомолец с Выборгской стороны Феодосий Смолячков, рядом с ним комсомолец студент Пчелинцев и балтийский моряк комсомолец Антонов зачинают снайперское движение на Ленинградском фронте, — движение, которое перебрасывается на всю Красную Армию. Ленинград всегда был городом первого шага, инициативы, первой пробы, дерзания... Дело, начатое тремя комсомольцами, развилось. Снайперы Ленинграда били в 1942 году и бьют сейчас до шести тысяч немцев в месяц.

В один из самых критических моментов, когда враг подходил к самым ближним оборонительным рубежам Ленинграда, — прорывался уже к самому городу, —

комсомол Ленинграда созвал во Дворце Урицкого общегородское собрание молодежи. Пламенные речи, прозвучавшие на этом собрании, никогда не изгладятся из памяти нашей. Новые десятки и сотни тысяч добровольцев влились в ряды армии и Народного ополчения. Люди в буквальном смысле меняли лопаты на винтовки: на оборонительных рубежах тогда работало свыше миллиона ленинградцев, и бóльшая часть их была молодежь.

Шли девушки в армию противовоздушной обороны. Они осваивали зенитные орудия, их девизом было: работать как можно лучше и быстрее. И на одной батарее девушки сумели дать тридцать заряжений вместо двадцати, опередив соседей зенитчиков.

Молодежь комплектовала систему местной противовоздушной обороны, в районах возникали новые и новые батальоны, выходившие буквально с первой переклички под обстрел и в огонь пожаров.

Девушки, промокшие, на ветру, не выпуская брандспойтов из рук, лезли по пожарным лестницам на скользкие крыши, проникали в провалы лестниц, спасали людей... Со временем статистика расскажет подробнее, что это была за работа, но я напомню, что в один из тихих месяцев комсомольский пожарный полк вызывался на пожары двадцать два раза.

Молодежь Ленинграда включалась в новые и новые виды помощи фронту. Шесть тысяч комсомолок стали донорами, они спасли много красноармейских жизней. Молодежь формировала санитарные дружины, шла на курсы медицинских сестер, собирала инвентарь для госпиталей, обходила раненых, несла им ласку, свой простой подарок...

А фронт был рядом, и ночью стук пулеметов был слышен совсем, совсем близко. Артиллерийские зарницы опоясывали город кольцом. Для сообщения с «Большой землей» оставался лишь путь по воздуху или через Ладожское озеро, над которым носились стаи «Мессершмиттов» и «Юнкерсов». Городу надо было думать о том, чтобы поддерживать военное производство своими силами.

В Ленинграде были созданы молодежные технические кружки, рассчитанные на выпуск десятка тысяч новых рабочих. Передовики комсомольцы поставили себе целью овладеть несколькими специальностями. Примером мог послужить Евгений Головин, овладевший восемью спе-

циальностями. Люди усиливали темп работ, повышали производительность. На сборке пулеметов комсомольцы Кутузов и Токерт не выходили из цеха по семьдесят шесть часов и сократили в три раза время на сборку пулемета.

На другом заводе комсомолка Аня Петракова стала к станку своего брата: «За себя и за брата, ушедшего на фронт, — дам две нормы». Потом она стала давать три, три с половиной нормы. Рядом стала ее сестра...

Раненый ученик ремесленного училища Усанов вернулся к станку. Он сказал: «Как я могу лежать, когда идет бой за город, когда на фронте ждут деталей?» Ремесленники стали изготовлять бомбы, автоматы, минометы, мины, снаряды.

Предвидели ли все это немецкие теоретики? ..

Немцы полагали, что в блокированном Ленинграде нехватит ни хлеба, ни топлива, ни металла, ни электроэнергии, ни, наконец, человеческой воли к сопротивлению... Так калькулировал Гитлер; он злорадствовал и хвастал, что окруженный Ленинград «сам поднимет руки, ему никто не поможет».

Ленинград, ведомый стойким, твердым большевиком, старым русским солдатом, соратником великого Сталина, Андреем Александровичем Ждановым, — дал ответ.

Была создана знаменитая Ледовая дорога. Девяносто процентов водителей составляли на дороге комсомольцы.

На единственной железнодорожной ветке, по которой можно было проталкивать вагоны от ладожского берега, работали комсомольские бригады, буквально руками расчищая путь от снежных заносов... Тогда от доставки одного эшелона с продовольствием зависели судьбы сотен тысяч людей.

Молодежь взяла на себя и доставку, и контроль за доставкой продуктов, с момента выгрузки из вагонов и грузовиков и до момента выдачи на прилавке — потребителю. Это была борьба за каждый грамм хлеба. Это была беспощадная борьба с теми, кто хотел у голодных украсть их кусок.

Комсомольцы в ту зиму пошли в снега и леса. И город увидел картины, описанные Николаем Островским в его книге «Как закалялась сталь»... Только еще тяжелее, еще суровее была работа ленинградских комсомольцев-лесозаготовителей...

Запомним, что комсомолки Смольнинского района, голодные, в снегах, на сильнейшем морозе, в четыре дня проложили четырехкилометровую железнодорожную ветку для того, чтобы помочь своему городу...

Неплохо до воины работали ленинградские лесорубы, но они ушли в армию, приходилось лесорубов посылать неопытных. Ленинградские комсомольцы С. Петров и С. Александров не захотели отставать... Речь шла о судьбе города, речь шла о чести России. И не державшие доселе ни топора, ни пилы, комсомольцы стали давать по восемнадцати кубометров дров. Это составило двести шестьдесят пять процентов нормы.

Молодежь пошла искать уголь на заводских территориях и в порту. Собирали сотни тонн. Водолазы со дна Торгового порта доставали уголь, который десятками лет просыпался при разгрузке иностранных транспортов. Собирали кокс. Собирали металл, которого в старом индустриальном Ленинграде было очень много, — все шло в дело, все шло в вагранки, все шло горячей струей для выпуска новых орудий, снарядов, мин.

...С каким упорством ни боролся город, как он ни экономил свой хлебный паек, ему нехватало. Становилось все труднее, все тяжелее. Молодежь, как наиболее жизнеспособная часть населения, сделала тогда новое усилие: она пошла помогать страждущим... Комсомол создал бытовые отряды, о которых нельзя говорить без волнения... Сюда шли девушки. Их напутствовали просто: «Тебе, бойцу бытового отряда, поручается забота о гражданах, о тех, кто ослаб, — о стариках, женщинах и детях. Не гнушайся самой трудной черной работы».

И девушки Ленинграда, голодные, похудевшие, усталые, взялись с энтузиазмом за святой труд. Замороженными, потрескавшимися руками они кололи дрова для неведомых им людей, для тех, кого надо было спасти. Девушки растапливали «буржуйки», приносили воду с Невы, жидкий суп из столовых. Они склонялись над голодными, которые впадали в апатию, и пробуждали в них жизнь, напоминали им о том, что надо держаться. Усталые, они не позволяли себе отдыхать, при свете коптилок вслух читали газеты, ободряя людей. Они приходили к людям, которые готовы были молча, в тишине и холоде, заснуть и забыться вечным сном. Лаской, теплом своего сердца, трудом своих неутомимых рук ком-

сомолки зажигали в этих людях огонь жизни, заражали их упорством духа.

Эти девушки, их были тысячи, боролись против самой смерти, боролись с невиданной женской силой.

Лица тысяч истощенных и голодных людей освещались улыбками. Люди стали тянуться к свету, к делу. Девушки бытовых отрядов спасали иногда целые семьи. В иных районах они оказывали медицинскую помощь в сотнях квартир. В комсомольские комитеты стали приходить десятки и сотни писем с просьбой о помощи и с благодарностью за оказанную помощь. Вот одно письмо, напоминающее о той поре: «Я осталась больная и без карточек. Комсомольцы пришли и помогли, иначе я с дочкой умерли бы... Хочется, чтобы о таких товарищах знали»...

Для того чтобы поддержать организм истощенных ленинградцев, нужен был витамин «С». Он содержится в овощах, фруктах. Мы тогда забыли, как выглядят эти овощи. Но витамин «С» содержится в еловой хвое. Молодежь пошла в пригороды собирать хвою. Ее везли в город тоннами, десятками вагонов, развешивали, расфасовывали пакетиками по двести граммов, и комсомольцы разносили пакетики по квартирам.

В январе 1942 года было несколько дней, когда казалось, что смерть начала одолевать город. Потух свет, замерз водопровод. Хлебозаводы были накануне остановки. Было немного муки, но не было воды. Тогда комсомол сделал новое усилие, которое по счету! Несколько тысяч шатающихся от слабости комсомольцев пошли с ведрами на Неву, образовали живую цепь и начали передавать воду от проруби к месильным чанам хлебозавода, на пятый или шестой этаж. Ленинград не сдавался.

Ленинград дрался, Как раз тогда, зимой, когда Гитлер рассчитывал, что Ленинград «сам подымет руки», снайперы выбивали по пять—шесть тысяч немцев, т. е. по дивизии в месяц. Разведчики делали налеты на немецкие окопы. И образ яростного, атакующего Ленинграда, бледного от голода, но неукротимого, гордого, останется навсегда, навеки в представлении человечества.

Ленинград отказывался склониться перед голодом и смертью. Когда прекращалась подача электроэнергии, люди переходили на работу вручную при коптилках. Девушки руками перебирали кожаные приводы станков.

Когда на базах иссякало горючее, комсомольцы тащили на санках тонны груза, тащили многие километры, куда было нужно.

Вся страна стремилась помочь Ленинграду. Она думала, заботилась о нем, сюда шли посылки, десятки тысяч писем. И на почтамте и в почтовых отделениях скапливались груды неразобранной корреспонденции. Почтовики, — их было уже мало, и они ослабели, — не могли справиться с работой. Тогда пришли комсомольцы. Разобрали сотни мешков с письмами. Они разнесли десятки тысяч писем и тысячи телеграмм. В весенний день. Восьмого марта они разнесли шестьдесят тысяч корреспонденций. Девушкам комсомолкам было трудно подыматься по лестницам. Они нашли выход: брали с собой пионеров, которые трубили в трубы. Люди привыкли к этим сигналам, спускались вниз... Девушки, пионеры и письма с «Большой земли» — все это несло добрые вести, давало людям еще немного бодрости.

К весне 1942 года город как будто выползал из какого-то ледникового периода. Кругом были черно-серые сугробы снега. На тротуарах на несколько футов — многослойный лед... Весной это все грозило растаять и затопить улицы, тротуары, дворы и подвалы потоками воды и грязи. Это грозило эпидемией, болезнями. Ленинградцы взяли в руки ломы, кирки, лопаты. Комсомольцы — первыми. Вид этой молодежи, которая шла с песнями, щурясь под первыми весенними лучами, был прекрасен. Ничего, что лица были бледными, у иных в пятнах, поморожденные, — глаза у людей сияли, хорошие глаза. Молодежь взяла самые тяжелые участки, расчищала трамвайные пути, тормошила людей в домохозяйствах, стыдила вялых и ленивых, лезла в люки и очищала их: «Не гнушайся, товарищ, никакой самой черной работы».

За месяц город был очищен и спасен от эпидемии. Весна 1942 года была весной холодноватой, несколько запоздалой, но ленинградцы встречали ее с непередаваемой радостью. Каждая почка на дереве, каждая травка, каждый ранний цветок твердили о победе жизни, о вечной победе жизни.

Весна вдохнула в ленинградцев новые силы. Замечательный факт: четвертого мая в школах Ленинграда возобновились учебные занятия. Наши школьники осенью и зимой учились, как только могли. Со своими книжеч-

ками и тетрадочками они приходили в школу, несмотря на дожди, холод, голод, артиллерийские обстрелы. Школьники учились в бомбоубежищах. Вся гитлеровская тотальная война не смогла остановить руку девочки, которая выводила в тетрадке ровные строчки сочинения на пушкинские темы. Дети жались к печкам, грелись, потом возвращались к доске, брали мел и решали задачи. Дети работали буквально до последней возможности. Зимой временно пришлось прервать занятия. Но старшие классы занимались. Перерыв занятий не означал, что дети выпали из общественной системы. Десятки пионерских дружин города помогали фронту, госпиталям, военкоматам, райсоветам. Дети собирали подарки для раненых. Дети привозили на саночках воду и дрова женам красноармейцев и командиров, убирали им квартиры, приносили газеты. Дети требовали, чтобы им давали работу посыльных; и с каким сознанием исполненного долга такой посыльный, прижимая пакет своей варежкой, пробирался по сугробам в обстреливаемом городе!

Школьники Ленинграда, милые драгоценные наши ребята, — как они старались помочь и помогали обороне страны. Передо мною письмо: «Мне семь лет, мой папа танкист, сражается против Гитлера, я подписываюсь на заем на 50 рублей и вношу их наличными. Пусть мой рубль убьет немецких гадов. Шурик Краснов, 7-я линия, дом № 32, кв. 5».

Памятны для многих весенние экзамены в старших классах. Десятые классы кончили сотни юношей и девушек. Они сдали экзамены на «отлично» и «хорошо». Видеть их, когда они сдавали экзамены, — огромное нравственное удовлетворение. Перед нами проходили люди, заслуживающие посвящения им книг. Тут были девушки-доноры, как отличница 155 школы Воскресенская, тут был отличник Игорь Быховский — боец противопожарного комсомольского полка, награжденный именными часами. Это было новое, закаленное юношество Ленинграда, вынесшее испытания, которых никогда не знал ни один город мира.

Свои каникулы школьники провели на огородах в пригородных совхозах и подсобных хозяйствах. Юноши и девушки копали гряды, сеяли, пололи, изучили основы агротехники и параллельно — это стало законом — изучали военное дело.

Летом 1942 года из Ленинграда была проведена частичная эвакуация стариков, женщин, детей. Мы видим тут опять молодежь, организованную в специальные бригады. Комсомольцы здесь и агитаторы и грузчики. Престарелых ленинградцев они сопровождают до пунктов пересадки на Ладоге.

Чему еще были посвящены эти каникулы?

Молодые ленинградцы попрежнему занимались помощью городу. Они ремонтируют жилые дома, водопровод, канализацию, подготавливают к будущей зиме школы, детские сады, больницы. Девушки и юноши стали трубочистами. Они очистили свыше ста тысяч дымоходов, они отремонтировали и сложили заново тысячи печей. Молодежь стала и стекольщиками: она отремонтировала несколько десятков тысяч оконных проемов, застеклила их или зашила их фанерой. Молодежь ремонтировала прачечные и рабочие общежития.

Возможно, что это не вязалось с майскими планами 1941 года и мечтами юношества о постройке новых городов и заводов, о философских или математических факультетах, о геологических экспедициях, об исследованиях или туристских путешествиях... Но те планы без сожаления были отодвинуты в сторону, и на первый план были поставлены задачи священной народной войны, во имя которой надо было отдать все и выполнять любую работу («Товарищ, ты не должен гнушаться никакой, самой черной работы»...).

Не знаю, был ли вообще в городе какой-нибудь участок, на котором не было бы комсомольцев! Они летом опять заготавливали дрова. Они открыли опять Дворец пионеров, в котором снова начались беседы, лекции, игры. Молодежь пошла собирать дикорастущие пищевые растения, которые могли усилить наш продовольственный фонд. Некоторые ребята сдавали этих растений по пятьдесят килограммов.

Ребята с энтузиазмом выращивали овощи на своих огородах, и надо было видеть этих маленьких горожан, которые притащили на выставку во Дворец пионеров осенью 1942 года кочан капусты в шесть тысяч четыреста граммов или редьку в две тысячи четыреста граммов.

Вспоминается: у нас было туго с табаком. Табачным фабрикам нужна была доброкачественная примесь. Ребята собирали в садах и парках сухой лист клена. Курильщики его весьма одобряли. Или, вспоминается, в городе, особенно на фронте, нехватало конвертов. Ребята взялись их клеить и помогли городу... Они чинили белье для госпиталей, собирали книги для бойцов фронта, вели переписку с фронтом; и сколько раз хорошей улыбкой светились лица бойцов и командиров, читавших письма детей!..

Комсомол, неизменный и верный помощник партии, не упускал из своего поля зрения и сирот войны. В городе был предпринят сплошной обход квартир, были учтены все дети, которых нужно было определить в детские дома, и подростки, которых нужно было определить в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища. Учет может быть разным. Бывает, что придут, запишут и уйдут. Нет, ленинградские комсомольцы сделали по-другому. Они пришли, учли, перезнакомились с ребятами, собрали для них игрушки, посуду, белье, отремонтировали для них дома́, набрали для ребят теплой одежды.

Не надо думать, что все эти дела проходили в условиях, когда можно было хоть немного отвлечься от военных забот. Нет. Противник готовил штурм города. На подступы к Ленинграду немцы летом 1942 года подтянули новые дивизии из Крыма и специальную артиллерийскую группировку с тяжелыми осадными орудиями калибром двести десять и двести сорок миллиметров. Они били с расстояния сорока пяти километров.

Все внимание молодежи было обращено на помощь командованию в отражении этого штурма. По городу прошла волна митингов, летучек и бесед. Комсомольцы агитаторы — всюду, не только на предприятиях, в общежитиях, но и на квартирах, в магазинах, в жактах, на трамвайной остановке, всюду. Они умело и просто отвечали на вопросы граждан, — говорили им о силе города, о приготовлениях врага, о том, как нам надо готовиться, что нужно делать. И простой задушевный разговор комсомольских агитаторов — в большинстве своем девушек — делал неоценимое дело. Усилия этих девушек входили составной важной частью в оборону Ленинграда.

Здесь, в практике агитационной, воспитательной работы сказался ценный и гибкий опыт Ленинградского

горкома комсомола. Когда, например, в первую блокадную зиму сильно затерло с доставкой газет, горком применил метод раздачи или громкой читки газет в райкомах. Каждое утро здесь несколько сот активистов, агитаторов получали необходимую информацию и шли затем на предприятия, в домохозяйства и сообщали тысячам и тысячам людей политические новости.

Сложившийся довоенный актив комсомола был весь на фронте. Девять комсомольцев из десяти были в окопах. Комсомольская организация пополнялась новым юношеством военного Ленинграда. В ряды организации каждый месяц вступало несколько тысяч новых членов. Это были самые лучшие из молодых работниц и рабочих, лучшие бойцы местной противовоздушной обороны, лучшие ученицы средних школ. Многие из них имели награды — ордена, медали. В комсомол стремились вступить и четырнадцатилетние. Это было разрешено. Они должны были заменить — и заменили — комсомольцев, ушедших на фронт.

★

Двадцать пять лет тому назад на берегах Невы, в первом городе революции, зародились первые комсомольские организации.

Путь пройден комсомолом большой и славный. Работала и дралась наша молодежь честно.

В Отечественную войну комсомол Ленинграда сдал самый суровый экзамен. Он показал, что с честью может носить звание боевого, самоотверженного помощника партии. Он показал свою высокую политическую зрелость и исключительную нравственную чистоту и стойкость.

Старшее поколение может с чувством глубочайшего удовлетворения сказать: сыны и дочери у нас выросли достойные. Им неведома отрава материальной корысти. Они живут только помыслом о высшем благе Родины и ее граждан. Они крепко, глубоко поняли свою роль в нашей стране. Испытания, выпавшие на их долю, они перенесли с благородным достоинством. К людям они проявили душевность исключительную и нежность сердца подлинную. К врагам они были беспощадны.

Глубокие, святые и великие начала заложены в нашей молодежи. Эти начала и дали силу совершить то, что совершила наша молодежь в Ленинграде.

Страна уверенно идет к завершающей победе над империалистической гитлеровской Германией. Еще гремят залпы орудий, еще стелется пороховой дым над полями, но видны уже необозримые горизонты будущего... Народ, который враги пытались уничтожить, разрушив его великолепную созидательную деятельность, двинется дальше. И в рядах народа-строителя, народа-созидателя, народа-воина почетное место будет занимать молодежь, цвет этой молодежи — комсомол.

ДЖАМБУЛ

ТЕБЕ, КОМСОМОЛЕЦ ЛЕНИНГРАДА

Прибыл гость дорогой ко мне,
Ленинграда отважный сын,
Речи пламенные его
Я, седой и дряхлый акын,
Молча слушал — и видел того,
О котором он вел рассказ.

...Ты мне ярко предстал сейчас,
Ленинграда боец молодой,
Сквозь просторы страны родной,
Сквозь немолкнущий вой ветров.
Бледен ты, но твой взор суров,
Неустанен он в днях и в ночах.
Мысль одна в нем: не сдать в борьбе!
...Ватник стеганый на тебе,
Валенки на твоих ногах...

Это ты Ленинград родной
Оградил стальною стеной,
Чтобы злобных врагов орда
Не проникла в него никогда.
В эту стену уперся враг —
И не двинулся ни на шаг.

Рвутся бомбы на площадях,
Дико-злобны разрывы их,
Но тобой не владеет страх, —
Ты в холодных цехах больших
За снарядом готовишь снаряд,
И, врагу давая ответ,
Наши пушки ревут, гремят...
Где тебя, непреклонного, нет! —
Для бойцов в пекарне ночной
Выпекаешь ты хлеб ржаной.

В лазарете сестра твоя,
Бесконечных забот полна,
День и ночь хлопочет она,
От себя усталость тая.

Да, мой сын, мой любимый сын,
Как, пройдя, поглядишь кругом, —
Осквернен проспект не один
Вражьей сталью, вражьим свинцом.
Но врагу не торжествовать:
Убираешь каменья ты,
Сор сметаешь, — и вот опять
Тротуары улиц чисты.

Жизнь идет, ее не прервать!
Это — доблесть твоя! Это — ты!

Вижу я: ты сходишь в подвал,
И в ночи, — как бы ни завывал
Черный вражеский самолет, —
Комсомольцев собранье идет.

С отпечатанных утром листов
Славной «Смены» твоей боевой
Я, седой и дряхлый акын,
Обращаюсь к тебе, мой сын,
Ленинградец, друг молодой.
Не бывал в Ленинграде я,
Но стоит он передо мной.
Вот по Невскому я иду, —
С пьедестала, с гранитных плит,
На меня Кутузов глядит.
Вот на Выборгской, там, вдалеке,
Ленин, стоя на броневике,
Простирает руку свою.

Вот за Нарвской заставой я, —
Здесь, увенчанный славой, зовет
Ленинградцев Киров вперед!
Ты у этих богатырей,
У великих России сынов,
Жить учись! Как они, сумей
Быть в опасности тверже камней
И незыблемей горных хребтов.

Помни, юноша: вся страна
О тебе заботы полна!
Знаю: скоро отступит враг
От Невы, — так, как он побежал
От разгневанных волжских вод
И от Дона, что перестал
Тихим быть и яростным стал,
Так, как он от Кавказских гор
Побежал, как побитый вор.

Стой же, сын, на посту, крепко стой!
Вся страна, ленинградец, с тобой.

Я с тобой, мой любимый сын,
Я, Джамбул, — ее старый акын.

Февраль 1943 года.

В. ВИНОГРАДОВ

ФРОНТОВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

Весь зал бурно аплодировал, когда к столу президиума подошел Иван Ефимович Блинов и к его груди прикрепили зеленую ленточку с бронзовой медалью «За оборону Ленинграда».

Блинов был как бы живым олицетворением славных традиций в истории этого старейшего завода.

Иван Ефимович помнит бурные стачки, когда рабочие заставы шли в первых рядах питерского революционного пролетариата. Он помнит отряды красногвардейцев, уходившие из ворот завода защищать завоевания Октября. В памяти Блинова свежи ставшие уже сейчас тоже страницей славной истории годы первой Сталинской пятилетки и первые новые машины, которые завод вывел в день праздничной демонстрации на площадь Урицкого.

В сердце и памяти Ивана Ефимовича живут ярчайшие картины десятилетий борьбы и труда заводского коллектива. Он сам был активным участником этой борьбы. Он дважды защищал город, за оборону которого ему сейчас вручили медаль.

Почти каждому, кто в этот вечер сидел в празднично украшенном зале заводского клуба, ветеран труда Блинов годился в деды. В зале сидело третье поколение. Так заводские старики называют юношей и девушек, ставших к станкам в дни войны. Все, что помнит и пережил Блинов, все, участником чего он был, это поколение изучает по книгам да по рассказам таких, как Иван Ефимович, живых свидетелей. А их, этих свидетелей и участников славной истории завода, становится все меньше.

Честь продолжения героической истории и традиций завода выпала на долю собравшихся сейчас в зале людей третьего поколения. В суровую годину Отечественной войны пришли они на завод. Сегодня сотни этих людей получают вслед за ветераном труда Блиновым медаль «За оборону Ленинграда».

Председатель оглашает новую фамилию.

— ...Мария Забирохина!

Буря аплодисментов проносится в зале. К столу президиума подходит смущенная молодая девушка, скромно, но нарядно одетая. Секретарь горкома пожимает девушке руку, мозолистую, огрубевшую руку труженика.

Забирохина бережно принимает бронзовую медаль на зеленой ленточке и прикрепляет к груди. Лицо ее принимает строго торжественное выражение, и гордым светом светятся глаза.

Аплодисменты в зале не утихают. Все в зале хорошо знают эту комсомолку. Как Блинов олицетворяет поколение ветеранов труда, отдавших заводу много десятков лет своей жизни, так Мария Забирохина олицетворяет собой молодое поколение, вся история которого — это история двух лет героического труда в фронтовом, осажденном Ленинграде.

Мария Забирохина возвращается на свое место в зале, а к столу президиума подходят еще и еще такие же девушки, юноши. Медали получают молодые патриоты, те, кто составляет сейчас основные кадры завода, те, кто, заменив ушедших на фронт отцов и братьев, плавит металл и собирает боевые машины, настраивает станки и обрабатывает сложнейшие детали.

Знак доблести, мужества и героизма получают Валя Королева и Миша Сучков, Настя Калятина и Вася Чуев, Аня Смирнова и Ваня Иванов. Родина, Ленинград награждают славное молодое поколение ленинградских бойцов трудового фронта.

Все они пришли на завод в дни войны. Одной из первых пришла Мария Забирохина. В тот день, когда ей вручили медаль «За оборону Ленинграда», исполнилось ровно двадцать три месяца, как она впервые по зову сердца переступила порог литейного цеха.

★

...На рассвете поезд ушел, оставив облачко пыли. Маруся долго с грустью глядела на облачко. Детей увезли далеко от войны.

Все, что было привычным, что повторялось изо дня в день, — хлопоты по хозяйству, возня в семье с ребятишками, уроки в школе, — все оборвалось.

Семнадцатилетняя девушка шла с вокзала и думала о своем месте в нахлынувших грозных событиях, в новой жизни, которая уже властно входила в любимый город.

Несмотря на раннее утро, улицы были запружены людьми. Толпы ленинградцев стояли у радиорепродукторов и взволнованно слушали негромкую, но проникнутую силой и уверенностью речь.

— Кто это говорит, бабушка? — подойдя к толпе, спросила Маруся у старухи, напряженное лицо которой было обращено к репродуктору.

— Тише! — строго сказал кто-то девушке.

Маруся слилась с огромной людской массой и стала слушать. Она уже поняла: говорит Сталин, и теперь она боялась пропустить даже одно слово.

«...Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск...»

Маруся слушала, и ей казалось, что Сталин обращается к ней. Она оглянулась на людей, собравшихся у репродуктора, и подумала, что, наверно, то же, что и она, переживает каждый, к кому доносятся сейчас суровые слова вождя.

Когда Забирохина пришла домой, в ушах у нее еще звучали последние слова речи товарища Сталина:

«Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!»

Да, это относится и к ней, семнадцатилетней девушке. Ее руки пригодятся.

Вечером пришла с работы старшая сестра.

— Ну, Маруся, что теперь делать будешь?

— Завтра пойду на завод, надо работать.

...Забирохина шла по крытым брусчаткой заводским улицам, присмиревшая и несколько растерянная. Она и раньше много слышала и знала о мощи этого гиганта ленинградской индустрии, но то, что она теперь увидела своими глазами, поразило ее.

Не слишком ли она уверена в своих силах? Действительно ли пригодятся в этих громадных корпусах в такое грозное время ее слабые девичьи руки?

Четвертого июля 1941 года Марию Забирохину оформили работницей литейного цеха. На первых же шагах молодой работнице пришлось пережить несколько неприятных минут. Мастер оглядел ее внимательным взглядом и отечески строго спросил:

— Фамилия?

— Забирохина.
— На производстве не работала?
— Нет, не успела.
Мастер ворчливо, как бы про себя сказал:
— Мне рабочие нужны...
Он не закончил фразы, заметив, как смутилась и опустила голову девушка.
— Ну, вот что, ты, девушка, не смущайся. Научим. Встанешь на шишельный участок. Там женщин много.
Так началась производственная биография комсомолки Марии Забирохиной. Почти так же начинали свою вахту на трудовом посту десятки тысяч ленинградских подростков. Одни из них заняли свое место, как и Забирохина, в первые дни войны, другие, те, кто еще моложе, пришли в цеха на год позднее. Но все они с одинаковым упорством брались за дело, настойчиво учились мастерству, преодолевали вместе со старшим поколением тяжелые лишения блокады, голод и холод.
...Забирохина старательно работала на шишельном участке. Ее руки быстро огрубели. Она стала рядовой работницей фронтового города.
На территорию завода упали первые бомбы.
В толстых брезентовых рукавицах, с клещами и с лопатой в руках выбегала Маруся из цеха. Песком и водой она гасила зловеще шипящие зажигательные бомбы, набрасываясь на них с каким-то остервенением.
Немцы подходили все ближе к городу. Эшелоны с людьми и ценным оборудованием уже давно ушли далеко на восток. Среди оставшихся на заводе была и Забирохина.
Враг обложил Ленинград кольцом блокады.
Снежным декабрьским утром Маруся вышла из дому на работу. Вышла рано, а на остановке долго и беспокойно ждала трамвая, не желая опоздать. Собралось уже много народу.
— Должно, не будет трамвая, — глухо сказал кто-то в толпе.
Расходились в разные стороны, сгорбившись от ветра.
Теряясь в медленно текущем потоке людей, прижимаясь ближе к стенам домов, шла на завод Маруся, шла очень долго, выбиваясь из сил, по заснеженным тротуарам. Завод встретил молчаньем. У безмолвных станков теснились рабочие. Не было тока.

Но все равно точно к восьми, каждый день, в цехи собирались люди. Завод стоял израненный, но не поверг-нутый. Он жил и боролся.

Шатаясь от слабости, каждый день приходила в цех Маруся. Исчез румянец с девичьих щек. Меловой бледностью покрылось заострившееся лицо. Молча и безропотно, как и все, переносила она страданья, вместе со всеми пробивая дорогу к жизни. Несла дежурство, оборудовала общежитие, заготавливала топливо, очищала цех от сугробов снега. Как праздника ждала вместе со всеми того счастливого дня, когда можно будет снова начать полюбившуюся работу в литейном.

И он пришел, этот день — яркий, солнечный день весны сорок второго года. Пламя опять зашумело в вагранках.

Марию Забирохину назначили бригадиром шишельного участка чугунолитейного цеха. Она уже считалась работницей «со стажем», а те, кто пришел к ней в бригаду, совсем еще новички.

Их было семь вместе с Марусей — Цветкова Клава, Степанова Зина, Захарова Оля, Жуковская Лида, Антонова Маня и Яковлева Валя.

Все они до войны учились, все почти ровесницы своего бригадира. У всех одно: брат, отец сражаются на фронте или погибли. Все перемучились, перестрадали. Все пришли на завод, чтобы помочь Родине и своему городу победить врага.

— Девушки, не подкачайте, на вас весь завод смотрит, — шутя говорил мастер Бурканов, старый литейщик.

— А мы, товарищ Бурканов, не робеем, — также шутя отвечали девчата.

— Робеть, это верно, не надо, а все же на днях начинаем работать по графику. Время военное.

Мастер шутил, ему хотелось ободрить молодых работниц, но ушел он крайне озабоченный: не справятся девушки, а других нет.

Поднялся к начальнику цеха. Тот встретил с улыбкой.

— Ну, что, товарищ Бурканов, начнем?

— Какое уж там, товарищ начальник!

— Что же мешает?

— Работать не с кем.

— А Забирохина, бригада? Девчата одна другой краше.

— Зачем обманывать себя, товарищ начальник? Это ж не бригада, а отряд пионеров.

— Не могу я тебе, товарищ Буркаиов, с формовки женщин снять. Там участок серьезный.

— Вполне понимаю.

— А раз понимаешь, давай развернись. Помоги своим «пионерам», работать они хотят крепко.

В бригаде после ухода мастера стали обсуждать его заявление о графике.

— Не осрамимся, девчата? — спрашивает Маруся. Она назвала норму. Девушки стихли. Взялись за пробу. Работали по часам. Не получалось. До нормы еще было далеко...

Вечером, озабоченная, уходила Маруся домой. Где-то недалеко на переднем крае дробно резали тишину короткие очереди пулеметов. Доносились редкие разрывы снарядов и мин. Привычные звуки.

Забирохина в этот момент вспомнила раннее июльское утро сорок первого года.

«..Братья и сестры!

К вам обращаюсь, друзья мои!»

Она мысленно произнесла запомнившиеся на всю жизнь слова товарища Сталина и точно лишь теперь почувствовала, какая ответственность лежит на ней, на ее подругах. Завод начинает работать по графику. Это значит — точно в срок и в нужном количестве выпускать изделия для фронта. Точно в срок и в нужном количестве должна сделать свою долю она, Забирохина, и вся ее бригада. Другому некому за них сделать. Не выполнить — значит подвести фронт, Ленинград.

На следующий день утром в бригаду пришли начальник цеха и с ним комсорг Тося Романова.

— Завтра по графику будем работать. Надо укладываться в норму. Уложитесь, Забирохина? — спросил начальник.

Маруся смутилась.

— Девчата не подкачают, — сказала комсорг.

Девчата молчали и нерешительно поглядывали на своего бригадира.

— Пойдем, товарищ Романова, — сказал начальник. — Девушки понимают, что работать нужно серьезно, а бригадир у них знающий, научит.

Маруся еще и еще показывала подругам, как скорей и лучше приготовить стержень. Ученицы старались прилежно. К концу рабочего дня вся бригада выполнила нор-

му на восемьдесят процентов. Лишь одна Маруся выработала сто процентов.

Это был шаг вперед, но победы еще не было. График ставился под угрозу.

Утром Маруся пришла на работу, как всегда чисто, опрятно одетая. Приветливо поздоровалась с девушками.

Ровно в восемь начали. Маруся вместе со всеми стала к своему верстаку. Девушки то и дело посматривали в сторону своего бригадира, видели, как легко и непринужденно она работает, видели, как ритмично, без единого лишнего движения, действовали ее руки. Постепенно сноровку бригадира перенимали все девушки.

Первые успехи ободряли, и с каждым днем дело шло все лучше.

Нет, они не осрамились, не подвели завода.

Прошло еще немного времени, и трудовое упорство молодых работниц принесло им большую победу. Бригада Забирохиной перевыполняла нормы, давая продукции больше любой другой бригады в цехе.

Сама Маруся делала полторы и две нормы за смену. Она выполняла работу, ничуть не кичась и не рисуясь. К концу дня она не говорила подчеркнуто подругам, что сделала полторы или две нормы. Но девушки внимательно следили за своим бригадиром, подсчитывали изготовленные ею стержни. Первое время они удивлялись. Бригадир не обязан делать больше. У бригадира немало хлопот. Надо и о песке и о крепителях думать, надо выдать ниппеля и трубки. О многом нужно позаботиться, чтобы бригада работала без перебоев.

Маруся находила время и для всех этих дел, и выработка у нее была самая высокая.

Девушки теперь уже не хотели отставать от бригадира. Маруся подняла выработку до двухсот восьмидесяти процентов. Девушки хоть и не догнали ее, но начали вырабатывать двести процентов.

Маруся попрежнему являлась ровно к восьми, веселая и чисто одетая. Она приветливо улыбалась подругам и все так же легко и ловко работала.

И мало кто знал, что за мягким шелком чулок на стройных ногах Маруси свинцово чернели цынготные пятна, что ночью, не в силах выдержать боли, стонет Маруся.

★

Однажды в теплый весенний день район подвергся ожесточенному артиллерийскому обстрелу. Снаряды падали на территорию завода. В промежутках между грохотом разрывов слышались стоны раненых. Потом стало тихо.

Маруся видела из укрытия, как к заводской поликлинике подъехала санитарная машина.

Первой жертвой оказался старик, в черной замасленной куртке, в резиновых сапогах.

Морщинистое лицо его было густо покрыто пылью и темными засохшими каплями крови.

На вторых носилках билась пожилая женщина. Вся окровавленная, в порванной одежде, с искаженным от боли лицом, женщина громко стонала.

Принесли молоденькую девушку. Она лежала тихо, повернув голову набок, молча и терпеливо перенося боль. Лицо девушки было строгим. Губы плотно сжаты. Ни стона не издала она.

Маруся подошла к раненой и услышала, как врач, указывая в сторону лежащей на носилках молоденькой девушки, тихо произнес: «Безнадежна!»

Забирохина вернулась в цех. Там убирали битый кирпич и стекла. Жизнь в цехе продолжалась. Враг не мог ее остановить, как бы он ни бесновался.

За год войны Маруся не раз была свидетелем вражеских артиллерийских обстрелов и бомбежек с воздуха. Она привыкла к разрывам снарядов и бомб. Но на этот раз все виденное потрясло ее до глубины души.

— Начинаем работать, — строго сказала Забирохина притихшей бригаде.

Никогда она еще не трудилась так, как в этот день. Внешне ее движения были те же, размеренные, рассчитанные. Но в груди девушки бушевало такое пламя ненависти к врагу, которое требовало каких-то особенно активных действий. Так ненависть воплощалась в самоотверженном труде для фронта.

Девушки не видели того, что видела сегодня Забирохина, но им понятно было настроение бригадира. Они были охвачены тем же чувством. Для них работа теперь тоже приобрела новый смысл.

В этот день Мария Забирохина выработала триста процентов нормы, и лишь немногим меньше сделала вся бригада в целом.

Достигнутой выработки бригада теперь не снижала. На ее долю приходилась треть продукции всего участка.

В торжественной обстановке на цеховом собрании бригаде вручили переходящее красное знамя и присвоили звание фронтовой комсомольской.

Как снайперы на поле, все члены бригады завели личные счета мести. На особые листки заносились цифры сделанных сверх плана деталей. Цифры росли. Фронт получал все больше и больше продукции, изготовленной фронтовой молодежной бригадой Марии Забирохиной.

Фронт был почти рядом, и люди цеха жили его интересами. Бойцы жили интересами завода. Делегации бойцов и командиров приходили в цех. Рабочие часто приходили в окопы к бойцам.

Однажды делегация рабочих, побывавшая на фронте, привезла Забирохиной письмо от Оли Петровой, отважной девушки-санитарки из подшефного заводу полка. Оля писала:

«Привет с фронта!

Дорогая Маруся! Ваши рассказывали, как хорошо ты работаешь. Я хочу с тобой завести дружбу. Теперь о себе. Недавно мне исполнилось 19 лет. На фронт я пошла добровольно 27 июня 1941 года. В бой вступила 29 июня...»

Дальше Оля Петрова рассказывала, какой школой для нее стала война, как она научилась преодолевать страх и не отступать перед трудностями. Семьдесят раненых бойцов и командиров вынесла с поля боя Оля Петрова, четырежды она сама была ранена и каждый раз снова возвращалась на фронт.

Свое письмо отважная девушка-воин закончила горячим призывом:

«Дорогая Маруся, не успокаивайтесь на достигнутом, пока враг не разбит. Работайте еще лучше, помогайте фронту еще больше, а я вам обещаю жизни своей не пожалеть в боях за Родину».

Письмо Оли Петровой ходило из рук в руки по цеху. После работы бригада собралась в красном уголке, чтобы коллективно написать ответ на фронт:

«Оля, дорогая! Все девушки нашей бригады с волнением читали твое письмо. Все рады познакомиться и подружиться с тобой.

Разреши и нам рассказать о себе. Все мы — ленинградки. У всех нас много злобы скопилось против врага. Душил нас немец блокадой. Недоставало ни току, ни угля, ни хлеба. Все пережили. Бил немец из пушек. Но не на таких нарвался. Не дрогнули наши рабочие и работницы. Делали свое дело, работали для фронта.

Наша бригада зовется фронтовой молодежной. У нас красное знамя комитета комсомола завода. Все девушки вступили в комсомол, а я вступила в партию.

Мы обещаем тебе работать еще лучше, обещаем еще больше помогать вам, фронтовикам.

Будь здорова, родная! Пиши нам чаще.

От имени фронтовой молодежной бригады: Маруся Забирохина».

С тех пор девушки часто писали друг другу. Переписку оборвало извещение с фронта, пришедшее на имя Забирохиной. Командование полка сообщало, что в бою за Ленинград погибла геройской смертью красноармеец Ольга Петрова.

Гибель фронтовой подруги была личным горем всех девушек бригады Забирохиной. Как и тогда, после обстрела, они, стиснув зубы, еще с бо́льшим рвением принялись за работу. Беззаветным своим трудом, как их в первом письме призывала девушка с фронта, увековечили они память Ольги Петровой.

★

Прошло два года войны. В первых рядах тружеников города Ленина идет коллектив завода, где четвертого июля 1941 года заняла пост бойца трудового фронта семнадцатилетняя Мария Забирохина. Сотни таких, как Забирохина, пришли на завод за время войны. Старые рабочие с радостью отмечают, что поколение молодых ленинградцев продолжает и умножает боевые традиции питерских рабочих.

Заслуженным уважением пользуется на заводе Мария Забирохина. Но теперь она уже одна из многих молодых стахановцев, кто своим трудом участвует в обороне города Ленина.

Уже часто теперь бывает, что бригаду Забирохиной обгоняют другие комсомольские фронтовые.

Их много, этих молодых патриотов, кто вместе со старшим поколением закалился в борьбе с трудностями и высоко проносит имя защитника города Ленинграда. Медаль «За оборону Ленинграда» они принимают и как почетную награду и как наказ Родины работать еще производительнее, трудиться для фронта с удвоенной, утроенной энергией.

Пусть устали юность не знает,
Пусть будет всегда впереди.
Недаром медаль боевая
Блестит у нее на груди.

Я. ЗАРАХОВИЧ

ПЛАВКА 1942 ГОДА

Есть в Ленинграде, на берегу Невы, фабрика. В мирное время здесь шили модные меховые манто из котика и белки. В наши меха одевались девушки Москвы и Ярославля, Свердловска и Воронежа. В дни войны наша фабрика стала в строй военных предприятий: пошли из ее цехов на фронт шапки-ушанки, варежки и теплые душегрейки.

Мы, старые комсомольцы фабрики, ушедшие на фронт, не забываем о своем коллективе, поддерживаем с ним тесную связь. И вот мне хочется рассказать о двух встречах с друзьями.

...Стоял грозный январь 1942 года. За пару часов до этого я пересек Ладогу по знаменитой ледяной трассе. Пройдя по занесенному снегом двору, я поднялся по отлогой лестнице вверх и попал в длинный темный и холодный коридор со множеством дверей. Вот и знакомая дверь комитета комсомола.

Я приоткрыл ее. Комната не была освещена, только зарево от «буржуйки» бросало блики на закопченные стены. Постучал. Сразу несколько голосов ответило: «Да, войдите, можно».

С полминуты все молчали. Я разглядел пять-шесть девчат, сидевших кучкой у печки. Потом все разом поднялись, и началась невообразимая возня.

— Девчата, да это же Яша! Чорт леший! — кричала Юля Рыкова.

Я не успел опомниться, как Вера Смородина и Зина Иванова стащили с меня полушубок. Только Нина Комбалова, секретарь комитета, наша маленькая, худенькая Нина, с зачесанными строго назад волосами, сохраняла свое обычное спокойствие. Протянув руку и улыбаясь, она сказала:

— Хамство так долго не писать. Садись...

И вот я снова в комитете. Слушаю необыкновенные истории о своих друзьях.

Невольно я осмотрелся. По стенам стояли койки. Девушки здесь жили, здесь собирались, отсюда уходили на работу в цехи.

Юля Рыкова, давно вышедшая из комсомольского возраста, но упорно отказывающаяся это признать, жила с девчатами в комитете на правах «мамаши». Она готовила скудную еду, чинила одежду, встречала и провожала фронтовиков и, как водится, попрежнему не скупилась на слезу. Сейчас она с силой толкала в печку черный пузатый чайник, ругая его дьяволом за то, что он не лез в узкую печь.

Говорили, перебивая друг друга. С досадой я узнал, что днем раньше здесь ночевал мой друг Лева. Жаль, что не встретились.

— Это ты с той стороны редко бываешь. А ребята с ближних участков наезжают часто. Вон та койка, что у окна, так и называется: «Уголок фронтовика», — частила скороговоркой Вера.

И все-таки я понял по тону беседы, что не все на фабрике ладно, что на душе у моих друзей тяжело и что только ради меня они делают вид, что им весело. Но расспрашивать я не решился.

— Девяносто девчат на торфу, — рассказала Вера. — Многие в армии. Мы тут...

И вдруг из темноты раздался чей-то сердитый голос:

— Существуем, а не живем.

Нина вскочила с места:

— Клава, опять? Как тебе не стыдно!

Юля отвела Нину в сторону. Девчата нахохлились еще больше. Я подошел к Клаве Кондратьевой. Это была девушка болезненная, нервная. Я увидел, что Клава плачет.

— Тяжело? — спросил я напрямик.

— Двести граммов хлеба. Подумай: как жить-то?

— Ну, а им легче? — кивнул я в сторону девчат.

— Они как-то умеют...

Я стоял в раздумье. Да, нелегко им!

Вскипел чайник. Юля достала два крохотных кусочка хлеба, старательно разделила. А мои армейские сухари единодушным голосованием порешили отдать ребятишкам одной работницы.

Юля разлила кипяток по кружкам. Зина, ломая отжившие свой век табуретки, поддерживала огонь в печи.

Мне, как гостю, налили тарелку студня. С приправой из горчицы и уксуса, он показался очень вкусным.

Чаепитие прошло в молчании. Потом девчата потихоньку разбрелись спать. Мы с Ниной сидели у печи. Она показывала мне пачку писем, меченных штемпелями разных полевых станций.

К нам подсела Юля. Она только что управилась с хозяйством. Закурила. Грустная, тихая, она зябко куталась в белый пуховый платок. Я спросил немного невпопад:

— Трудно, Юля, а?

Она рассердилась.

— Кто тебе жаловался? И как у тебя язык поворачивается? . .

— Я вижу. . .

— Ничего ты не видешь, — сказала Нина.

— Что же тогда?

Нина с трудом проговорила:

— Фабрику хотят закрыть.

Ее слова хлестко ударили. Мне сделалось совестно. Так вот, оказывается, почему такое тяжелое настроение у девчат!

— Вызвали директора и говорят: «Поработали вы славно. Спасибо. Но сейчас энергии нет. Придется закрыть до лучших дней. . .»

Да, было от чего тосковать! Ведь фабрика по-настоящему выросла именно за последние годы. Это мы, комсомольцы, перестраивали ее кустарные цехи, создавали мощное предприятие легкой индустрии. И вот теперь конец всему. . .

Нина говорила тихо:

— Я не маленькая, понимаю: здесь фронт. Осенью, когда девчата уходили в медсанбат, просила райком: пустите и меня. Тосковала, даже плакала. Потом стали приходить эти письма от своих, от чужих. Я взяла на себя управление заготовительным цехом. Если бы ты видел, как радовались интенданты, когда им сообщали: «Заказ готов». И как они печалились, когда им сообщали: «Придется подождать». Фронт не обошел нас. Было все — и фугаски и зажигалки. Вера Белесова стала во главе ПВО. Зина, Нюра, Юля, Вера возглавляли команды. Комитет стал штабом. Кто придет, сразу сюда.

Нине было тяжело говорить.

Далеко за полночь уснул я в «углу фронтовика». . . Уезжал я с тяжелой душой. «Что ж, раз это надо. . .», —

твердил я себе. И все-таки трудно было примириться с мыслью о том, что нашу фабрику закроют...

...Прошло еще шесть месяцев. И вот я снова пересек Ладожское озеро. Теперь уже на самолете. Вдали задымились трубы родного Ленинграда. Горячая волна разлилась в груди: дымят, дымят трубы!

Да, Ленинград был уже не тот. Весело звонили трамваи. Я жадно всматривался в лица земляков. С них исчезала тень зловещей зимы. Конечно, первая мысль: на фабрику.

Комитет. За столом Нина — в белых кудряшках, румяная, в красивом черном костюме. Как всегда, спокойно улыбается.

— Как живем, Нина?

— Живем... А это главное...

Попрежнему по стенам стоят койки.

Мы пошли по цехам.

— Где Вера, Зина, Юля?

— Юля заведует прачечной. Вера — в райкоме. У всех дел по горло, но ко мне заходят часто, не забывают. Я теперь заведую главным цехом. А Зина — бригадир. Она и комсорг Ася — мои первые помощники. Часть рабочих на огороде, в подсобном хозяйстве. Сто девушек строят оборонительные рубежи.

...Белая ночь опустилась над Ленинградом. Мы стояли с Ниной у Невы. Она шутками отделывалась от моих настойчивых вопросов о том, как же все-таки удалось отстоять фабрику. И только в день своего отъезда я узнал от других, ценой каких подвигов девушки спасли наше производство.

Это было вскоре после моего отъезда. Стояла лютая февральская ночь. Девушки давно спали или делали вид, что спят. Нина прислушивалась, как ворочается Вера Смородина.

— Не спится, Верунька? — тихо спросила Нина.

— Какой тут сон!

— Ну, иди ко мне. Знаешь, Вера, какая мне думка запала? Слушай. Что, если скорняжные машины приспособить к маховичку и крутить ногами?.

— Ну, а дальше что? Швейных-то машин нет, а без них что сделаешь!

Нина приподнялась на локте.

— Будут, Верунька, напишем объявление к рабочим: так, мол, и так, несите из дому машины. Все принесут.

Вера с минуту молчала. Потом она обхватила Нину и закричала:

— Нинка! Чертенок маленький!

Она целовала свою подругу, и слезы радости текли по ее щекам. Вскочили с постелей все девушки. Оказывается, никто из них не спал, они прислушивались к разговору подруг.

Утром девушки отправились в фабком. Еще опасались, что скажут «мудрые».

В фабком пошли Нина и Вера. Остальные стояли у двери и старались не дышать. Вдруг дверь распахнулась, и помолодевший председатель в обнимку с девушками вышел с песней в коридор.

...В кабинете секретаря горкома партии стояли двое: пожилой седовласый мужчина и совсем юная девушка...

— Вы понимаете, товарищи, — говорил секретарь, — мы не менее вас хотели бы, чтобы фабрика жила. Но ведь вы сами знаете, тока нет...

— Мы выйдем из положения, — сказал директор. — Мы решили так...

И он изложил план, продуманный комсомолками.

— А с сырьем как?

Нина шагнула вперед.

— С сырьем? Возьмем у частей Красной Армии зимнее обмундирование и будем чинить.

Секретарь подумал и сказал, что вопрос этот будет обсужден. Через несколько дней нашим товарищам сообщили:

— Даем три дня. Сумеете за этот срок наладить производство, значит ваша взяла.

Ровно через три дня на столе у секретаря горкома лежала сводка о выпуске продукции.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

СЕСТРЕ

Машенька, сестра моя москвичка,
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной перекличке
Слышишь ли далекий голос мой?
Знаю, — слышишь. Знаю, — всем знакомым
Ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
Говорила старшая сестра... —
...Старый дом на Палевском, за Невской,
Низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
Школа, елка, пионеротряд.
Вечер, клены, мандолины струны
С соловьем заставским вперебой.
Машенька, ведь это — наша юность.
Комсомол и первая любовь.
А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
Наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
Прямо в город, прямо в нашу жизнь,
Пленом и позором угрожают,
Кандалы готовят и ножи.
Но, жестоко душу напрягая,
Смертно ненавидя и скорбя,
Я со всеми вместе присягаю
И даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
Первым разоренным очагам:
— Не сломлюсь, не дрогну, не устану,
Ни крупицы не прощу врагам. —
Нет. По жизни и по Ленинграду
Полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде

Лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы, — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой,
Мы пройдемся по заставе милой,
По зеленой, синей, голубой.
Мы пройдемся улицею длинной,
Вспомним эти горестные дни,
И услышим лепет мандолины
И увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:
— Стоек и бесстрашен Ленинград,
Он не дрогнет, он не покорится! —
Так сказала старшая сестра.

Сентябрь 1941 года.

О. БЕРГГОЛЬЦ, Г. МАКОГОНЕНКО

ПОХОД

Отрывок из киносценария —
„Они жили в Ленинграде"

„Поход" — это отрывок из киносценария о ленинградском комсомоле в тяжелые дни блокады. Авторы написали его на основе богатого документального материала, собранного Ленинградским горкомом комсомола. Отрывок, который здесь печатается, показывает зарождение и первые шаги бытовых отрядов одного из замечательных явлений в работе ленинградских комсомольцев в осажденном Ленинграде.

В центре сценария — группа работниц комсомолок одного завода, живущих в заводском общежитии, и секретарь райкома комсомола Никита. С первых дней войны он добровольцем ушел на фронт. Тяжело раненого его демобилизовали из Красной Армии и он снова работает секретарем райкома комсомола.

Комсомольское общежитие. В углу, на койке, одетый сидит Петя. Он, видимо, только что пообедал, потому что запихивает в противогаз, висящий у него на животе, ложку, баночку, бережно увернутый кусочек хлеба.

Входит Маша. С печурки, на которой толпятся манерки, баночки, снимает свою банку, торопливо ест. Подходит к ведру, хочет сполоснуть банку, — ведро пустое.

Маша. А воды-то и нет, Петя...

Петя *(укладываясь на койке)*. Мне воды не надо.

Маша. Что ж, ты до конца блокады и мыться не собираешься?

Петя. Ну, а если не собираюсь, — тогда что?

Маша *(вскипев)*. А то, что не хочешь мыться — твое дело, а воду для всех — ты обязан носить. Раз твоя очередь, — обязан и будешь.

Входят Наташа и Леля с вязанками досок. Очень усталые, сразу сели.

Петя. Не буду. Чего ты разоряешься-то? Я работаю? Работаю. Дежурю? Дежурю. Ну, больше с меня при этой пище не спрашивайте. Я ни на кого не вешаюсь, считаю, что стыдно в блокаде на другого вешаться, — ну, не вешайтесь и на меня. Я и так с голодухи совсем ослаб...

Маша. Ах, вот как! А Наташа — не ослабла? А Васька совсем как карандаш стал. А у Лельки ноги отекли, точно...

Наташа *(строго)*. Перестань причитать, Мария! *(Пете.)* Иждивенцев мы здесь держать не будем, Соколов. Понятно?

Петя *(меняя тон)*. Что ж, выгоняйте, если совести хватит.

Наташа. У нас на большее совести хватит: не выгнать, а заставить тебя делать то, что нам надо. *(Жестко.)* Встань и принеси воды.

Петя, ворча и вздыхая, берет ведро и выходит.

Леля *(отдышавшись, закладывает в печурку дрова)*. Ненавижу людей, которые за себя трясутся.

Наташа *(заметив, что Маша собирается уходить)*. Ты куда, Маша?

Маша. Я в город. Меня дядя Гриша просил к своей семье сходить.

Наташа. На, надень платок поверх шапочки. Нос береги. Погоди, я тебя сама...*(Заботливо кутает ее в платок.)* Мороз сегодня — дикий.

Маша *(мечтательно)*. А на улице красиво-красиво.

Наташа. Да, Новый год... *(С коротким вздохом.)* Искорки везде, иней. Девочки, ведь завтра Новый год. Последний Новый год я у Жени на корабле встречала... Ну, да иди, иди, Маша. Осторожней в дороге, понимаешь.

Маша. Не, я не упаду. Я хорошо хожу.

Она уходит. Леля и Наташа собирают на стол. Петя притащил воды и улегся на койку.

Леля *(кивая на Петю Наташе)*. Силы сберегает... спасается... Клоп!

Хлопнула дверь, что-то зашумело по полу. Наташа обернулась, глядит на дверь. У двери — черненький, с очень постаревшим лицом мальчик. Он стоит с маленькими детскими санками за спиной.

Мальчик *(говорит усталым и ровным голосом)*. А комсомольский секретарь — здесь живет?

Наташа. Я — комсомольский секретарь.

Мальчик. Здесь мой брат Андрей Воронов до войны работал.

Наташа. Ну, как же, знаю, комсогруппорг семьдесят первого цеха.

Мальчик *(без выражения)*. Мне мама велела притти к вам, если она умрет *(оглядывается на пустые саночки)*. Я ее отвез.

Наташа подходит к Мише. Молча, не лаская, не утешая, обнимает его.

Наташа. Тебя как зовут?

Мальчик. Миша.

Наташа. Садись, Миша, к печке, грейся.

Снимает с него шубенку, шапку, прислоняет к стене его саночки, усаживает его перед времянкой.

В это время пришли ребята с работы — Леня, Вася, Лиза. Медленно, устало двигаясь, они рассаживаются за стол, придвигают к себе тарелки с прозрачным супом, почти благоговейно берут в руки хлеб.

Наташа *(наливая еще тарелку супа)*. Садись обедать, Миша.

Миша. Я не буду обедать. Я съел свой хлеб за сегодня и за завтра. И мамин хлеб за завтра — тоже.

Наташа. Ничего, садись.

Миша. Я съел свой хлеб за сегодня.

Наташа *(сердито)*. Да говорю же тебе: садись, ну!

Миша садится. Все смотрят на него.

Наташа. Ребята, это брат нашего Андрея, Миша. Он сегодня... один остался. И вот пришел к нам.

Все сидящие за столом молча отрезают от своей порции хлеба по кусочку и пододвигают к Мише. Горка маленьких кусочков перед Мишей. Он выкладывает их в рядок и сосредоточенно, угрюмо ест с водяным супом.

*

Ребята пьют кипяток. Миша встал из-за стола, идет к двери, к своей шубенке.

Наташа. Миша, Миша, ты куда?

Миша. Домой.

Наташа. Да ведь дома-то у тебя нет никого! *(Миша молчит.)* Ну? Что же ты там делать будешь?

Миша. Лежать буду.

Леля. Как это — лежать?

Миша. Так. Как все сейчас лежат.

Делает шаг к двери. Наташа подходит к нему, отбирает у него шубу, ведет к дивану, садится рядом с ним. Садятся вокруг них и другие ребята, с тревогой, с горестью глядя на старенького ребенка.

Наташа. И никуда ты не пойдешь, — понятно? И останешься ты с нами, — ясно? *(Обхватив Мишу, она похлопывает его по плечу, точно старается разбудить; говорит весело.)* Ну, Мишенька... Ну, что, плохо у нас разве? Народу много, тепло, — а сейчас и светло будет. Леничка! Ну-ка, зажги свет.

Леня. Весьма охотно.

Ставит на стол коптилку, рядом — три маленьких стаканчика и один побольше с тонкими лучинками. Берет лучинку, опускает ее в один стаканчик, потом в другой, потом в третий, — лучинка вспыхивает. Леня зажигает коптилку.

Миша. Ой! Это интересно! *(Указывая на стаканчик.)* Это как называется?

Леня. А это, Миша, называется «добывание огня человеком». Что, понравилось? Ну, попробуй сам.

Миша опускает лучинку в стаканчик, лучинка вспыхивает. Миша доволен.

Миша. Я хочу сам научиться это делать. Вы меня научите?

Леня. Научу. Я тебя, знаешь, когда-нибудь — после блокады — даже спички научу зажигать. Да что там — спички! Видишь эту книжицу?

И Леня открывает перед Мишей книжку, — ветхая книжка восемнадцатого века, — с наивной и трогательной картинкой на фронтисписе, со старым уютным шрифтом.

Леня. Вот в этой книжечке объяснено, как самому свечи делать. Мы с тобой целый свечной завод вон в том углу откроем. Сами будем свечи делать.

Миша. Самделишные? И они гореть будут?

Леня. Обязательно.

Наташа. Вот видишь! А ты — ложиться собирался... А потом, когда окрепнешь, в цеху работать будешь. Мастером станешь. Брату оружие делать будешь. Ну!

Миша поднимает угрюмые глаза, обводит ребят взглядом. Комсомольцы смотрят на него ласково и нежно. И на лице ребенка появляется слабая, хорошая улыбка, и свет ее падает на лица ребят... Минута тишины и света воцаряется в комнате, и в эту минуту входит Никита. Он уже без перевязи на руке, но сильно, как все, похудел и потемнел.

Никита. Привет, товарищи! *(Подходит к группе.)* А ваша семья все растет. Чей же это сын, а?

Наташа. Наш. Мы его только что усыновили и оружейником сделать пообещали.

Никита. Это хорошо... *(Помолчав.)* А я ведь к вам сегодня не просто с ночевкой...

Наташа. А с чем же еще.

Никита. Вино сегодня получили?

Ребята. Получили.

Никита. И я получил. *(Вытаскивает из кармана кусочек хлеба и маленькую бутылку вина, ставит ее на стол.)* Вот. Получил и считаю, что выдали его не напрасно. Ведь завтра же Новый год, ребята. Неужели забыли?

Ребята. Ну, как же забыли... Почему же?.. Мы помним...

Никита. А раз помните, — давайте встретим его. Ну, что вы смотрите так, точно испугались? *(Подавляя грусть усмешкой.)* Конечно, не так роскошно будет, как раньше, а все-таки давайте встретим и сдвинем чаши. Ставьте на стол свою новогоднюю выдачу!

Ребята одушевились, заговорили, глаза их блеснули озорным, молодым огоньком.

Леня *(ставя на стол свою бутылку)*. Я всегда был алкоголиком.

Наташа *(ставя свою, с сожалением)*. Эх! Знали бы, не ели бы сегодня днем, оставили бы на вечер! Совершенно нет ничего к вину. У меня вот только хлеба ломтик маленький.

Лиза. Наташа, и у меня — граммов пятьдесят.

Л е л я. Вот моя бутылка, а... хлеб съела весь. Не удержалась. Ну, ничего, мы этот — помельче накрошим.

Н и к и т а Правильно. Ну, хозяйничайте, хозяйки! *(Озираясь.)* А где же наша Машенька?

Н а т а ш а. Маша в город пошла...

Н и к и т а *(обеспокоенно)*. Давно?

Н а т а ш а. Да, уже порядочно. Но она скоро вернуться обещала.

Ребята ставят на стол бутылки с вином, девушки мелко крошат хлеб...

...Часы показывают десять. Стол накрыт, — на нем в один графин слито вино, стоят жестяные кружки.

Н а т а ш а. Стол готов...

Н и к и т а *(взглянув на часы)*. А Маши-то все нет...

Все тревожно глядят на часы.

☆

Маша, чуть-чуть задыхаясь от подъема по лестнице, стоит перед чьей-то дверью. Стучит. Ответа нет. Стучит сильнее, — молчание. Она приоткрывает дверь, заглядывает, входит, обводит помещение глазами.

Это — довольно большая комната, прямо — квадратное широкое окно, где все стекла целы, но пересечены большими крестами из бумажных полос. А там, за крестами, за стеклом, на котором снизу нарос лед, а сверху, как свернутый свиток, штора затемнения, — снежный суровый Ленинград. В первую минуту жилище кажется покинутым, но нет, — здесь люди, их даже несколько. Они лежат у стен, на кроватях и кушеточках, — все лежат. Маша сводит их глазами: поближе к двери — под какими-то половиками — девочка с очень раздутым лицом, вяло жует и посасывает щепочку. Дальше — на кровати груда мягкого и мехового тряпья; сначала кажется, что это просто тряпки, но из тряпок глядят человеческие глаза, — лицо у человека до глаз закутано. Они неподвижно устремлены вперед. С другой стороны комнаты — на белой никелированной кровати, в черной бархатной шубке, в черном платке на голове, пожилая женщина покорно лежит на боку и время от времени, поднося пальцы ко рту, слабо дышит на них.

Обычное выражение неукротимого любопытства на лице Маши сменяется страхом.

Маша подходит к столу, на середину комнаты. Люди не реагируют на нее, только старуха с трудом, без всякого любопытства водит взглядом за незнакомым человеком, пришедшим в их комнату.

— Здравствуйте, товарищи, — негромко говорит Маша. — А я... а меня дядя Гриша прислал.

Молчание.

— Дядя Гриша вам пропуска в столовую прислал, — мужественно продолжает Маша и торопливо кладет пропуска на стол. — Вот. Там у нас добавочно по тарелке дрожжевого супа дают... Без выреза.

Молчание.

— Хороший суп, — говорит Маша, подвигая пропуска на столе, — питательный... Мы все его едим...

Молчание.

— Граждане, — пугаясь, восклицает Маша, — да что ж вы молчите-то?

Старуха в шубке, лежащая на боку, слабым и равнодушным голосом отвечает:

— Милая, чего ж нам говорить-то. Сама видишь... Какое же нам — за супом, на завод ходить. Уж мы и по комнате ходить не можем.

*

Маша стремительно входит в общежитие. Она чужими, невидящими глазами смотрит на ребят, на покрытый стол, — кружки, вино, слитое в один графин, на тарелке — крохотные кусочки хлеба; она не замечает всего этого, подходит к столу, опускает на него голову и плачет.

Наташа и Никита подходят к ней.

Наташа. Маша, Машенька! Ты что? Что случилось, Машка, ну!

Маша *(поднимая искаженное болью лицо)*. Ребята... ребята дорогие... Что ж это с людьми-то делается... чего же это будет-то? Я в городе была... Я давно в город не ходила, все — на казарменном, а сейчас была — в городе, у дяди Гришиной семьи. Прихожу, приношу пропуска, а они все, как один, лежат и молчат. Они знают, что умирают, а лежат и молчат.

Она замолкает, содрогаясь от приступа рыданий.

Наташа. Ну, Маша, не реви, ну — дядя Гриша сходит, снесет им супа...

Маша. Дядя Гриша сам скоро сляжет. А они и за хлебом не ходят — за хлебом, понимаете! Им даже хлеба принести некому!

Наташа. Ну, как так некому... ну, соседей попросят.

Маша. Вся квартира лежит. Некому им помочь. Некому!

Наташа. Не реви! Как так — некому? Вот завтра, давай, после работы пойдем к ним, снесем им супу, приберем там, хлеб выкупим, дров даже принесем — согреем их, — хорошо?

Маша. Пойдем... Только не понимаешь ты, о чем я говорю, а мне выговорить страшно. Ведь таких, как они, у нас тысячи! Ну, дяди Гришиным мы, а другим — кто? Другим кто поможет?,

Наташа оглядывается кругом, не зная, что ответить. Наивная и непосредственная, Маша вслух закричала о том, о чем каждый из них думал молча и в одиночку.

Мгновение тяжкого молчания.

Лиза *(скорбно)*. И что же это делается, господи! Когда же конец этому?

Петя поднимается с койки, дрожащими руками застегивает ватник, глубоко надевает шапку, точно собирается уходить куда-то. И верно, он встает, делает шаг к двери, но останавливается и бормочет.

Петя. Машка верно говорит: все погибаем... Всем городом погибаем... *(Опять шагнул к двери и опять отступил назад.)* Предлагали мне на Урал ехать, как квалифицированному... остался, дурак! Помру теперь.

Никита шагнул к Пете, встал перед ним вплотную. Глядит на него пристально и странно.

Петя. Ты что? Что глядишь? Страшный я, да? Помру? Помру, да?

Никита. Обязательно помрешь.

Петя заслонился вытянутыми руками.

Петя. Дурак... Я жить хочу.

Никита. А зачем тебе жить? Разве ты живешь? Ты — трясешься.

Петя. Не пугай... Помру — жалеть будешь.

Никита. Не буду. *(Он тряхнул Петю за грудки. С холодным отвращением и бешенством.)* Помирай, если ты один жить хочешь! Помирай!

С силой отшвырнул Петю на койку и, сразу легко повернувшись, подошел к Маше. Властно и нежно взял ее лицо в ладони, поднял его, ласково глядит в это бледное, опухшее, залитое слезами лицо.

Никита. Не плачь, Маша, не плачь, сердце мое, не отчаивайся!

Маша *(оправдываясь)*. Так ведь я почему... ведь смотреть на это нельзя...

Никита. Верно, Маша, верно, родная, нельзя на это смотреть. Мы и не будем больше смотреть. Мы будем драться с нею.

Маша *(пугаясь)*. С кем это — с нею?

Никита *(просто)*. Со смертью.

Никита прошелся по комнате, по диагонали, взад и вперед упругой и четкой походкой человека, нашедшего решение. Быть может, он находился на пределе душевного напряжения. Но вдохновение владело им, поддерживало его. Он был в состоянии солдата, принявшего вдруг командование фронтом. Ему ничто не было страшно и все было понятно, и ему было видно далеко-далеко в эту озаренную минуту.

Все глаза неотрывно следили за ним. Он прошелся взад и вперед, круто остановился перед товарищами и сказал им совсем просто и очень душевно.

Никита. Ребята, дорогие мои! Не тоскуйте, не надо, — нельзя. Это же война! И мы в сражении... Вы поймите: ведь то, что в городе делается, — это не стихийное бедствие, это — враг... О, как он расчетливо душит нас! Что бомбы и снаряды? Он пустил в ход голод, мрак, даже одиночество. Это не просто враг, это пакостник. Он не просто умертвить нас хочет, он нам души растоптать хочет. О, немец все продумал, он изобретательный палач... Видите, что он уже с Петькой сделал?! И с нами то же хочет... А ведь мы, — мы социализм строили... Мы всех людей счастливыми сделать хотели, хорошими, гордыми... Мы такой свет миру несли... А он нас, нас... Нет, не немцу нас... мы не падем... мы бороться будем...

Маша. Бороться... а чего мы можем, — такие же голодные и слабые, как и все.

Наташа. Чем бороться, Никита, чем?

Никита. Добром, Наташа.

Девушки жадно, пытливо глядят на него, стараясь проникнуть в его мысли.

Никита. Да, добром, ребята. Добром — против всей этой немецкой пакости... Да ведь ты же сама сейчас это предложила, Наташа. Ты сказала: «Пойдем к дяде Грише», а надо не к одному дяде Грише пойти, а ко всем, кто остался один, кого немец обвел отдельным кольцом... Но мы придем к ним и скажем: «Вы не одни. Вас не оставили, не забыли. Мы все вместе, все вместе, как в дни штурма».

Наташа. Но мы немного людей наберем, Никита. Ребята так слабы стали. После целого дня работы — да еще по квартирам ходить...

Лиза. У нас многие девушки уже лестниц боятся...

Петя. Верно. Станут тебе люди по чужим лестницам карабкаться... чтоб кому-то там на три дня жизнь продлить! Не пойдет никто.

Никита. Пойдут, врешь!

Леля *(хватая Никиту за руку)*. Никита... А если этот окаянный прав... и все-таки никто не пойдет?

Никита *(резко повернувшись к ней)*. Ты — пойдешь?

Леля. Я-то пойду...

Никита. Да ведь после работы! Тяжело будет!

Леля. Ну, и пускай. Тяжелее, как Петьке спасаться, раньше смерти помрешь.

Никита *(Маше)*. А ты, Маша, пойдешь?

Маша *(сурово и очень взросло.)* Куда вы скажете, туда и пойду.

Никита *(Наташе)*. А ты?

Наташа. Я — жена солдата, Никита.

Вася. Хотя у нас гранаты теперь идут в цеху, но в свободное время мы тоже сможем ходить к тем, которые ослабевшие...

Миша. У меня тоже брат на фронте...

На последних словах Миши часы начинают бить полночь. Мгновенно все замолкает, и в этой тишине особенно громко и значительно звучат удары часов...

На бое часов Никита решительным шагом подходит к столу и наполняет вином расставленные кружки. Последний, двенадцатый удар часов.

Никита *(поднимает свою кружку и говорит громко и свободно)*. С Новым годом, дорогие, мои, с новым счастьем!

И старые эти слова полны для всех небывало новым значением.

Все быстро подходят к столу, берут наполненные вином кружки. Никто не садится, все стоят вокруг стола — Наташа и Вася, Маша и Леля, Лиза, Миша, Никита.

Никита резко, как вызов, вытягивает руку с кружкой, и одновременно семь рук вытягиваются и сходятся над серединой стола, и со звоном, как чаши, сдвигаются жестяные кружки.

Никита. Да будем верны труду, взятому на себя сегодня!

Они мгновение стоят так — черноликие ленинградские комсомольцы, озаренные бледным огнем свечи, в неуклюжих ватниках, похожих на странные латы, строгие и воодушевленные, соединив руки и кружки над пустым новогодним столом.

Они одновременно отпивают по глотку, ставят кружки на стол, радостно, смело глядят друг на друга.

Маша *(облизываясь)*. Как вкусно, девочки, дорогие! Действительно, — встретили Новый год. Только... *(Еще влажные от слез глаза ее нежно блеснули.)* Только ведь я на Новый год подарки делать привыкла, а вот сегодня... *(Внезапная идея озаряет ее.)* И сегодня подарок сделаю. *(Она бросается к своему чемодану, роется в нем, застенчиво и негромко окликая.)* Никита! Можно вас на минутку?

Никита подходит к ней. Их перестают замечать.

Маша вынимает из чемодана большой пушистый пестрый шарф и протягивает его Никите.

Маша. Вот! Пожалуйста. Это вам.

Никита. Спасибо, Маша.

Он берет шарф, перекидывает его через горло, через плечо, — так он хорош и необыкновенен в этом слишком нарядном шарфе, и чуть старомоден, как рыцарь или певец.

Маша. Это — чтоб горло у вас не стыло... Он вам нравится?

Она влюбленно глядит на него.

Никита *(с отрадой отвечает на ее взгляд, ласкаясь щекой к шарфу)*. Он мне очень нравится, Маша. Я даже полюбил его.

Он трется щекой о шарф, по-новому глядя на Машу. Он, конечно, давно заметил ее восхищение, ее заботу, но вот только сейчас понял, что это — любовь и что он может ответить ей. И Маша чувствует это.

Никита. Замечательный шарф. Маша. А зачем ты говоришь мне — «вы»?

Маша *(страстно)*. Я очень уважаю вас.

Наташа. Товарищи, к столу, к столу! Еще есть вино. Мы пьем за Армию и ее полководца, товарищи!

Маша *(с щедростью счастливицы)*. Да, да — за всю Армию, за Сталина.

Наташа. В кружках остался последний глоток, ребята. Выпьем его за самое дорогое — за наш Ленинград!

Никита. Да, за наш Ленинград, — за город жизни.

Маша *(вскакивая)*. Ох, ребята! Мне хочется, чтоб музыка была. Чтоб мы пели...

Наташа. Никита, сыграй что-нибудь!

Никита *(страшно слутившись, машет руками)*. Ну, что ты, что ты, — я и забыл все совсем...

Маша. Сыграйте, Никита!..

Никита *(сразу)*. Хорошо, Маша.

Он сел к пианино, взял аккорд. Темнолицые, худые девушки в ватниках и ватных штанах столпились вокруг пианино. Мерцает неяркая свеча на столе. Гудит вьюга в печурочке.

Никита, пробегая тонкими, хорошими руками по клавишам, неотрывно глядя на Машу, почти не поет, говорит — бессмертную «Ирландскую застольную» Бетховена.

. . . . . .

Что ж потемнели свечи вдруг?
Зажгите пунш скорей!
И девушки теснее в круг.

И песни веселей!
Миледи смерть, мы проСим вас
За дверью обождать.
Нам Бетси будет петь сейчас,
И Дженни танцовать...

Звени бокалом, жизнь моя,
Гори, любовь и хмель,
Нет, только не сейчас, друзья,
В морозную постель!..

Все тихо и серьезно, как клятву, повторяют последние строчки песни.

☆

Помещение в райкоме. Видимо, бывшая зала заседаний, почти сплошь заполненная девушками-комсомолками. Многие из них в «блокадной форме» — в ватниках и ватных штанах, другие в платках и пальто, в ушанках и шинелях. Все они кажутся большеглазыми от худобы, нет ни одной толстушки, ни одной хохотуньи; все они сидят — на стульях, на подоконниках, на столах даже. Сдержанно оживленный говорок в зале.

Входят Леля, Маша, Лиза, с ними еще несколько заводских комсомолок; осматриваются, стоя у двери. На Машином лице радостное изумление. Она толкает Лелю локтем.

Маша. Лелька! Гляди-ка, народу-то сколько! Здорово? А?

Леля *(с чувством некоторого превосходства)*. Ну, это еще что! Поглядела бы ты, сколько нас до войны в райком собиралось. А соберемся, — песни, шум, хохот. Разве это много?

Маша *(упрямо)*. Много. Ты уж слишком гордишься, что ты комсомолка с тридцать девятого года...

Они пробираются сквозь толпу, к свободному подоконнику.

...Спиной к Лизе стоит высокая девушка. Роскошные, очень длинные косы струятся из-под шапочки по спине.

Лиза *(трогая ее за плечо)*. Анюта!

Девушка оборачивается. Она была, видимо, так красива, что ленинградская худоба не в силах стереть ее кра-

соты. Она вглядывается в Лизу. Немножко виновато улыбается.

Девушка с косами. Вот не узнаю...

Лиза *(с упреком и грустью)*. Два года друг дружку на Балтийском на одном станке сменяли...

Девушка с косами *(порывисто обнимает ее)* Ой!.. Лизанька! Верно, не узнала, дура!

Лиза *(горько)*. Что, такая уж страшная стала?

Девушка с косами. Изменилась... Да мы и все-то так — ленинградские девушки. Старушки!

Лиза. Ну, ты — еще нет. *(Берет в руки ее прекрасные косы.)* А они, как в мирное время, такие же красавицы. Поди, горе тебе с ними!

Девушка с косами. Не говори! Беда! Воды-то еще принесу, а мыть — ужас: в комнате холодно, не просушишь, — смерзаются иногда.

Лиза. Чего же ты с ними маешься, не срежешь?

Чудесная улыбка озаряет лицо девушки. Она ласковым движением рук пробегает по своим косам и говорит:

— Саша на фронт уходил, просил, чтоб сберегла...

...Группа девушек, сидящих на столе. В центре — остролицая, с быстрыми, сверкающими глазами девушка курит самокрутку и говорит:

— Уж я ревела-ревела, ругалась-ругалась, — ни в какую, не пускают на фронт. Ладно, думаю, чорт с вами, освоила мужскую профессию, всех наших стахановцев обскакала. Бац, — завод встал. Ладно, думаю, чорт с вами, стала пожарником, — только семьдесят зажигалок ликвидировала. Бац, — он зажигалки бросать перестал... Я опять и в военкомат, и в РОКК: «Отправьте на фронт!» — «Погоди», говорят. А я до того на фронт хочу...

Ее соседка, прозрачная блондинка с очень большими глазами, подхватывает:

— А вот наша Надюшка на своем настояла и уже орден имеет. За вынос раненых с поля боя... Вот я завидую ей, девушки! *(Взглянув на собеседниц.)* Конечно, это — нехорошо, завидовать.

Девушка с самокруткой. Чего там — нехорошо! Нет, я не скрываю: я героям завидую. Я б хотела героем

стать. Не для орденов, а просто для себя. Чтоб самой знать, что ты герой. Это, я думаю, приятно знать, — а?

..Еще двое девушек, — они сидят на спинке скамейки, выше других. Одна, подмигивая и кивая на зал, с увлечением говорит другой:

— А ты посмотри-ка, Нинка, ведь все одни бабоньки, а? Ведь ни одного мужика все-таки нет! Не-ет, мы посильнее их оказались. Посильнее!

...Маша в группе незнакомых девчат оживленно и дружелюбно разговаривает с ними. Обращается к такой же молоденькой девушке, как она сама.

Маша. Ты с какого года в комсомоле?

Молоденькая девушка *(смущенно)*. Ой, да я со вчерашнего дня. Когда нас вчера в райком вызвали и объяснили про бытовые отряды, — ну, как мы будем ходить людям помогать, в общем будем бойцами, — я и говорю: «Тогда запишите меня в комсомол, я хочу на эту работу комсомолкой пойти»... Вот так вчера и вступила А ты — давно?

Маша *(скромно, но с достоинством)*. С сентября тысяча девятьсот сорок первого. В дни штурма вступила.

Молоденькая девушка *(с глубоким уважением глядит на Машу)*. О, давно! С хорошего месяца стаж!

Маша *(великодушно)*. И у тебя с хорошего.

Говорок в зале внезапно стихает, — вышли к столу Наташа, Никита, секретарь райкома партии Илья Владимирович.

Наташа оглядывает девушек, повернувших к ней лица, и заметно волнуется.

Наташа. Командиры звеньев! Наряды и задания у всех на руках?

Негромкие серьезные голоса:

— У всех... Все получили. Все в порядке, товарищ командир отряда.

Никита. Товарищи бойцы, перед нашим первым походом секретарь райкома партии товарищ Богданов хочет сказать нам пару слов... поскольку товарищ Богданов сам — старый комсомолец, с тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Маша и молоденькая комсомолка подтолкнули друг друга локтями.

Маша *(шопотом)*. Вот это — стаж!
Девушка. И год какой хороший!

И Илья Владимирович Богданов, комсомолец с восемнадцатого года, уже седой, уже в преждевременных морщинах, по-молодому блеснув глазами, говорит:

— Так вот, девушки, в девятнадцатом году, когда Юденич рвался на Красный Питер, на дверях этого же райкома комсомола висела надпись: «Все на фронте, райком закрыт». Ну, а сегодня можно было бы иначе написать: «Райком открыт, все на фронте». И это очень верно было бы, девушки. Потому что назвались вы б о й ц а м и не зря, вы действительно бойцы, солдаты небывалого в мире — Ленинградского фронта. Помните об этом все время, будьте верными солдатами города-фронта, солдатами стойкими, мужественными и суровыми... *(Поворачиваясь к Наташе.)* А теперь вам командир отряда что-то хочет сказать.

Наташа *(вздрогнув и волнуясь)*. Нет... Я что же... Илья Владимирович все уже очень ярко сказал. О том, что мы должны быть настоящими суровыми, мужественными солдатами. Я — только одно... Пойдем мы к больным людям, измученным. Так будьте же, девушки, с ними поласковее. Увидите у человека горе, — погорюйте с ним. Сомневается человек, — подбодрите. Если сможете, — даже улыбнитесь ему. Очень много горя у людей, — надо с ними ласковее быть, сердечнее, ну, — так — по-женски, понимаете, товарищи бойцы! Вот — все! Рапортички завтра мне сюда принесете.

☆

...И они пошли в дома Ленинграда...

☆

Пустынная улица; ряды неосвещенных домов, выпирающие среди них развалины, вдали — одинокая покачивающаяся фигура прохожего с саночками. Три девушки, как три витязя на распутьи, стоят на перекрестке, в начале печальной, почти безлюдной улицы. Вспышки артобстрела, мигая, озаряют вечереющее небо. Глухо ворчит артиллерия.

Л е л я *(косясь на громады домов)*. Ну, девушки, эти пять первых домов — мои; следующие пять — твои, Катя, а та сторона — твоя, Нюра...

☆

...Аня, девушка с длинными косами, подходит к подъезду с полуотворенной массивной дверью. Черный подъезд зияет перед ней, как вход в пещеру. Комсомолка включает батарейный фонарик на груди; огонь его неярко озаряет большую парадную лестницу, всю обледеневшую, в сосульках, в наплывах льда, — окатила вода, когда лопнули трубы. Девушка, тяжело дыша, медленно поднимается по лестнице. Фонарик снизу озаряет ее лицо и бросает перед ней неяркий, но живой луч.

...Большая площадка той же лестницы, на которую выходит несколько солидных, совершенно одинаковых дверей. Из одной двери выходит девушка с фонариком; улыбка слабо светится на ее усталом лице, — видно, что ей пришлось поработать. Она освещает фонариком другую дверь, дергает за кольцо звонка; звонок заливается, но никто не идет отворять. Квартира пуста.

Еще медленнее, покачиваясь, задыхаясь, поднимается девушка со сказочными косами в следующий этаж.

☆

И еще дверь на лестничной площадке, на верхнем этаже, занесенная снегом, как в деревне. Здесь часть крыши снесена снарядом, и небо видно в рваную дыру, облака бегут по нему, светлые, студеные, зимние облака; похоже, что засугробленная дверь стоит где-то на краю неба.

Комсомолка Лена, с заиндевевшим лицом, страшно озябшая, настойчиво, упорно стучится в дверь.

Шарканье подошв за дверью и слабый удивленный голос:

— Кто там. Кто это, а?

— Свои! Это свои пришли! — кричит девушка.

За дверью торопливо гремят снимаемая цепочка, отодвигаемый засов...

☆

Аккуратная, чистенькая, хотя и очень высохшая старушка подняла вверх глаза, теплящиеся от радости, и шепчет:

— Спасибо, милая, спасибо, дорогая моя! Спасибо, доченька!

Старушка полусидит в постели, в маленьких и темных ее руках — вязанье. Бушует огонь в печурочке, подпрыгивает крышка на старинном кофейнике. Перед старушкой стоит очень смущенная девушка-комсомолка, только вчера вступившая в комсомол.

— Да не стоит, бабушка, — бормочет она, — я и завтра к вам приду...

— Спасибо, добрая моя! — шепчет старушка, как молится. — Вот я теперь, в тепле-то, опять потихоньку вязать буду. Я ведь бойцам нашим варежки вяжу. Я и тебе свяжу, чтоб рукам твоим тепло было, весело.

— Ой, нет, не беспокойтесь, — смущается комсомолка, — я ведь так к вам, не за что-нибудь, просто так, мы ходим как комсомольцы.

— Нет, уж я свяжу тебе варежки. Красивые свяжу, в елочку со звездами.

— Не надо, бабушка, дорогая...

Нежный упрек мелькнул на высохшем лице старушки, зазвучал в ее голосе.

— А ты не обижай меня, дай себя приласкать, — говорит она, — так же, как ты меня приласкала... Так-то еще лучше будет...

Старуха и молодая девушка с глубокой, новой в людях любовью глядят друг на друга, и теплые блики зажженного девушкой огня на их ленинградских лицах — старом и молодом...

★

Кабинет профессора. Профессор лежит на диване, очень плох. На столе, придвинутом к дивану, уже пустые банки из-под «съедобных» лекарств, аптекарские весы, очки, свечки. Перо вмерзло в чернильницу. Съежившись, маленький, высохший профессор с холодным отчаянием, не отрываясь, глядит, как оплывает свеча.

Она оплывает очень быстро, скоро погаснет совсем.

Стук в дверь и голос Маши:

— Можно войти?

Профессор приподнимается, почти со страхом смотрит на дверь.

— Войдите.

Входит Маша. Оглядывает невеселую, полутемную комнату, вежливо подходит к профессору, протягивает ему руку, по-деревенски, дощечкой.

Маша. Здравствуйте, дедушка. Что, ослабли, лежите? Ничего, сейчас мы вам поможем!

Говоря, она быстро осматривает одеяло профессора, оправляет подушки.

Маша. Ну, с антисанитарией у вас хорошо, насекомых не видно. Вот холодно только. Дрова у вас есть?

Профессор. Дров нет... А... простите... вы... вас ко мне Семен Семенович послал? Да? Я звонил Семен Семеновичу, он обещал помочь...

Маша. Да нет, я не от Семен Семеныча, я от комсомольской организации.

Профессор. Ах, вот что!.. Ну да, ну да... Но почему именно ко мне? Вам сказал кто-нибудь?

Маша. Да я вовсе не именно к вам, дедушка, — мы так ко всем ленинградцам будем ходить... которые ослабевшие...

Профессор *(обрадовавшись, лихорадочно)*. Ага, вот что! Да, я ослаб, очень ослаб... И холод арктический. В кухне там чья-то табуретка осталась, сожгите ее... А то я тут замерзну...

Маша. Да, хорошо, хорошо, дедушка, сделаю все, что надо.

...Маша растопила буржуйку, огонь приветливо пляшет в жестяной печке.

Профессор. Да, теплее становится. *(С испугом.)* Девочка! А что же ты чаю-то, чаю не вскипятишь? Дрова прогорят, а чай и не сварится!

Маша. Ой, верно! Сейчас, дедушка, сейчас! Только воды-то у нас нет...

Профессор. Так сходи же поскорей, что же ты... *(Маша хватает кастрюлю на веревочке, идет к двери.)* Девочка! А ты обратно-то придешь?

Маша. Да, конечно же, приду, — ай, какой вы нервный, дедушка!

...Профессор жадно, обжигаясь и наслаждаясь, пьет чай из рук Маши.

Маша. Еще, дедушка?

Профессор. Еще. И, знаешь, грелку мне поставь к ногам. Горячее животворит. Вон там грелка. Вон там, посмотри! И новую свечу зажги... Вон там, на полке.

Маша зажгла новую свечку, поставила грелку старику. Очень усталая, присела, вся обмякнув.

Глядя на скупой огонь, она мечтательно говорит:

— Может ко дню Красной Армии дадут свет, хоть на часик. И, говорят, хлебца скоро прибавят.

Профессор. Хлеба прибавят? Когда? Много прибавят?

Маша. Да уж не знаю, сколько, а все говорят, что прибавят, все надеются. *(Встает.)* Ну, дедушка, до свиданья, будьте здоровы. Давайте ваши карточки, я вам завтра хлеб выкуплю.

Профессор *(с заминкой протягивает ей карточки)*. А ты верно ко мне придешь? Ну, бери, все равно я сам не могу... А ты когда придешь?

Маша. С утра приду, чтоб у вас пища была.

Уходит.

Профессор *(кричит ей вслед)*. Карточек моих не потеряй! Главное — карточки береги!

*

Небольшой деревянный заставский дом с палисадником. Необычайной красоты заиндевевшие деревья, кусты, провода над домиком, крыльцо, — все в сказочной и холодной зимней красе, в свете нежных наступающих сумерек.

На крыльцо из домика выходят две девушки; одна из них та, что мечтает стать героем. Она держит на руках закутанного двухлетнего ребенка. Брови девушек сурово сдвинуты, они говорят негромко, сдержанно.

Девушка с ребенком на руках. Прихлопни дверь покрепче, Клавушка... лучше было бы на гвоздик ее, да гвоздика нет...

Клава. Кто сюда придет, Нина...

Они осторожно сошли с крыльца, где на снегу только их недавние следы.

Нина бережно, обеими руками прижимает к себе ребенка.

Клава. Мы его по очереди нести будем.

Ребенок с усталым, безразличным личиком прислонился к плечу Нины.

Нина. Как же тебя зовут, деточка?

Ребенок *(еле слышно)*. Ваня.

Клава. А фамилия как? *(Ваня молчит.)* Не знает, маленький еще. Под какой же фамилией мы его в детский дом сдадим, Нина?

Нина. Ну, запишем просто — Ленинградский... Пусть он будет Ваня Ленинградский...

Клава. Это хорошая фамилия... Смотри-ка, он дремлет. Давай теперь я его понесу. *(Бережно перенимает ребенка на руки.)* О, довольно тяжелый. Мамаша-то, наверно, все ему отдавала... Заснул... Спи, Ваня Ленинградский... Спи...

☆

...День, снежная, засугробленная улица. Тихий, очень крупный снег точно висит в воздухе. По узенькой тропке меж сугробов тихо идет Миша — серьезный, черненький, заботливо закутанный. На боку у него сумка, набитая письмами. С другого бока пионерская фанфара, блистающая труба с нарядным флажком в бахроме и с эмблемой — пылающий костер.

Миша входит во двор большого жилого объекта, посредине двора прикладывает к губам блистающую, нарядную фанфару с флажком и трубит; чистый, радостный сигнал пионерской побудки звучит на дворе.

Труба поет раз, другой... В окне третьего этажа повыше приподнимается бревенчатая ставня, — видно, тянут за веревочку из жилища. В форточке — удивленное лицо молодой женщины.

Миша. Письма пришли.

Он играет опять. И под мелодию побудки из темного подъезда выползают люди, окружают Мишу: старуха с оплывшим лицом, гражданин с палочкой, дворничиха, молодая женщина.

Миша. Вот в ваш дом писем сколько пришло!

Люди жадно разбирают почту.

Молодая женщина *(прижав к груди письма)*. А ведь я его уже мертвым считала! А ведь я его мертвым считала!

Она стоит со скрещенными на груди руками, страстно прижав письма.

Старуха *(слабым от счастья голосом, показывая всем три письма)*. Дочка-дружинница матери пишет...

Миша *(дворничихе, строго)*. А кого здесь нет — тем на квартиры вы снесите.

Дворничиха. А ты чей же, мальчик? Что-то я тебя на нашем дворе не видала.

Миша. Я не с вашего двора. На мой бывший двор другой пионер пошел. Мы по всем дворам письма разносим, нам комсомольцы поручили.

Молодая женщина *(оправляя на Мише шарф, застегивая расстегнувшуюся пуговицу)*. Милый ты наш... Дитятко наше, спасибо!

Миша деловито оправляет сумку, вешает чрез плечо фанфару, трогается со двора.

Старуха *(кричит ему вслед)*. Ты шибко не беги, милый! Ты тихонечко, береги себя, не свались!

Миша идет между сугробами в другой ленинградский двор.

*

Комсомольское общежитие. За столом, возле толстой, похожей на церковную свечи Наташа принимает рапорты от бойцов бытового отряда — ребят своего общежития.

Входит Никита.

Приветственный, теплый гул голосов:

— Никита пришел... Ты давно не был у нас, Никита... Ты — ночевать?

Маша. А мы вас ждали, ждали!

Здороваясь и улыбаясь, Никита говорит:

— А я к тебе, Наташа! Нашему району поручили составить памятку для бойцов бытовых отрядов всего города. Составим, а?

Наташа. Составим. Только погоди, я рапорты приму... Садись, садись!

Никита. Сажусь.

Наташа. Дальше, Лизанька...

Лиза *(заканчивая рапорт)*. Все же семейство дяди Гриши Петрова очень плохо, Наташа. Доктора надо, чтоб направление дал в больницу.

Наташа *(записывает)*. Так. К семье Петровых — доктора. Лиза, завтра позвони в райздрав, вызови доктора.

Никита. Я предупредил райздрав, что мы к ним будем обращаться.

Маша *(подходя к Наташе со своей рапортичкой)*. Наташа, прими рапорт!

Никита *(ласково берет у нее листок)*. А если я приму? Можно?

Маша, зардевшись, кивает головой в знак согласия.

Никита *(читает)*. «...затем у одного старичка истопила печку, напоила чаем, поддержала политико-моральное состояние. *(Смеется.)* Ты милая такая, Маша. Ну, а как зовут твоего старичка?

Маша. Ой, господи! Я и забыла спросить-то... Я его все дедушка, да дедушка. Я завтра узнаю, доложу. Вот только чтоб мне фонарик был, а то я в темноте ходила, заблудилась в чужом парадном, думала уж, — умру там.

Леля. Правильно, без фонарей худо. Я в одном дворе на покойника упала...

Наташа *(отмечая в записной книжке)*. Да, фонари — это целая проблема.

Лиза. А еще — спички. Придешь в квартиру — нечем коптилку зажечь, печку растопить.

Все. Да, да, без спичек — это ужас! Без спичек невозможно!

Леня. А я не понимаю: зачем спички? Неужели это последнее слово пиротехники?

Подходит к столу с самокруткой в зубах. Не торопясь, достает из кармана детский пугач. Ребята удивленно смотрят на него. Леня закладывает на боек кусочек ватки, пистон. Целится, спускает курок. Выстрел, искра, ватка вспыхивает. Леня важно прикуривает от пугача.

Ребята смеются.

★

Маша почти врывается к профессору. Пот и растаявший снег струятся по ее лицу.

М а ш а *(задыхаясь)*. Прибавили! Иждивенцам — семьдесят пять, рабочим и служащим — пятьдесят. Вот вам теперь триста полагается. Видите, видите! Прибавлять стали!

Она с торжеством выкладывает перед профессором кусок хлеба, на котором громоздится целая куча довесков. Профессор тотчас же берет хлеб, в одну руку цельный кусок, в другую — довески.

П р о ф е с с о р. Прибавили! Прибавили... Барометр перестал падать... *(Жестко, Маше.)* Чай мне вскипяти.

М а ш а. Сейчас! *(Указывая на грязное ведро.)* Я только сперва его вынесу. А то при нем кушать неудобно.

Она осторожно, преодолевая брезгливость, берет тяжелое, полное до края ведро и с трудом, медленно тащит его к двери.

Профессор один. Глядит на ладони свои с зажатыми в них довесками и ломтем хлеба. Взвешивает их на ладонях.

П р о ф е с с о р. А здесь трехсот граммов нету... нету.

Торопливо, пошатываясь от слабости, слезает с постели, подбирается к другому концу стола, куда Маша передвинула его аптекарские весы и разновесы. Дрожащими руками берет весы, кладет на них ломоть хлеба, взвешивает, бормоча:

— Тут двести тридцать граммов... Наверно, из довесков съела... Довесочки отдельно взвешу...

Взвешивает довески, весы сильно дрожат и качаются в его слабых руках.

— Нехватает десяти граммов... Десяти граммов нету...

В это время тихо хлопнула дверь за его спиной, — вошла Маша с пустым ведром. Входит и видит профессора, стоящего к ней спиной и взвешивающего поинесенный ею хлеб. Нескончаемое горе преображает ее почти детское лицо. Ее глаза наливаются слезами обиды. Она ставит ведро рядом с собою каким-то бессильным жестом. Профессор услышал стук, оглянулся, страдание на лице девочки поразило его. Он медленно поворачивается и встает перед ней с колеблющимися весами в руках, на которых лежат бедные зимние ломтики хлеба.

Профессор быстро взглянул на Машу, на ведро, на руку свою с весами — и вдруг съежился, бросил весы, охватив голову руками, упал на стул, судорожно рыдая. Щемя-

щая, бурная жалость охватывает Машу. Она кидается к профессору, плача и всхлипывая, торопливо подбирает весы и хлеб, обнимает его колени.

Маша. Не плачьте, не плачьте, дедушка, не нервничайте!.. Вы правильно это, правильно. Это бывает, что в магазинах обвешивают! Вы правильно проверить захотели...

Профессор *(цепляясь за ее голову и плечи, рыдая).* Нет, ты — не надо, ты не жалей меня! *(С новым порывом.)* Нет, жалей, жалей!.. И не уходи от меня! Ладно?

Маша *(кричит очень громко ему в лицо, сквозь уже счастливые слезы).* Да не уйду же! Я чайничек вам вскипячу, грелочку вам сделаю...

Профессор. И опять придешь?

☆

То же сияющее счастливыми слезами лицо Маши поднято вверх; почти в той же позе, как у профессора, сидит она у ног Наташи в общежитии и возбужденно говорит:

— ...А я говорю: да приду же, приду... И он меня стал чаем с хлебом угощать, и я, конечно, отказывалась, но потом съела, — я маленький кусочек съела, вот такой. Я чувствую, что ему надо, чтоб я съела, а то он будет думать, что я сержусь за весы-то!

Наташа. Ты правильно этот кусочек съела...

Маша. И мы едим, — и он плачет, и я плачу... И не стыдно мне, что я плачу, и, главное, не стыдно, что он плачет. *(Спохватившись.)* Ребята, а может — это все-таки стыдно так плакать, на войне-то?

Никита *(очень серьезно).* Нет, Маша, не стыдно на такой войне так плакать!

Маша. И ведь, главное, он такой умный, такой ученый человек, этот старичок.

Никита. Ну, хоть сегодня-то ты узнала, как зовут твоего старичка?

Маша. Ну, конечно. Это профессор! Николай Александрович Сосновский.

Никита. Николай Александрович? Так ты к нему попала?

Маша. А что? А вы — знаете его?

Никита. О! Знаю ли я его! Это мой учитель, старый учитель, — понимаешь, Маша? Я все собирался к нему — никак не мог выбраться. *(Беря Машу за плечи, с силой.)* Маша, дорогая! Когда ты будешь у него, — но не в следующий раз, а через раз, — ты скажи, что Никита ему кланяется, низко кланяется — по-русски. Скажи, что Никита все знает и любит его, еще больше любит, чем раньше... Запомнишь, Маша?

Маша *(влюбленно глядя на Никиту)*. Запомню, Никита. Я ведь все запоминаю, что вы говорите — и мне, и другим, и думаю потом, думаю...

Никита *(думая о своем, счастливо улыбаясь)*. Ты, Маша, не сердись на него, совсем не сердись. Ты пойми: ведь он ранен был. Это ему немец душу ранил, жестоко ранил.

Наташа *(хватая Никиту за руку)*. Ох, как ты прав, Никита! Знаешь, я ведь тоже у такой сегодня была — раненой в душу. Ее обманул кто-то, обещал притти — и забыл. Она совсем верить в людей перестала. Я говорю — приду завтра, а она не верит, не верит...

Никита. А ты завтра обязательно поди. Слышишь? Ты понимаешь, что это для человека будет? Дороже всяких дров!

Наташа. Конечно, обязательно пойду.

Никита. Ты поднимешь ее... Как Маша — моего старика. *(Щедро раскинув руки, он кладет на плечи Наташе и Маше. Глубоко ввалившиеся глаза его блеснули восторгом.)* Девушки! Тяжело нам. А ведь счастливые мы все-таки! Счастливые, что т а к можем.

Маша *(не спуская с Никиты глаз)*. Конечно, мы очень счастливые!

Они мгновение стоят так, потрясенные своей силой и вдруг открывшимся им небывалым счастьем.

Н. ЛЕБЕДЕВ

ОДИН РЕЙС ВАСИЛИЯ ЕЛЕДИНА

В Ленинград идет продовольствие, боеприпасы из Ленинграда идут на фронт. На заводы и электростанции — топливо. Город Ленина, отразивший атаку врага, готовил ответный удар.

Ленинградцы семнадцать месяцев ждали этого часа. И вот он пробил.

Ночью над городом взвились флаги. Город не спал. Возбужденные, радостные люди поздравляли друг друга.

Блокада прорвана!

...На отбитую у врага землю пришли строители. Зимой, в пургу и мороз, рвали скалы, засыпали болото, укладывали ниточки рельс. По ним теперь свяжется фронтовой город со всей великой Отчизной, со всем советским народом. По ним машинисты поведут поезда.

Машинисты знали, что это очень рискованные рейсы. Враг еще был совсем близко. В бессильной ярости он засыпал полотно дороги снарядами. Каждый рейс был точно броском в атаку, сквозь огонь, сквозь разрывы снарядов. Но путь был теперь жизненным нервом города, прорвавшего блокаду, и этот нерв должен действовать.

К начальнику депо приходили машинисты: пошлите меня. Одними из первых пришли комсомольцы. Пришли Василий Елисеев, его тезка Василий Еледин.

Ленинград уже хорошо знал имена этих молодых водителей. В 1942 году, когда каждая тонна топлива решала судьбу города, как каждая тонна продовольствия, Елисеев и Еледин работали напарниками на паровозе № 4375. Комсомольский паровоз доставлял в Ленинград рекордные по весу поезда с торфом.

В те дни молодые машинисты паровоза № 4375 получили нравственную поддержку от Центрального комитета комсомола:

> «Центральный комитет ВЛКСМ поздравляет инициаторов вождения скоростных тяжеловесных поездов и призывает закрепить и умножить успехи работы, добиваясь первенства во Всесоюзном соревновании

железнодорожников... Ваша бригада значительно увеличила подвоз драгоценного топлива для героического Ленинграда. Выполняя боевой приказ товарища Сталина, как подобает славным сынам Ленинско-Сталинского комсомола, вы своими делами помогаете Красной Армии громить и гнать фашистских мерзавцев».

Теперь комсомольцы хотели водить поезда на самой опасной, но самой нужной для города магистрали.

...Василий Еледин отправился в рейс. По обе стороны пути мелькают валуны, болотные кочки, мелколесье. Поезд вышел на опасный участок. Немцы ведут обстрел. В двадцати шагах впереди и сзади рвутся снаряды. Осколками пробило трубу воздушной магистрали. Поезд остановился.

Теперь опасность увеличилась. Обстрел продолжается, а цель неподвижна. Растеряйся Еледин, и груз — боеприпасы, и паровоз, и люди, — все пропадет. Но Еледин не растерялся. Он отцепляет паровоз и гонит его в лес. Расчет простой: из трубы паровоза валит густой черный дым, его можно унять, но Еледин не делает этого. Еледин хочет, чтобы враг видел дым, бил по дыму, полагая, что это уходит весь поезд. А в один паровоз попасть все же трудней, чем в состав.

Расчет оправдался. Немцы бьют по дыму, состав пока в безопасности, а паровоз Еледин уводит в лес.

...На маленькой промежуточной станции (все службы этой станции — в землянках, как на фронте) дежурный начинает беспокоиться, очередной поезд запаздывает. Здесь знают, что̀ может означать такое опоздание.

Дежурный напрасно пытается отогнать страшную мысль, склоняется над столом, потом поднимает голову, глядит на часы. Стоят они, что ли? Стрелка все еще на ноль тридцать две. Вот она дрогнула, — ноль тридцать три. Где, где же Еледин?

...Еледин увел в лес машину, спрятал, укрыл. Спасен паровоз, цел состав. Но его нужно вести дальше. Надо действовать. Еледин пешком пошел обратно к составу, осмотрел и исправил поврежденную воздушную магистраль. Потом бегом вернулся в лес, к паровозу, осторожно повел его — теперь уже без дыма — туда, к оставленному на путях составу, прицепился и тронулся дальше.

Враг спохватился и снова открыл огонь.

...Дежурный в землянке на маленькой станции опять смотрит на часы: ноль тридцать семь. Прошло пять минут, а кажется — прошли сутки. Дежурный нажимает педаль селектора:

— Товарищ диспетчер. На перегоне сплошные разрывы, очевидно Еледин...

Вдруг он бросает селектор, выскакивает из землянки. Еле слышен вдали свист паровоза. Вот он ближе и ближе. Еледин схватывает на ходу жезл.

Дежурный у селектора:

— Девятьсот четырнадцатый прошел в ноль часов сорок две... Опоздание Еледин нагонит...

Еледин прибывает на крупную узловую станцию. Это уже не Октябрьская дорога. Другая. Пока будут грузить обратный состав, можно бы и прилечь. Но Еледин не отдыхает, он осматривает машину, выстукивает ее всю, по частям, весь день готовит паровоз к обратному рейсу.

...В тот вечер не пришлось отправиться в обратный путь. Когда стемнело, над станцией закружились вражьи бомбардировщики. Их не видно, но слышен рокот многих моторов. Неслышная и невидная идет работа на станции. Формируются поезда на юг, на восток и на север, снуют маневровые паровозы, идет погрузка вагонов.

Воет тревожно сирена. Гул нарастает. Пикируя, воют самолеты врага. Летят бомбы вниз. Ближе и ближе разрывы...

Грохот и пламя. Точно кто-то в темноту ночи включил тысячи электроламп. Бомба попала в цистерну с горючим, и ветер разносит пламя по путям. В составе — еще шесть цистерн; на соседних путях — вагоны с боеприпасами. Чуть подальше — санитарный состав. В нем — бойцы, те, кто уже пролил кровь в схватке с врагом. Рядом с санитарной летучкой — еще два состава с цистернами.

Огневое облако накинулось на вагоны, начали рваться боеприпасы, а огонь движется дальше и дальше, оставляя за собой черную, дымящуюся землю.

Паровоз Еледина стоял в тупике. Бомбы разорвались впереди на путях. Между тупиком и местом разрывов стоял паровой кран, перед тревогой он брал с паровоза воду...

Вместе с воем сирены и бомб все в Еледине сжалось и напружинилось. Вместе с первым разрывом пришла и решимость. Нужно отогнать кран с дороги, подвести паровоз к горящим цистернам, попробовать помешать огню.

Еледин влез на паровой кран, сам повел его, а стоящему у регулятора паровоза напарнику Овечкину крикнул:

— Подходи вплотную к цистернам! Двумя рукавами будем сбивать пламя...

Побежала вода, струи ее били по загоревшимся вагонам. Но уже через минуту Еледину и всем людям его бригады стало ясно: нужны не два рукава, а десятки. Огонь разрастался, наступал, и струи воды, бившие из двух рукавов, казались совершенно беспомощными.

Еледин влез снова на паровоз и стал накачивать в котел воду. Когда водомерное стекло наполнилось доверху, он скомандовал:

— Открыть эверластинг!

Ударила новая мощная струя. Теперь уже и пар и вода боролись с огнем. Медленно, метр за метром, пламя начало отступать, а паровоз двигался следом за ним.

Снова — рокот мотора и вой. Еще одна бомба упала между путей. Еще. Паровоз рванулся навстречу огню, опять вода хлынула через эверластинг. Жар остановил дыхание людей. Дымилась одежда, тлели волосы. Люди выскакивали на ходу с паровоза, кидаясь под струи воды, и снова работали.

В пламя била и била вода... Когда огонь поутих, вспомнил Еледин: где-то здесь рядом стоял маневровый паровоз. Что с ним?

Еледин кинулся к паровозу. Наткнулся на обгоревшие тела машиниста и кочегара, пламя настигло и свалило их. Клапаны маневрового гремели. Огонь бушевал в полной дров топке, воды в котле почти не было. Еще мгновение, — взрыв неминуем. Спасти паровоз!

— Сюда!

В топку маневрового ударила струя воды, огонь зашипел и стал затихать... Будет эта машина водить поезда!

Передышки все не было. Загорелись вагоны, стоявшие в тупике.

— Отцепить!

Команду выполнял помощник Еледина Голиков, растаскивая в стороны пылающие вагоны. Огонь жег его тело, и он несколько раз с головой окунался в находившийся рядом с путями ров, наполненный мутной водой, выскакивал и снова разгонял пылающие вагоны.

В бригаде работали две девушки—кочегары Таня Лысова и Мария Розова. У Еледина шевельнулось желание ото-

слать их подальше от огня. Именно в этот момент он увидел обеих. Они работали, и глаза их светились огнем боевого азарта. Они помогали Голикову растаскивать горящий состав, не замечая, как железо буферных крюков жжет руки. Девушки лезли под горящий вагон, расцепляли крюки, лезли к следующему.

От этой работы их отвлекли стоны. Бомба упала недалеко от стоявшего на путях состава с танками. Нескольких бойцов из охраны ранило. Девушки кинулись к ним. Таня Лысова взглянула на свои обожженные руки и секунду колебалась; можно ли этими руками делать перевязки? Можно... Раненые бойцы благодарно смотрели в лица этих неизвестно откуда взявшихся полуобгорелых «сестриц».

Лишь когда перевязали последнего, девушки взглянули на небо. Бомбардировщики уходили, преследуемые нашими истребителями. Самолетов в темноте не было видно, но были видны падающие вниз факелы. Один, другой, третий. Это было началом расплаты. Огнем за огонь...

...На столе начальника депо лежит докладная записка. Еледин — военный человек, железнодорожник. О каждом происшествии, случившемся с вверенными ему людьми, он обязан доложить по начальству. В записке он так и говорит: «Происшествие». Просто, коротко, скромно он рассказывает, как бригада спасала государственное добро.

О себе Еледин не говорит. О том, что он сам и все его люди рисковали жизнью, — ни слова. Зато просит отметить, что в спасении государственного имущества принимали участие лейтенант Паничев и младший лейтенант Бобров.

«О чем и доношу», — заканчивается докладная. Как будто речь идет о самом заурядном, простом, будничном. «Происшествие» — не подвиг.

Скромность — достоинство подлинного героя.

Скромность украшает имена ленинградского комсомольца машиниста Василия Еледина и его товарищей.

Е. ВЕЧТОМОВА

1500 ПОЖАРНЫХ

Недалеко от фабрики растянулся веселый фабричный городок. Маленькие коттеджи с палисадниками. Уже который раз фашистские самолеты пачками сбрасывали сюда зажигательные бомбы, они сыпались кругом, и казалось: вот-вот как спичечные коробки вспыхнут уютные домики.

Но этот налет был особенно жестокий. Не успела занять свои места дежурная пожарная команда, как немцы начали ураганный артиллерийский обстрел городка.

Из барака, расположенного особняком, несколько в стороне, уже бежали юноши, девушки, — рота комсомольского противопожарного полка ринулась отстаивать рабочий жилой городок.

Тоненький, как тростинка, политрук роты Авербух на ходу выкрикивал:

— Хладнокровно! Хладнокровно! Занимать крыши!

По воздуху летели горящие головни.

Бойцы рассыпались по улице: одни взбирались на крыши, другие выстраивались внизу, и уже от водоразбора быстро по живой цепочке передавались ведра с водой. Горящие головни, искры, падающие на крыши, моментально заливались водой, затаптывались.

Становилось все жарче.

Катя Волгина приняла по цепи полное ведро и в тот момент, когда, передавая его дальше, мельком взглянула на соседку, заметила, что у той дымятся чулки. Она на секунду задержала ведро в руках, плеснула водой на тонкие ноги соседки.

Работали молча. Все были поглощены одной мыслью: отстоять веселый ряд рабочих коттеджей.

Сквозь шум послышался возглас Васильевой:

— Девушки, смотрите, что делается!

Все посмотрели в ту сторону, куда указывала Васильева.

Комсомольский барак!

Огонь перекинулся туда. В бараке сейчас не было ни души, все работали здесь, в городке.

— Эх, все сгорит!

— Мне гитару жалко, — сказала, рассмешив всех, Волгина.

Острые языки пламени вырвались из окон барака. Видимо, внутри пламя, прорвавшееся в барак через крышу, бродило и бушевало уже давно.

Общежитие роты уже целиком было охвачено огнем. Никто из бойцов не тронулся туда. Живая цепь пожарников у коттеджей продолжала работать в бешеном темпе. Реже и реже на крышах вспыхивали искры и скоро совсем исчезли.

Отстояли! Домики стояли невредимы. Только следы густой копоти и потоки воды на их стенах да залитые водой палисадники напоминали о закончившейся схватке с огнем.

Снаряды ложились где-то в стороне. И, странное дело, только теперь пожарники стали прислушиваться к разрывам. Еще несколько минут тому назад они просто не замечали, как грохотали разрывы и рядом вздымались вверх столбы земли.

Прошла еще минута. Где-то вдалеке грохнул последний разрыв, и сразу наступила тишина. Обстрел кончился.

Вдоль улицы, усталый, шел командир роты. Весь он был закопчен, и в нескольких местах у него свисали лохмотья порванного и прожженного комбинезона.

По одному к командиру присоединялись бойцы.

— Ну что, ребята, на покой? — пошутил командир.

— А куда?

Возвращаться было некуда. От комсомольского барака остались одни обгорелые трубы.

— Веселее! — уже совсем бодро воскликнул командир и повел всех на фабрику.

*

В дни своей героической обороны Ленинград видел на своих улицах бойцов всех видов оружия. И среди них были бойцы рожденного инициативой молодых защитников города комсомольского противопожарного полка. Полторы тысячи пожарных! Это была совсем зеленая молодежь—школьники старших классов, ремесленники. Зимой 1941/42 года, когда огонь был одним из самых страшных врагов города, лишенного воды, комсомольцы противопожарного

полка самоотверженно отстаивали от этого врага родной город. Пятнадцати-шестнадцатилетние подростки — мальчики и девочки — в комбинезонах и касках взбирались на грозившие обвалом крыши, чтобы там сбивать огонь, бросались в пламя, в удушающий дым, чтобы спасти людей, вынести из разрушенных зданий ребятишек.

Осенью прошлого года мы сидели с секретарем комсомольской организации полка Янишевской. От этой маленькой русой девочки веяло силой и твердостью. Негромким голосом она рассказывала о буднях полка в 1941/42 году.

— Зимой с комиссаром мы обязательно каждый день обходили наши подразделения. А они были в разных районах города. Вот мы и ходили пешком — с Выборгской в Кировский, из Московского — на Петроградскую сторону. Переход на казарменное положение очень организовал ребят, объединил и сберегал их энергию. А сберегать ее в те дни особенно нужно было. Работать становилось все трудней. Ребята с каждым днем слабели. И вот в эти дни комсомольцы решили во всем полку наложить «табу» на такие слова, как «еда», «усталость», «болезнь». Многие умудрялись даже в это время и учебу продолжать.

«Был у нас такой семнадцатилетний комсомолец Быховский — длиннущий, худущий. В самое голодное и холодное время он каждую свободную минуту садился за книги. Все, бывало, усядутся вокруг печурки, хлеб сушат, греются, а Быховский положит свои сухарики, забудет, и они у него обязательно сгорят. «Мамаша» уже за ним стала наблюдать. И сухарики сама ему сушила. «Мамашей» у нас прозвали комсомолку старшину Басалаеву. Уж очень она умела за каждым проследить, помочь, поддержать бодрое настроение. Смотрела, как бы ребята к печурке не «прилипали». Одним, чтобы «не скисли», запевала песню и подтягивать заставляла, других дрова пилить посылала. В общем каждый у нее был на виду. Вот и прозвали ее «Мамашей».

«А Быховский, между прочим, весной экстерном школу кончил и за отличную работу на пожарах именные часы получил.

«Бывали дни зимой, когда бойцов комсомольского полка по нескольку раз вызывали на тушение пожаров. Однажды проработали часов четырнадцать, до поздней ночи под обстрелом и бомбежкой, в тридцатиградусный мороз. Ноги у нас уже еле двигались. С трудом добрались до казармы.

Даже есть не хотелось. Одна мысль — спать. Часов двадцать спать, спать, спать...

«В это время в комнату вошел командир.

«— Во что бы то ни стало нужны пять человек. Я вижу, как вы устали. Назначать не буду. Пусть встанет, кто сам чувствует, что может еще работать.

«Не поднялись только те, кто уже буквально за минуту успел заснуть и не слышал слов командира. На улицу вышли шатаясь...

«Руки с трудом подымали инструмент. А тут пришлось раскапывать обвал. Стукнет боец ломом груду камней, наляжет на него всей грудью и подымает тяжелый кусок разбитой стены, потом осторожно-осторожно разбирает свой участок. А слезы усталости стынут на ресницах, злоба против немца душит горло.

«Казалось, уже руки не слушаются, но работа не останавливается. Под обломками остались еще живые люди, и нужно их спасти! Вдруг комсомольцам почудился нежный голос:

Не сердись, Маша!
Крепче обними,
Жизнь прекрасна наша,
Солнечные дни!

«Смеется, что ли, кто? Да силы на это нехватит, пожалуй, ни у кого.

«А песенка все слышнее... Вот стихнет. И опять опять —

Не сердись, Маша...

«Одна из девушек прервала работу, оглянулась.

«— Ребята, я что-то запсиховала, кажется... мне пенье чудится.

«— И мне кажется.

«Подходим по одному, прислушиваемся: ясно слышен задорный голос и знакомый мотив... Совсем тут. Рядом. Как из-под земли. Принялись быстрее раскапывать. Откуда силы взялись, — забыли, что двадцатый час работаем, А песенка слышнее, слышнее.

«Что же оказалось? В углу первого этажа под развалинами сидели на диване две девушки, а рядом с ними играл патефон.

«— Мы, — говорят, — давно слышим, что нас откапывают, мы уже охрипли, кричавши, голоса нехватает. Решили использовать эту машинку.

«А машинка, знай, безотказно накручивает:

Не сердись, Маша!

«Мы бросились обнимать девушек. Они не растерялись даже в такую тяжелую минуту. Вот такую выдержку и бодрость мы поддерживали все время в себе».

За один год — самый тяжелый для Ленинграда год — бойцы комсомольского противопожарного полка потушили около полутысячи пожаров, спасли от гибели сотни людей. На счету полка за этот год тысячи потушенных зажигательных бомб.

Их помощь городу не ограничивалась борьбой с огнем. Полк строил оборонительные рубежи, оборудовал бомбоубежища, расчищал улицы. Комсомольцы, ставшие, когда это понадобилось, пожарниками, учили население. Бойцы полка обследовали три тысячи семьсот домохозяйств, наставляя ленинградцев искусству бороться с зажигательными бомбами, чистить дымоходы.

Сейчас комсомольского противопожарного полка в Ленинграде нет. Вторую годовщину полка его бойцы встретили в дремучих Тихвинских лесах. Городу нужно топливо, и его верные сыновья снова сменили профессию, они стали лесорубами. Они служат Родине, родному городу там, где всего труднее, где больше всего нужны их умелые руки, неиссякаемая энергия, комсомольская стойкость и преданность Родине.

В. ЩЕКИНА

ФРОНТОВАЯ РАБОТА

Когда началась война, стала я проситься на фронт. Бегала несколько раз в военкомат. А там в это время мужчин было полно. Многие приходили без повесток. Тут и молодые ребята, и пожилые рабочие, которых и не призывали, а они требовали, чтобы и их в Красную Армию взяли с немцами биться. Я заметила таких ребят, что по нескольку раз приходили. Их в добровольцы не берут, а они еще и еще раз приходят.

Я через таких сразу и в комиссию пробиться не могла. Только потом все же пробилась. В комиссии на меня посмотрели и говорят:

— Что пришла, это хорошо, только пока таких не берем в армию.

Это значит, что девушка — и молодая слишком.

Обиделась я и про себя решила: «Поищу в городе что-нибудь поближе к военному». Записалась в дружинницы Красного Креста Ленинского района. Считала так: дружинниц все равно на фронт всех пошлют.

Только получилось иначе. Остались-то мы в городе, а работать пришлось по-фронтовому.

Как только в Ленинграде начались бомбежки и артиллерийский обстрел, Красный Крест стал на место поражения высылать дружины, чтобы помогать раненым. Вот меня в такую дружину и включили.

Бывало, дежурим в районном пункте и как скорая помощь готовы в минуту помчаться, куда упала бомба или снаряд. И там по-всякому приходилось.

Однажды во время моего дежурства тяжелая фугаска попала в большой дом на Обводном канале. Мы бегом туда. Дом оказался сильно разрушенным, были убитые и раненые. Особенно в верхних этажах много осталось раненых и засыпанных обломками.

Стали мы пробираться наверх, а лестницы разрушены. Там, где остатки лестниц и были, они под ногами обваливались. А пробраться все равно надо. И вот тут несчастье случилось: одну нашу дружинницу завалило, а другой обе

руки тяжело ранило. Мы быстро оказали помощь подругам, отправили их в больницу, а сами опять стали наверх пробираться. С большим трудом, а все же добрались.

Всю ночь мы тогда работали. Я сама пять человек из-под обломков откопала, одиннадцать раненых перевязала. Ушли мы только после того, как всех пострадавших в больницы отвезли.

Мы видели, что это настоящая фронтовая работа, очень нужная городу, его защитникам. Я, по правде сказать, как и многие наши дружинницы, об отъезде на фронт теперь уже не думала.

Потом наступила зима. Бомбежек в это время почти не было, и артиллерийские обстрелы были редко. Немцы хотели нас голодом взять. В городе было очень тяжело. Люди на улице падали. В домах целые семьи от голода и холода умирали. Мы и сами в это время еле на ногах держались, а думали только о том, как другим ленинградцам помочь.

Стали мы ходить по квартирам, разыскивали больных, ухаживали за истощенными, приносили им воду (а за ней другой раз километр надо было итти), раздобывали дров, чтобы хоть пару раз печку истопить.

В другую квартиру зайдешь, — лежит женщина в кровати, совсем истощенная, а по карточке даже ста двадцати пяти граммов хлеба не получила: нет сил в булочную сходить. Мы и драгоценный паек хлеба принесем, и из столовой тарелку супа с десятком крупинок. А тех, кто совсем был без сил, мы бережно укладывали на санки и на себе везли в больницу.

Эта работа зимой была страшней, чем под бомбежками Сколько раз, бывало, придешь в квартиру проведать больных или истощавших, помочь им и такое видишь человеческое горе, что от него, кажется, окаменеть можно было.

Поручили мне однажды обследовать квартиру на проспекте Огородникова. Пришла я туда вечером. Входная дверь открыта, темень. Я посветила себе спичкой и пошла по комнатам. Комнат много, а всюду пусто и мертвая тишина. В одной комнате на кровати под одеялом лежали две женщины. Я подошла поближе и увидела, что им уже никакая помощь не нужна...

Пошла дальше, — всюду пусто. Решила уже вернуться обратно. Вдруг слышу: где-то шорох. Зажгла еще спичку. Подхожу к кухне. Оттуда шорох и слышен. Стала я ша-

рить и нашла: на стуле лежит завернутый в одеяло грудной ребенок, чуть шевелится, а пискнуть, видно, уж сил у него нет. Схватила я сверток — и бегом домой к себе. Достала теплой воды, обмыла ребенка, из крошек хлеба сделала ему кашицу, покормила и всю ночь около себя на кровати продержала.

Утром снесла ребенка в Дом малютки.

За зиму и весну я так разыскала и определила в ясли и детские дома тридцать девять осиротевших детей. Семь из этих ребят носят теперь мою фамилию — Щекиной. Их родители погибли, а кто они, — установить не удалось.

Давно уже прошло то время, когда в Ленинграде голодали и холодали. Но город наш остается фронтовым, и наши девушки дружинницы выполняют фронтовую работу.

Сейчас наша главная забота — помогать во всем семьям фронтовиков. Все силы свои мы готовы отдать, чтобы дети, жены, матери защитников Родины легче переносили тяготы войны, чтобы фронтовики были спокойны за своих родных и еще крепче сражались за освобождение родной земли от врага.

В. ЛАПИН

ВОДНИЦЫ ЛАДОГИ

I. ШКИПЕР ТАНЯ ШУБИНА

Взволновалась старая Ладога. Ветер вздымает пенистые волны. Судно с грузом для Ленинграда стоит на якоре. Сквозь шум ветра шкипер Таня Шубина улавливает чутким ухом звук моторов. Напрягая зрение, она вглядывается в небо, но там — только тучи, гонимые ветром. А зловещий звук все приближается. Где-то за тучами рыщут фашистские стервятники. Шубина прислушивается, и вся ее фигура точно выражает готовность к неравной схватке с врагом.

...Порывом ветра разогнало облака. Самолеты со свастикой на крыльях только этого и ждали. Два «Юнкерса» бросились на беззащитное судно. Одна за другой разорвались бомбы. У бортов поднялись высокие водяные столбы. Во все стороны полетели осколки. Раздались стоны раненых. А в пробоины хлынула вода. Теперь главное — не растеряться. Шубина отдает приказ: одним встать к помпам, другим — заделывать пробоины. А сама Таня стала перевязывать раненых.

В это время сильным ударом волны оборвало якорный трос. Напором ветра баржу погнало к вражескому берегу и посадило на мель в зоне артиллерийского обстрела. Нависла угроза гибели людей, потери судна, ценного груза, Надо выбираться из логова врага, дать знать своим. Шлюпки нет, сорвало волной.

Шкипер Таня Шубина решила отправиться в опасный путь на шатком плоту, быстро сооруженном с помощью товарищей. Порывистый ветер крутил скрипучий легкий плотик. Немецкие стервятники заметили его и на бреющем полете дали по плоту пулеметную очередь, но промахнулись. Девушка, управляя стареньким веслом, смело плыла вперед к родному порту.

Фашистский пират обнаружил, что человек на плоту жив, вернулся и сбросил бомбу. Взрывной волной Таню сильно ударило о плот. Несколько минут она лежала без

сознания, но, очнувшись, собрала все силы и продолжала путь, добралась до своих. Командование направило пароход к месту аварии. Его привела Шубина. Тонущую баржу увели из логова врага. Люди, судно, груз были спасены.

Шкипер комсомолка Таня Шубина получила боевое крещение. Она была до этого хорошим водником. Теперь она стала и смелым бойцом. Плавать на Ладоге — это значит и воевать. Побежали один за другим дни, наполненные героической борьбой с бурным озером и лютым ненавистным врагом.

Когда в период жестоких боев под Ленинградом потребовалось перебросить людей и боеприпасы с одного пункта в другой, эти ответственные рейсы были поручены шкиперу Шубиной. Вместе со своим отцом Павлом Алексеевичем Лепестовым и сестрой Настей она успешно справилась с заданием.

В сентябре отца Тани серьезно ранило осколком бомбы. Сестра Настя лежала в больнице. Команду укомплектовать не успели. И Таня работала и за отца и за сестру.

Однажды в пути во время сильного шторма баржу оторвало от буксира. Видимость была плохая, и пароход ушел, не заметив аварии. Баржа оказалась близко от неприятеля и подверглась артиллерийскому обстрелу. Шубина бросила якорь. Решила живой не сдаваться и, если другого выхода не будет, потопить судно, но не отдать груза фашистам.

Одиннадцать часов продолжался обстрел. Не раз казалось, что смерть уже пришла. Но Шубина не покидала баржи. Когда стемнело, Таня услышала знакомый гудок. Это наш пароход под покровом темноты пришел к ней на выручку. Таня быстро закрепила трос, с трудом подняла тяжелый якорь, и израненное судно доставили в порт. Снова победителем в неравной борьбе с врагом вышла мужественная ленинградская комсомолка.

За образцовое выполнение заданий по перевозкам для Ленинграда и фронта шкипер Шубина награждена орденом Красной Звезды.

II. МАТРОС ВАНЮШКИНА

Война помешала Эльвире Ванюшкиной окончить техникум речного транспорта. Она пошла работать на Ладогу. В эти дни со стапелей сошла первая метал-

лическая баржа. Ее так и прозвали: «Первенец». Баржа была построена добротно, прочно. Ленинградские строители знали, что плавать придется по бурному озеру, с большой нагрузкой, под обстрелом врага.

В один день с матросом Ванюшкиной на баржу пришел шкипер Николай Кабиков. Вместе они внимательно изучили судно, осмотрели крепление, механизмы. Первые рейсы показали, — баржа прекрасно выдерживает качку, а вместительные трюмы позволяют взять много груза. Когда стали комплектовать команду, Ванюшкина просто сказала: «Меня считайте за двоих». Шкипер согласился, он уже успел оценить расторопность и смелость молодой водницы. Она быстро научилась закреплять буксир, четко выполнять приказы. Точно и аккуратно работала она в шторм и во время вражеских налетов.

Однажды Ванюшкина сказала:

— Мало мы возим, надо увеличить нагрузку.

— Да я и сам думал об этом, — ответил Кабиков. — Давай подсчитаем.

— Я уже прикинула, лишних сотни две тонн смело можно брать, крепление выдержит.

Заполнили трюмы. Но по расчетам Эльвиры выходило, что можно еще увеличить нагрузку. Тогда пошли на риск, — на палубе уложили штабеля мешков с мукой. Баржа благополучно совершила рейс. Почин стахановской баржи вскоре подхватили и другие шкиперы. Рейсы с грузом сверх нормы стали обычным явлением.

Работа на озере — суровая школа. Как всегда, точно по графику, баржа однажды вышла в очередной рейс. Напряженно всматривается в задернутую дымкой даль матрос-комсомолка Ванюшкина.

Судно скользит вперед. Чуткое ухо Эльвиры улавливает гул приближающихся самолетов. Из облаков вынырнули четыре вражеских бомбардировщика. Хищники увидели лакомую добычу. На одинокое судно одна за другой полетели бомбы. Огромные столбы дыма и воды поднялись вверх. Трюмы и каюты заполнились едким дымом.

— В левом борту большая течь, заделать пробоину! — приказывает шкипер.

Ванюшкина бросается к борту. Но вода проникает в другом, третьем месте. Эльвира работает с лихорадочной быстротой. В сознании одна мысль: «Спасти судно, во что бы то ни стало спасти груз, — он для Ленинграда».

Вот уже течь меньше. Ванюшкина не чувствует усталости и продолжает чинить повреждение.

В разгар работы она слышит знакомый гул моторов. Радостная улыбка пробегает по лицу девушки. Это наши истребители! Ага, фашистские стервятники удирают! Судно продолжает итти вперед.

На палубе — шкипер и рядом с ним матрос — ленинградская комсомолка, с честью выдержавшая еще одно испытание.

III. НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Жизнь радовала Тосю Киселеву. Это была обычная жизнь советской девушки. Киселева кончила семилетку, облюбовала себе специальность речника и начала учиться в техникуме. Тося любила цветы. Возвращаясь после занятий в родной домик в ленинградском пригороде, она часами возилась над клумбами в палисаднике. В то время Киселева не думала, что большое голубое пятно на географической карте под Ленинградом оставит такой большой след в ее жизни.

Железным смерчем пришла война. Отец и мать попали в неволю к немцам, родной домик разрушили фашисты. Тося пошла на Ладогу. Старый пароход стал ее вторым домом. Она плавала матросом, рулевым и, наконец, стала помощником капитана. Первая женщина Ладоги, овладевшая искусством судовождения.

. . .На карте пунктиром проложен путь. Маяка не видно. Фарватер, обставленный вешками, начинается дальше.

Киселева по компасу ведет пароход сквозь лед. Старый корпус вздрагивает от напряжения. На буксире баржи с тяжелым грузом.

Туман. Тяжелая плотная пелена накрыла пароход. Итти дальше нельзя, надо отстаиваться. Застопорили машины, бросили якорь. Колючий ветер пронизывает до костей, нагоняет льдины, бросает их на судно. Киселева — на капитанском мостике. Время от времени вахтенный матрос берет рупор и кричит:

— Эй, на барже, как стоите? Помощь нужна?

— Управляемся сами!

Прошло несколько томительных часов. Порывами ветра разнесло туман. Снова можно итти в путь. Желанный берег

приближается с каждым оборотом винта. Вдали выросли контуры знакомого маяка. В этот момент тревожно зазвучал судовой колокол. Вахтенный матрос Ирина Егорова крикнула: «Воздух!» Целая стая фашистских стервятников приближалась к пароходу.

Узкий проход, пробитый во льду, не давал свободы для маневрирования. В воду упали первые бомбы. Но буксир, управляемый Киселевой, ловко увернулся. Быстро и точно выполнял ее приказы рулевой. Пароход лавировал: вправо, влево, вперед. Хищный враг не нанес ущерба каравану.

Немцы точно приметили бесстрашное суденышко, часто и яростно охотились за ним. Однажды на середине озера караван встретили восемь немецких бомбардировщиков и четыре истребителя. Осколком бомбы перебило буксирный трос. На вахте была Киселева. Она отдала команду повернуть назад и вновь зачалить баржу.

Матрос Егорова спокойно и уверенно, как в порту, выполнила приказ.

Фашисты начали из пулемета обстреливать пароход. Вдребезги разнесло радиорубку, смертельно ранило радистку Петухову. Она все же успела передать в эфир: «Нужна помощь». Пулеметная очередь пробила и рубку штурмана. Вышла из строя правая машина. С нечеловеческим упорством оборонялся маленький коллектив.

Сигнал по эфиру был услышан. И вот уже в вихре пены несутся на помощь «морские охотники», верные боевые друзья ладожских речников.

Много рейсов в бурю, в шторм, туман совершил старый ладожский пароход, ведомый ленинградской девушкой Тосей Киселевой.

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

НАША МОЛОДОСТЬ

Наша молодость крепкого сплава,
И, как в песне поется родной,
За далекой, за Нарвской заставой
Парень идет молодой.
Он внимательным взором обводит
Стадионы, проспекты, мосты.
Далеко протянулись заводы.
Город строгой, большой красоты.
Здесь ковалось годами богатство,
Счастье, труд, что доверены нам, —
По Октябрьской, Выборгской, Нарвской
И по многим другим сторонам.
Слушай, Родина, поступь отрядов,
Чтобы юности голос дошел
Сквозь зенитки, сквозь гул канонады
К городам нашим, к тысячам сел.
Это руки умелые точат
За стаканом снарядный стакан,
Это немца холодною ночью
Насмерть бьет молодой партизан.
Наш удар беспощаден и точен,
В бой уходит отряд моряков.
Это юноша — Родины летчик —
Ненавистных штурмует врагов.
Нам вручили оружье по праву!
Сыновьями гордится семья.
Так воюет за Нарвской заставой
Возмужалая юность твоя!

С. ЕЗЕРСКИЙ

ПЛЕМЯ МОЛОДОЕ

I. МЕСТО В СТРОЮ

Как-то ранней весной 1942 года директор обходил заводское общежитие. Грустная открывалась перед ним картина. Пустые, брошенные комнаты. Люди разъехались, переселились, умерли. В одной комнате сидел у стола паренек, апатично глядя перед собой. Волосы давно не стрижены, лицо бледное.

— Чего сидишь?

— А что делать?

— Где родители?

— Отец — на фронте, мать — санитарка.

— Работаешь?

— Нет. Учился в школе.

— Хочешь работать?

— А что же...

Утром Никита Фоменко пришел на завод. Его не сразу привели в цех, а прежде постригли, помыли, одели, накормили. И только потом отвели к бригадиру Гончарову. Гончаров посмотрел на новичка. Парню на вид было лет шестнадцать, но фигура у него была крепкая, плечи широкие. Гончаров объяснил Никите работу и ушел.

Прошло несколько дней. И вдруг в цехе разыгрался скандал. Никита Фоменко нагрубил мастеру. Поступок недопустимый, и Гончаров, отозвав Никиту, спросил его:

— Что это ты?

— А чего он об инструменте не заботится? Я час простоял. И два мог простоять, пока он поворачивался. Как бы я тогда норму выполнил?

Как ни грубо было поведение Никиты, Гончаров понял, что́ двигало парнем. Он стал выделять его, часто давал работу посложней. Однажды Гончаров поручил Фоменко руководить обшивкой левого борта. Не заходил бригадир на левый борт, как бы подчеркивая тем самым свою уверенность в ученике. И Никита оправдал ее.

Хорошего шлюпочника нашли, товарищ директор. Будет из Фоменко толк! — говорил Гончаров.

Смутно было на душе у Никиты. В первые дни прихода на завод он чувствовал себя случайным человеком. Работа была для него лишь обязанностью. Но день за днем новая жизнь втягивала его все глубже. Ему начала нравиться сама работа, его увлек процесс сборки корабля, ему нравилось, что моряки, в том числе и командир «морского охотника» боевой лейтенант-орденоносец, просили его ускорить ремонт. Ему была приятна первая благодарность. Так Никита нашел в работе приложение своим силам.

Наступил день, когда, сдав испытания, Фоменко получил звание рабочего третьего разряда.

— Ну, вот, — сказал начальник цеха, — теперь вы, Фоменко, настоящий рабочий.

Никита покраснел от удовольствия. Он мечтал в детстве, — то есть совсем, совсем недавно, — что будет летчиком, а иногда хотел стать моряком. Он стал рабочим, — у него было свое место в цехе, просторном, светлом, где пахло свежим деревом и краской. У него было свое место в строю ленинградцев. Он строил корабли для флота, защищающего город. И юношеская честь не позволяла ему теперь итти в последнем ряду.

И никто на заводе не удивился, и сам Никита принял как должное, когда нарком наградил его значком «Отличник судостроения».

II. ЗРЕЛОСТЬ АЛЕКСАНДРА КОМАРОВА

Цех заканчивал серию. Детали, приготовленные для сборки, должны были стать изделием № 1000. Только это одно и отличало сборку. И все-таки все в цехе — от старого до малого, от инженера до ученика — понимали: выпуск тысячного изделия — это событие. И сборка его — это честь.

Девятьсот девяносто девять изделий выпустил цех. Они были одинаковы. Одно не отличишь от другого. Все они отправлены на фронт. Рифленые ручки их уже давно залоснились от пота. Не одна сотня фрицев полегла под огнем этих изделий. И, может быть, корпуса многих из

них обагрены алой кровью наших бойцов, до последнего дыхания защищавших рубеж под Ленинградом.

Честь собрать тысячное изделие выпала Александру Комарову.

...В августе сорок первого года, досрочно закончив ремесленное училище, Саша Комаров пришел на завод. Механик Федор Иванович Пензас с сомнением поглядел на его стройную, тонкую фигуру. «Молод», — подумал мастер.

Когда кругом война, когда жизнь страны на острие штыка, пятнадцать лет — не детство. Когда отец дважды ранен на фронте, когда враг хочет задушить кольцом блокады родной город, в пятнадцать лет приходит зрелость.

Саша переселился в цех. Он жил здесь. Рабочий день он определял не часами, а запасом сил. Он не отходил от рабочего места, а, когда ему изменяли силы, опускался возле и засыпал, подложив кепку под голову, по-детски шевеля губами во сне.

Он учился жадно. Светлый ум его схватывал на лету указания мастера, пытливый глаз подмечал все движения. Давно ли мастер в первый раз доверил Саше самостоятельно собрать изделие? Из тех девятисот девяноста девяти, что ушли на фронт, не один десяток самостоятельно собран Комаровым.

У мастера Пензаса есть ученики. Они есть теперь и у Комарова. Шесть ребят, — шесть сверстников, однолеток и товарищей, — слушают каждое его слово с уважением и вниманием. И он учит их так же настойчиво и умело, как Федор Иванович. Он взыскивает с Львова, он хвалит Соболева. Он ведет их за собой, покоряя не только опытом и знанием, но увлекая жадным, неугасающим стремлением помочь фронту.

Саше Комарову было пятнадцать лет, когда он пришел на завод. Александру Комарову сейчас шестнадцать лет.

Год назад мастер смотрел с недоверием на тонкую фигуру ученика. Теперь мастер уступает ему, как достойнейшему, честь сборки тысячного изделия.

За год Александр стал не только квалифицированным рабочим. Он не только научился сборке сложного оружия. Год назад он плакал от бессильной ненависти к врагу. Теперь он разучился плакать. Он научился воевать с врагом, мстить ему своим трудом.

III. ДЕВОЧКА

Кате Беспаловой шестнадцать лет, и она считает себя взрослой. У нее есть все основания для этого: на ее попечении после смерти матери осталась сестренка; вот уже второй год Катя работает на заводе, месяц, как назначена бригадиром, избрана членом бюро заводской комсомольской организации. И не было ничего удивительного, что именно ей директор поручил выполнить этот срочный заказ, с которым приехал с фронта лейтенант.

Почему же лейтенант так снисходительно разговаривал с ней, словно с девочкой? Неужели только потому, что она не очень высокого роста и что волосы у нее заплетены в две косички? И также, наверно, поэтому он подчеркнуто сказал: «Заказ должен быть выполнен в двенадцать; понимаете, в двенадцать ноль-ноль».

...До сдачи оставалось три часа. И эти последние часы были самыми тяжелыми. Сказывалась усталость: Катя не спала всю ночь, руки стали как ватные, глаза непроизвольно закрывались.

— Давай, давай! — кричала Катя Марусе. — Чего ты там копаешься?

Маруся, как и Катя, не спала ночь и теперь не могла побороть вялость.

— С тобой и к двенадцати ночи не управишься. Да о чем ты думаешь, хотела бы я знать, — или ждешь, что за тебя дядя сделает? Шевелись!

Катя говорила раздраженно, голос ее звучал резко, неприятно, и Маруся укоризненно посмотрела на подругу. Катя и сама понимала, что несправедлива, но ничего не могла поделать с собой.

И вдруг Катя заметила лейтенанта. Он стоял в углу и внимательно смотрел на Катю.

— А вы чего здесь? Сказано в двенадцать, вот и приходите — ноль-ноль.

Лейтенант улыбнулся. Улыбка его показалась Кате опять такой снисходительной, что она резко повторила:

— Приходите в двенадцать ноль-ноль.

Когда лейтенант ушел, Катя сказала вслух:

— Ходит! Проверяет! Боится! Как же: девочка, присматривать надо!

Так, разговаривая сама с собой, она собирала деталь за деталью, забывая о течении времени.

— Маруся! Маруся, как у тебя дела?

Никто не отвечал. И когда Катя, удивленная молчанием, подошла, она увидела, что Маруся уснула, держа деталь в руке. Катя растерялась. Первым ее побуждением было растолкать подругу, возмущенно закричать, пристыдить, но потом, повинуясь какому-то властному чувству, она осторожно вынула из рук подруги деталь и на цыпочках пошла к своему месту.

Слабость подруги не обескуражила Катю. Наоборот, она как будто убедила ее в собственной силе. Она-то, Катя, не может заснуть, потому что директор сказал:

— Помните, товарищ Беспалова, заказ под вашу ответственность!

Подняв голову, Катя увидела в дверях лейтенанта. С прежней резкостью, но только шопотом обрушилась она на него:

— Опять вы здесь? Что, у вас часов нету, что ли?

— Послушайте... — начал, было, лейтенант.

— Не хочу я вас слушать! И не смейте шуметь, потому что Маруся... — и она осеклась.

Лейтенант ушел. И Катя опять двигалась, шепча про себя:

— Сама справлюсь! Не маленькая... Будет готово вовремя. Ноль-ноль...

Теперь, когда становилось все ясней, что заказ будет выполнен, она работала спокойно, сосредоточенно. Но когда все было готово, собрано, смонтировано и Катя захотела посмотреть на часы, такая тяжелая усталость охватила ее, такое бессилие, что она не смогла повернуть голову.

Смутно слышала она, как кто-то, склонившись над ней, мягко и ласково произнес:

— Милая девочка!

Но теперь она не рассердилась, она испытала радость и удовольствие. Она не отдернула головы, когда почувствовала, что большая, тяжелая мужская рука гладит ее волосы. Катя только сонно спросила:

— Час, который час?

— Двенадцать.

— Ноль-ноль, — сказала она, устало и счастливо улыбнулась.

IV. СТАНОВЛЕНИЕ

Когда входишь в цех в часы обеденного перерыва, кажется, будто попадаешь во время большой перемены в школу: так юны лица, так оглушителен шум голосов. Но это — завод. Военный завод. Его продукцию ждут на фронте. И молодежь, подростки, взгляд на которых рождает мысль о школе, — рабочие. Это их руками вытачивается на станках, собирается, монтируется та самая продукция, что шифруется номером заказа и за которой порой приезжают прямо с передовых позиций.

Разными путями шли на завод новые рабочие. Много знакомых лиц встретили бы здесь педагоги окрестных школ. Немало подростков покинули в дни войны родные классы и шли на завод, чтобы здесь найти свое место в общей борьбе за станком. Они приходили из разрушенных бомбежкой домов, из квартир, где часто оставались единственными жильцами.

И хотя на заводе их встречали люди приветливые и простые, как учителя, — цех не был классом. И пусть в цехе висят рядом доска производственных показателей и расписание занятий в школе, но новое, строгое, суровое и большое отделило школу от завода.

Инне Чиж, конечно, обидно, что истекшую учебную четверть она закончила с четверкой, а не с пятеркой по геометрии. Но Инна удивилась бы, если бы кто-либо попытался сгладить или оправдать это огорчение перевыполнением нормы. Это разное дело. Чудесно, что на заводе открыли общеобразовательную школу. Инна учится охотно и прилежно. Она не утеряла жажды к знанию. Но она уже не школьница. Она хочет и может учиться. Но выполнить норму она обязана, потому что она прежде всего работница.

Мать Инны умерла от голода. Тетка, что приютила ее, тяжело заболела. Из опекаемой Инна превратилась в опекуншу: на ее попечении остался шестилетний ребенок. Свои выходные дни Инна целиком посвящает племяннику — купает, гуляет с ним, читает ему вслух. В заботу о нем эта пятнадцатилетняя девушка вложила подлинно материнскую самоотверженность.

Завод дал Инне Чиж профессию, открыл путь к самостоятельности, ввел в коллектив, в котором она обрела

товарищей, подруг. И год, проведенный ею в цехе, навсегда определил ее путь. Она стала работницей.

У Владимира Кузнецова отец — врач. Мать — врач. Сестра — врач. Медицина стала как бы наследственной профессией в семье. И Володе, очевидно, предстояло продолжить эту традицию. Отец, мать, сестра, во всяком случае, ждали этого. И, наверно, так бы оно и было, и любовь к электротехнике осталась бы просто юношеским увлечением, если бы не война. Отцу, матери, сестре было просто. Они стали военными врачами, ушли на фронт. А Володя? Он слишком молод, чтобы быть принятым в качестве бойца добровольцем в армию. И он слишком нетерпелив, чтобы спокойно учиться, дожидаясь наступления этого срока. Тогда Володя вспомнил об электротехнике. Он пошел на завод. Его не остановило, что каждый день приходилось совершать длиннейшее путешествие.

Володя вошел в цех без особой робости. Конечно, его любовь к электротехнике еще не патент на профессию. Но все же, когда знаешь теорию, когда тебе не в новинку основы, — не так уж боязно. Вначале инженер даже раздражался, — Володя ничего не хотел делать механически. Если встречался с деталью, то узнавал, какое ее назначение, куда она монтируется. Он даже вступал в спор:

— Почему это делается так, а не иначе?

— Потому, — буркнул ему как-то инженер, — что так принято.

— Но вот я читал, что можно делать и иначе, — не сдавался Владимир.

И он предложил свой метод настройки.

Так повторялось не раз, и скоро все в цехе поняли, что перед ними не только серьезный, способный подросток, но что в суровые военные дни растет еще один первоклассный мастер своего дела, настоящий ленинградский рабочий с широким техническим кругозором.

Машеньку Винокурову помнят ее школьные товарищи; не забыли, наверное, и педагоги веселую вдумчивую девушку. Машенька и сама вспоминает о школе часто и любовно. Но воспоминания о прошлом не отделены от настоящего глухой стеной. Разве не дал Маше завод того, чего ей часто нехватало в школе, — самостоятельности? Специальность намотчицы, которой она овладела на удивление быстро, была только началом ее профессионального становления. Она так же быстро освоила монтаж, сбор-

ку, — и теперь в цехе ей знакома каждая операция. На ее быстрые, неутомимые, проворные руки рассчитывает завод. И Маша черпает в этом незнакомое по школе, новое и глубокое удовлетворение. Она нужна цеху, заводу, фронту: она видит озабоченное лицо военного приемщика, бойцов, ждущих в цехе, пока она, Маша, выполнит работу.

Виктору Гаврилову от роду пятнадцать лет. У него лицо озорника, но в походке, движениях и речи напускная важность взрослого. Виктор Гаврилов по существу — мастер второй механической, во всяком случае — наладчик станков, человек, умеющий работать на каждом из них. Он с трудом теперь представил бы свою жизнь вне завода. Один, без матери, умершей в голодную зиму, он переступил порог завода как порог давно невиданного теплого помещения. Из сиротливого одиночества он шагнул в дружное товарищество. Его от природы пытливому уму дали направление, его руки, любившие мастерить, положили на супорт токарного станка, — и это пришлось ему по духу, по характеру.

Теперь, в эти дни, полные радостного ожидания победы, ребята часто задумываются над будущим.

— Что, — полушутя, полусерьезно спрашивает их директор, — разлетаться после войны будете?

— Никуда не уйду, — горячо говорит Юра Никитин. — Будьте спокойны, Дмитрий Дмитриевич!

— Все останемся! — шумят остальные.

Машенька Винокурова раздумчиво говорит:

— Только вы бы, Дмитрий Дмитриевич, открыли учебное заведение при заводе. Техникум, что ли... Учиться тянет.

Много было когда-то мастеров на этом заводе, чьи имена с любовью и уважением вспоминают и сейчас. Иные из них в глубоком тылу на фабриках и заводах помогают фронту. Иные воюют с оружием в руках. Иных уже нет,— погибли, умерли. Но завод живет сейчас, согретый молодым дыханием подростков. Он не опустеет и тогда, когда с окон его смоют темную защитную краску, когда под слоем свежей штукатурки скроются многочисленные следы снарядных осколков. В нем будут работать и творить Инна Чиж, Володя Кузнецов, Машенька Винокурова, Витя Гаврилов, сотни их товарищей, новое молодое племя ленинградских рабочих.

АЛ. РЕПЕТОВ

НАТАША ОРЛОВА

Она пришла на фабрику весной,
Четырнадцатилетняя Наташа.
— Здесь до войны работал папа мой,
И эту фабрику мы называли нашей.

Он был регулировщиком машин —
Орлов Сергей Петрович,
Знали, может?
— Лицом ты вся в него, —
Сказал один,
Суровый, на учителя похожий.

— В одном полку я был с твоим отцом,
Из госпиталя в цех вернулся снова. —
Наташа подала письмо бойцов:
Рассказ о гибели бойца Орлова.

И человек читал письмо, темнел
Над каждою оплаканной строкою.
И долго он на девочку глядел.
Обняв ее единственной рукою.

— Я мастер цеха,
Много у меня
Таких, как ты,
На год, на два постарше.
Что ж, будешь с ними с завтрашнего дня
Мстить за отца, —
Так он сказал Наташе.

Взволнованная шла она домой,
Но дома не с кем чувством поделиться:
Мать на работе в швейной мастерской, —
Поди, горюет мама-мастерица.

Бойцам писала девочка ответ,
Как будто клятвою клялась суровой.

Идет весна,
Вчера пятнадцать лет
Исполнилось стахановке Орловой.

В большом ряду гремит ее станок,
Скрежещет сталь упрямая, литая.
И знает мастер:
Сдаст детали в срок
В халате синем девочка простая.

Еще он знает:
Вечером она
Домой пойдет вдоль Университета
И в блеске залпов будет ей видна
Гряда окон...
И ни в одном нет света.

Пускай же вспомнится поток огней,
Пускай живут в душе мечты былые!
Не зря могучих невских батарей
Так яростны удары громовые.

Март 1943 года

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

САМАЯ НУЖНАЯ ПРОФЕССИЯ

Рассказ

В огромном многоэтажном доме жили разные люди, и они по-разному переживали суровую ленинградскую зиму. Над осажденным городом часто проносились северные, леденящие шквалы; широкие площади и тихие парки утопали в сугробах. Трамваи не ходили. Иссякло топливо, погасло электричество в домах. В январе от жестоких морозов замерз водопровод. У водоразборных кранов собирались домохозяйки и ребята с ведрами, с бидонами.

В эту тяжелую пору люди держались по-разному. Зоркий взгляд четырнадцатилетнего Вити Федорова проникал всюду, замечал все. Отец мальчика работал управхозом, и весь трудовой день его уходил на мелкие хлопоты по дому. Истощенные, ослабевшие люди вели себя нервно. Управхозу приходилось много и беспокойно работать. Мальчугану было жалко отца, однако он не знал, чем ему помочь. Сам Витя больше всего страдал от постоянного и с каждым днем усиливавшегося ощущения голода. Что бы он ни делал, мысль о кусочке хлеба неотвязно преследовала его. Витю это очень угнетало.

Отец, сам крайне похудевший, часто поглядывал на Витю, и глаза его выражали страдание за сына. Но он не раз повторял мальчику:

— Главное, не опускай рук, не падай духом! В трудную минуту, сынок, поглядывай на людей, которые крепко держатся, на них равняйся. Они-то непременно вывезут!

Витя приглядывался к этим людям. В пятнадцатом номере жил старый слесарь Акимыч. В 1919 году на Пулковских высотах он дрался с белогвардейцами Юденича. Сейчас ему шестьдесят лет, и он одинок. Старуху Акимыч схоронил в декабре. Единственный сын Владимир сражался с немцами у тех же высот, где в свое время бился с врагами его отец. И вот старый слесарь получил известие о гибели сына. Старик не согнулся. Показывая соседям

письмо командования о геройской смерти сына, Акимыч высоко держал голову.

Витя безгранично уважал этого старого рабочего. Когда он, высокий и сухой, медленно спускался со своего пятого этажа по гулкой и пустынной лестнице, мальчик почтительно приветствовал его:

— Здравствуй, дядя Акимыч!

— Здравствуй, молодец! — отзывался слесарь.

Это тепло произнесенное ответное приветствие всегда трогало мальчугана, и он точно вырастал в собственных глазах.

В доме знали, что во время самой ожесточенной бомбардировки, когда бомбы рвались у стен завода, Акимыч не покинул станка и с суровым спокойствием продолжал работать.

За зиму старик сильно ослабел: нос заострился, щеки ввалились, но в глазах горел бодрый огонек. Слесарь держался стойко. Но однажды от напряженной работы свалился у станка. Его привезли домой и уложили в постель.

Акимыч все-таки не сдался, встал на ноги. Правда, на завод не вернулся. Ему поручили очень важное дело — организовать водопроводную мастерскую, надо было во что бы то ни стало восстановить в районе водопровод. Старик горячо взялся за работу.

Пришла весна. Белые пушистые облака плыли над Ленинградом. В просветах синело небо, легко дышалось. Звонко стучали кирки и лопаты о трамвайные рельсы, — ленинградцы скалывали бурый лед и очищали улицы от грязи. Народ повеселел. Жильцы большого дома высыпали во двор и тоже принялись за уборку. С ними работал и Акимыч. Прищурясь на яркое солнышко, он поднял голову и вдруг сказал управхозу:

— Ну, как твой иждивенец поживает? Вытянул зиму?

— Он у меня молодец, — похвалился управхоз и глянул в сторону сына.

Витю точно обожгло.

«Иждивенец! — Неприятное слово кольнуло его в сердце. — А в самом деле, кто я? Иждивенец!»

Солнечный весенний день явно испортился. Мальчик никак не мог успокоиться. Всю ночь он лежал с открытыми глазами, а утром пришел в слесарную мастерскую и сказал Акимычу:

— Возьмите меня в водопроводчики.

Слесарь покосился через очки на мальчика и усмехнулся:

— Дело наше нужное, да тяжелое, не по тебе, паренек.

Мальчик вышел из мастерской, и слезы блестели на его глазах. Он разыскал отца и уговорил его сходить в мастерскую убедить Акимыча.

Витю приняли учить водопроводному делу, и он жадно взялся за учебу. Через три недели его уже зачислили в бригаду Евдокии Ивановны. Недавно она была домохозяйкой, а сейчас стала водопроводчицей. Жильцы дома говорили про нее:

— Худенькая и слабая она женщина, а гляди — ни холода, ни воды не боится!

Евдокия Ивановна ласково, по-матерински встретила своего помощника. Они стали дружно работать; начинали каждый день в семь часов утра, а кончали в десять — одиннадцать вечера. Вите приходилось очень трудно, усталость валила с ног, от непривычной работы болели руки, но он не хныкал.

В больших темных подвалах дома было полно застоявшейся воды. Витя делал подмостки или ползал на животе по трубам, исправлял повреждения, паял.

Хрупкая Евдокия Ивановна входила в ржавую воду и отыскивала поврежденные места. Она неутомимо бегала по квартирам, собирала домохозяек и вместе с ними откачивала воду из подвала.

Всю весну и лето дружно работала водопроводная бригада. В материалах был острый недостаток, и Витя рыскал по свалкам, отыскивая среди хлама нужные части. К осени бригада исправила водопровод и пустила воду в семнадцати домах. В каждом доме появление струйки воды в кране было праздником, и водопроводчиков горячо благодарили.

Витя Федоров исправил водопровод в домах, которыми управлял его отец. Управхоз очень придирчиво принимал работу сына. Однако все было в порядке.

Отец обнял Витю:

— Молодец, не подвел! Вода теперь — самое важное для города. Ты, сынок, темпов не сдавай, поглядывай на боевых товарищей и работай по совести. Думай, будто фронт проходит через водопровод, а ты боец, ну и дерись. Понял?

Отцовские глаза светились радостью.

Витя старался изо всех сил. Он познакомился со всеми водопроводчиками района. Старики хвалили его за работу.

В октябре в большом светлом зале ленинградцы чествовали лучших водопроводчиков города. На столах, уставленных закусками, было и красное вино. Играла музыка, и выступали артисты.

Акимыч торжественно поднял бокал:

— Пью за самого молодого водопроводчика в нашем городе Витю Федорова!

Все встали и шумно захлопали. А Витя покраснел, опустил глаза и смущенно потирал ладони.

Через несколько дней Витю Федорова вызвали в районный совет и там ему сказали:

— Сегодня ты поедешь к товарищу Жданову. Он очень интересуется работой водопроводчиков.

Витя принарядился в новый костюм. Всю дорогу он сильно волновался и думал, что скажет товарищу Жданову.

На прием к Андрею Александровичу ехали лучшие ленинградские водопроводчики, дворники, управхозы. Товарищ Жданов принял всех очень радушно, а Витю Федорова усадил рядом с собой. Он очень внимательно расспрашивал всех о работе, интересовался всеми мелочами. На душе у Вити сразу стало легко. Он внимательно слушал товарища Жданова и просто, толково отвечал на все его вопросы.

На прощанье Андрей Александрович крепко пожал руку юному водопроводчику и сказал:

— Желаю успеха, Витя!

В этот момент мальчуган растерялся и ничего не ответил. Но всю дорогу он думал и мысленно, как клятву, несколько раз повторял:

«Я сделаю все, чтобы ленинградцы всегда имели воду!»

Обрадованно кинулся отец навстречу сыну, когда тот вошел в комнату:

— Ну, о чем с тобой говорил товарищ Жданов?

Витя серьезно посмотрел на отца и ответил:

— Он сказал: водопроводчик — это самая нужная профессия в Ленинграде!

Л. НИКОЛЬСКИЙ

НА КРЫШЕ

Раньше нужно было обманывать дворников и управдома, чтобы пробраться на чердак и оттуда через слуховое окно на свое любимое место. А здесь было так хорошо! Триумфальная арка Нарвских ворот говорила о каких-то еще неведомых ему подвигах русских воинов. Внизу мчались автомобили, трамваи, троллейбусы. По дымящимся трубам Борис Андреев и его товарищи умели различать все заводы Нарвской заставы. Вдали были видны корпуса недавно построенных домов, новые улицы, сады — вся советская Нарвская застава. А еще дальше — пригород, залив...

Когда пришла война, тысячи таких, как Борис, ленинградских подростков оказались на крыше вместе со взрослыми дежурными уже на законном основании. Они были нужны здесь.

Однажды вражеский самолет сбросил несколько десятков «зажигалок». Как их тушить, знали тогда только теоретически. Борис и его товарищи не слишком разбирались в этой теории. Зато у ребят была решительность. Недолго думая, как нужно подходить к «зажигалкам», они схватили их и — хлоп в воду! Эффект получился замечательный. Все оказалось не таким страшным. В другой раз, когда зажигательные бомбы попали в склад горючего на заводе поблизости, Борис со всей компанией побежал туда. Они помогали выкатывать бочки из огня. Это была действительно жаркая работа.

Теперь никто и не пробовал прогонять Бориса Андреева с крыши. Он, боец группы самозащиты, был здесь полноправным хозяином. Иная картина уже расстилалась перед его глазами. Не дымились трубы заводов, мертвецом глядел занесенный снегом трамвай, саночки с пожитками тянулись из Кировского района в центр, мимо заснеженных баррикад, — люди эвакуировались в другие районы, подальше от переднего края. Проклятый немец слал в город, в жилища, в ясли, в школы один за другим смертоносные снаряды. Они свистели над головой, они разрывались непо-

далеку. И притихшие подростки не очень весело, но деловито обсуждали, какой это калибр, чем стреляют — шрапнелью или фугасными. Зато с восхищением они слушали чудную музыку своей, советской артиллерии. Корабельной в особенности.

К этому времени многое изменилось в личной судьбе Бориса. Отец с первых же месяцев войны ушел на фронт, мать все время трудилась на оборонной стройке. Он сам, правда, еще занимался в седьмом классе, но уже другое его привлекало. Надо было трудиться, искать настоящую солидную работу. Его товарищи стали юнгами на корабле. Борис этого сделать не мог. Отец, уходя на фронт, велел заботиться о матери. Значит, нужно было работать здесь, в городе. И он нашел ее на любимом месте.

Плакат на полуразрушенном доме извещал: «Производится набор учеников-водопроводчиков, печников и т. п.». Он пришел в Кировское районное жилищное управление, узнав, что такое «и т. п.», предъявил свои документы об образовании и попросил взять его в обучение к самому лучшему кровельщику.

Таким мастером и оказался Волков. Он внимательно присмотрелся к ребятам и сказал им:

— Наша работа серьезная, аккуратная. Особой торопливости не любит. А будете не торопясь, но с умом работать, — и дело быстро пойдет.

У мастера было неистощимое терпение. Не всегда ученики сразу понимали, что он от них требовал, не всегда им удавалось выполнять самые простые задания. Но если мастер Волков видел, что у человека есть воля, желание, он еще и еще раз терпеливо объяснял ему, как и что нужно делать, и, главное, показывал: вот так!

У Бориса Андреева эта воля была. Им владело настойчивое желание стать не просто кровельщиком, а хорошим кровельщиком. Через два месяца испытания показали, что Андреев достоин четвертого разряда. Трудно забыть тот день, когда дворничиха (дворник ушел на войну), обращаясь к нему, впервые назвала его не «Борька», не «Борис», а с уважением:

— Вы бы прошли на крышу, товарищ Андреев. Из седьмого номера жалуются, что у них течет очень. Там осколок кровлю продырявил. Уж пожалуйста!

Осенью было много работы: одним специалистам не справиться, и Борису Андрееву дали в помощь домохозяек,

дворников. Зашивали дыры мешковиной, старым железом, Андреев руководил этой работой. Требовал, чтобы она делалась аккуратно, добросовестно, так, как его учил Волков. «Для себя делаете», — учил он.

Он чувствовал, что к нему относятся как к взрослому. Это и на самом деле было так: из мальчика он превратился в рабочего-подростка, из ученика — в квалифицированного рабочего. И Борис Андреев стремился повышать свою квалификацию. Он научился делать все, что полагается кровельщику.

Вместо школьных товарищей и друзей у Бориса появились другие. Он вступил в комсомол. Он вытянулся, этот розовощекий паренек, с умелыми руками, которого знают и уважают в районе.

Председатель Исполкома Ленинградского городского Совета принимал лучших людей, работающих в жилищном хозяйстве. Кировский район послал на прием несколько человек, Бориса Андреева в том числе. Когда ему предоставили слово, он коротко рассказал о том, как учился, и еще короче о том, как работает. Двести пятьдесят, двести семьдесят процентов нормы! А когда Андреева спросили, чего бы он хотел, он ответил: «Хотел бы стать бригадиром, учить других своему нужному и интересному делу».

Весна и лето для кровельщика — времена горячие, рабочие. Борис Андреев видит с крыши, как живет его родная Нарвская застава. Это уже не то, что в прошлом году.

Скоро, скоро будет время, когда по Петергофскому шоссе — улице Стачек, — как в 1814 году, вернутся со славой и победой в родной город русские войска. Они увидят, что ленинградцы, несмотря на злобное неистовство врага, сумели сохранить прекрасные ленинградские дома. Они узнают имена славных хранителей города и имя одного из самых юных — комсомольца Бориса Андреева.

С. АНДРОНОВ

НА ТОРФЯНОМ ПОЛЕ

Над торфяными полями еще висел сизый предутренний туман, когда техник Борисов подошел к гаражу. Совсем молоденький тракторист, красный от напряжения, заводил трактор. Мотор сердито, прерывисто трещал, выпуская клубы едкого дыма. Техник, нахмурившись, остановился, собираясь сделать критическое замечание. Но мотор неожиданно заработал ровно и четко. Тракторист солидно выпрямился и, вытирая замасленной тряпкой руки, направился к кабине. Техник вошел в гараж. В конторе сидели начальник поля Потапов и мастер.

— Вчера, Иван Александрович, опять несколько бригад нормы не выполнило, — здороваясь, доложил техник Потапову, — а в итоге и по участку...

Потапов — крепкий, сухощавый старик — просматривал сводки за прошлый день. Он уже пятые сутки не уходил с поля.

— Знаю, что не выполнили, — ответил он. — А сегодня еще может дождь ударит и совсем сушку застопорит. Всю ночь поясница ныла.

— Поясница? — оживился техник. — Ну вот, медики тебя кстати и вылечат.

— Медики? — переспросил Потапов. — Какие медики?

— Разве не слышал? Вчера приехали студенты из Ленинграда, торф добывать.

— Это хорошо, вот и помогут, — обрадовался Потапов.

— Помо-о-гут... — иронически протянул механик.

— Ничего, научатся! — уверенно произнес Потапов.

— Знаю, научатся. А когда? Кстати, — поглядев в окно, быстро сказал техник, — вот это они! Рано поднялись...

К гаражу, с трудом вытаскивая ноги из вязкого торфа, приближалась группа девушек. На ногах у одних были резиновые сапоги, у других футбольные бутцы; и у всех самые различные костюмы: мужские брюки, лыжные шаровары, серые учрежденческие халаты. Потапов, довольно

улыбаясь, вышел навстречу студенткам. Их рабочий наряд понравился ему.

Из группы отделилась невысокая смуглая девушка в широких мужских брюках:

— Здравствуйте, товарищ начальник! Прибыли вам помогать на время каникул. Скоро из института приедут и другие бригады...

— Очень хорошо, — здороваясь, сказал Потапов. — С кем имею честь?

— Моя фамилия Белоусова. Девушки выбрали меня бригадиром. А это вот, — и она указала на высокую светловолосую девушку в темном рабочем комбинезоне, — наш комсорг Красикова.

— Очень хорошо, — повторил Потапов. — На торфе-то, небось, не работали?

— Нет, не приходилось, но мы ничего, мы быстро втянемся, — торопливо добавила бригадир.

— Конечно, втянетесь, — подтвердил Потапов. — Я вот двадцать пять лет на торфе и так втянулся — никакой силой не оторвать. Работа тут, конечно, нелегкая, грязная. При любой погоде работаем. В общем — мужская профессия. Однако сами понимаете, дело какое нужное для Ленинграда. Ну, да что вам говорить, вы ведь комсомольцы?

— Есть и комсомольцы, — ответила комсорг.

— Очень хорошо. Так что же, приступим? — сказал Потапов. — Время у нас горячее, каждая минута на учете.

Отдав технику необходимые распоряжения, Потапов повел новичков по полю, рассказывая, что им предстоит делать. А следом за ними шел трактор, который вел шестнадцатилетний тракторист, комсомолец Иван Гудзенко.

Бригадир разбила своих людей на звенья. Потапов показал, как надо собирать фрезерный торф, как возить его и штабелевать. Приступив к работе, девушки убедились, что все эти — как будто такие простые — операции на самом деле не так просты.

Казалось, чего проще: взять движок и натолкнуть им торфяную крошку на доску тачки. Однако Ника Веденеева до крови разодрала себе ладони, нагрузив всего лишь несколько тачек. А их, чтобы выполнить норму, за день надо было нагрузить сотни.

Девушки поменялись местами. Семнадцатилетняя Аня Жигалова взяла у Ники движок, а та принялась возить тачку. Но эта работа казалась еще трудней. К тому же

у нее при движении тачки все время просыпался торф. А начальник поля специально наказывал, чтобы не было потерь ни одной крошки.

Ника тщательно собрала разбросанные куски торфа и с трудом покатила тачку к штабелю.

Немногим лучше спорилась работа и у других. Девушки все чаще поглядывали на часы. Время тянулось медленно, а усталость охватывала тело очень быстро.

— Я попрошусь, чтобы меня отпустили, — сказала Лариса Юд.

— Да ты что? — в один голос воскликнули девушки.

Несмотря на страшную усталость, их всех возмущала даже мысль об отступлении.

— Помнишь, мы с тобой читали в газете об одном бойце-комсомольце, — сказала Красикова. — Его тяжело ранило в обе ноги. Но он, истекая кровью, продолжал стрелять, а потом отполз к своим и уволок пулемет...

Лариса, красная и смущенная, молчала.

Вечером пришел техник и подсчитал выработку.

— Не густо — тридцать пять процентов нормы! — сказал он. — А у нас, к вашему сведению, есть двухсотницы...

Усталые и недовольные собой, девушки возвращались в поселок.

Вечером в общежитии собрались в кружок и стали обсуждать положение.

— Видели, — сказала бригадир Белоусова, — рядом с нами работают вологодские девушки? Они выполняют норму на сто сорок процентов.

— Надо поучиться у них, — заметила Яковлева.

— Это верно, что нам у них нужно учиться, — сказала комсорг Красикова, — но я, девушки, предлагаю не только учиться, а соревноваться с ними. Пусть у нас будет прямая цель и наглядный пример.

— Посмеются они над нами! — робко заметил кто-то из студенток.

Посидели, еще поговорили и все же решили предложить вологодским девушкам соревноваться.

На другой день во время перерыва студентки пришли на карту, где работали вологодки. Те очень внимательно и серьезно выслушали ленинградских девушек.

...Договор составили вечером в красном уголке. Обе бригады были в полном составе. Пришел секретарь коми-

тета комсомола. Комсорг Красикова, сидя за столом, писала: «Соревнуясь в честь XXV годовщины ВЛКСМ, обязуемся выполнять норму не меньше, чем на 150 процентов». Дальше следовали другие пункты: о дисциплине, качестве работы, о борьбе за чистоту в бараке.

Наступила страдная пора. Ленинградские комсомолки учились у вологодских торфяниц и трудились с утра до позднего вечера. Девушки собирали, сушили, возили торф. Домой приходили усталые и возбужденные. Но выработка у них росла все-таки медленно, едва норму выполняли, а вологодки уже давали сто пятьдесят процентов.

В один из июньских вечеров, когда девушки уже собирались лечь спать, Аня Жигалова сказала:

— Девушки, хотите послушать: я получила с Ленинградского фронта от отца письмо.

Подруги окружили Аню. В наступившей тишине она громко прочла рассказ отца о боевых буднях на фронте, буднях, рождающих смелых и отважных людей тяжелого воинского труда. «Желаю и вам, — писал в заключение отец Ани, — честно трудиться на торфяных полях. Как бы тяжело ни было, помните, что это необходимо для нашей победы».

— Хорошее письмо, — задумчиво произнесла Белоусова, — надо, Аня, иметь право на него хорошо и ответить. Завтра я предлагаю не уходить с поля, пока не перевыполним нормы!

Утром перед уходом на работу еще раз условились сегодня в поселок не возвращаться, пока не будет перевыполнена норма.

На самых трудных операциях в этот день стали комсомольцы.

Работа началась. Уже к двенадцати часам дня бригада сделала столько, сколько прежде едва успевала за целый день. Никто не думал об отдыхе. Лишь к вечеру девушки решили на несколько минут устроить перерыв.

Но в это время они увидели, что от узкоколейки прямо на их карту шел гусеничный трактор. За рулем сидел комсомолец Иван Гудзенко, один из лучших трактористов торфоразработок. Сейчас он, без долгих приготовлений, принялся фрезеровать карту, на которой работали студентки. Они еще не успели убрать весь торф. Это могло задержать работу трактора.

— Ну, что ж, придется поднажать?—сказала бригадир.

— Поднажмем! — ответили ей подруги.

Поздно вечером пришел начальник поля. Он удивленно остановился, окинув взглядом новые штабеля торфа.

— Это все ваша работа? — спросил он.

— Наша! — ответило несколько голосов.

Подсчитав выработку, начальник поздравил бригаду с успехом.

— Вот это по-комсомольски! Вы сделали сто пятьдесят четыре процента нормы.

★

...Председатель читал решение жюри соревнования:

«Лучшей бригаде ленинградских студенток, добившейся в соревновании в честь двадцать пятой годовщины комсомола самой высокой выработки на добыче фрезерного торфа, вручается переходящее красное знамя».

В зале раздались дружные аплодисменты. Со своего места встала комсорг Красикова и, провожаемая аплодисментами, направилась по узкому проходу между рядов скамеек к сцене. Она видела, как дружно и радостно аплодируют вологодские девушки, торфяницы других бригад, начальник поля Потапов, тракторист Гудзенко и громче всех — техник Борисов.

Все на торфопредприятии знали теперь эту бригаду ленинградских комсомолок, которые в каждую смену давали полторы — две нормы торфа.

...Красикова и члены бригады вышли на улицу. Стоял теплый августовский вечер. Вдали за лесом одна за другой взвивались в небо разноцветные ракеты. Это напомнило им Ленинград, радостный майский праздник, фейерверки на Неве.

Но здесь был не фейерверк, — в небо взвивались сигнальные ракеты. Слышалась отдаленная артиллерийская канонада. Там был фронт. Казалось, там, на линии огня, отец Ани Жигаловой и его боевые товарищи салютуют ленинградским бойцам трудового фронта.

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

СЫНОВЬЯ ЛЕНИНГРАДА

Щебет солнцем разбуженных стай,
Свежий ветер, рассвета прохлада,
На Аптекарском острове май,
Молодая на грядах рассада,

Наклоняется ива к воде
Черной зеленью с золотом, дремой.
Хлопотливое утро в труде,
Руки в мокрых комках чернозема.

Синь спецовок, расстегнутый ворот:
Серединой проспекта идут, —
В той степенности столько задора, —
Малыши, полюбившие труд.

Их отцы на войне, матерей
Многих смерть, многих жизнь разбросала.
Пусть рукам молодых слесарей
Подчинится строптивость металла.

Им бы змеи пускать в облака,
Но, чтоб нашими были просторы, —
Мастерами приходят к станкам
Твои строгие мальчики, город!

А. ВАХОВ

ВЫМПЕЛ НАД СТАНКОМ

Примостившись на подоконнике с книгой, Павел часто поглядывал на улицу. Он с нетерпением ожидал возвращения с завода матери и сестры.

За окном моросил осенний дождик. Чтобы скоротать время, Павел уже который раз принимался читать, но казалось, что сегодня Жюль Верн потерял для него свое обычное очарование, и к увлекательным приключениям детей капитана Гранта Павел остался равнодушным.

Утром у Павла произошел серьезный разговор со сверстниками.

— Скоро снова в школу, — говорили товарищи, посматривая на пожелтевшие листья, которые ветер гнал из сквера.

Тут-то Павел и удивил друзей своими планами. Он давно уже думал о том, чтобы поступить работать на завод, и сегодня окончательно решил. Волновало одно: как к этому отнесутся родные.

Товарищи одобрили решение Павла, а некоторые завистливо поглядывали на него. Они уже представляли себе Павку в замасленном комбинезоне, из больших карманов которого торчат разводные ключи и еще разные инструменты.

И вот сейчас Павел с нетерпением ждал мать и сестру. Они решат его судьбу.

Хлопнула входная дверь, и послышались знакомые шаги. Еще не успела мать раздеться, как Павел подошел к ней и, волнуясь, стал рассказывать о своей мечте учиться на слесаря. Сестра Надя встретила планы брата недружелюбно.

— Тебе же нет еще и четырнадцати!

— По метрикам уже есть. — Павел помнил, что в документе его возраст ошибочно увеличен на два месяца.

— А учеба как? — спросила мать.

Павел знал, что будет такой вопрос, и заранее все разузнал.

— На заводе есть вечерняя школа, буду там учиться.

Он говорил убедительно. Долго в этот вечер велись разговоры о его будущем. Но окончательного решения мать не приняла. Расстроенный Павел долго не мог уснуть. Утром, когда мать уже собиралась уходить на работу, она обняла сына, поцеловала его, словно благословляя, и сказала:

— Иди, — и тихо добавила: — будь в отца.

Кто не мечтает в детстве быть похожим на отца? А Павел особенно гордился своим. Отец, сражающийся сейчас под Ленинградом, был на заводе известен до войны как искусный мастер.

— Буду! — Павел прижался к матери, и к горлу его подступил какой-то комок. Он чувствовал, что дает самое важное обещание, какое он в своей жизни кому-нибудь давал.

— Что же, брат, слесарем хочешь быть? — одобрительно спросил Павла бригадир Петр Александров, к которому направили нового ученика. — Молодец!

Было раннее утро. В цеху у верстаков, расставленных вдоль стен, работали слесари. Слышалось звяканье инструмента, густой звук стачиваемого напильником металла. Бригадир подвел Павла к свободным тискам.

— Вот твое место будет. Следи, чтобы всегда здесь чисто было, и порядочек полный держи. А сейчас примемся за дело.

Но пока дело Павла было лишь смотреть, слушать да запоминать. Бригадир, занявшись работой, давал указания слесарям и не забывал об ученике.

Сметливый, наблюдательный паренек быстро схватывал и запоминал объяснения учителя. Бригадир начал поручать ему мелкую слесарную работу. Но постепенно задания усложнялись, и ученик на удивление всем справлялся без посторонней помощи, лишь изредка прося совета у бригадира.

Павла полюбили в бригаде. Крепкий, с веселыми озорными глазами на загорелом лице, с задорным вихром, непокорно выбивающимся из-под кепки, паренек невольно располагал к себе.

Он уже самостоятельно выполнял мелкие работы, когда однажды к нему обратился бригадир:

— Сможешь сделать вот такую вещь? — показал он Павлу особую скобу. — Все заняты, а скоба срочно понадобилась.

Павел осмотрел деталь. Была она несложная, но для ее изготовления требовался навык.

— Смогу.

Бригадир стал объяснять, как приступить к работе. Но едва он закончил, как Павел, хитро посмотрев на Александрова, сказал:

— А можно еще и так делать, — и тут же рассказал о возникшей у него мысли. Она была проста и в то же время позволяла ускорить изготовление скобы. Бригадир быстро проверил предложение Павла и с некоторым изумлением убедился, что паренек, пожалуй, прав.

— Хорошо, делай по-своему.

Скобы были изготовлены в тот же день. По своей отделке, точности они могли составить честь и более опытному слесарю.

— Ай-да Павел! — хвалили его в бригаде. А он, смущенный, только отмалчивался. Было очень радостно от своего успеха, и хотелось еще лучше работать, еще чем-нибудь отличиться. Случай скоро представился.

Как ученик, Павел ежедневно заканчивал работу раньше остальных рабочих; но из завода он всегда выходил со сменой, а часто и позже. Эти часы молодой слесарь проводил на участке электросварки.

Еще в первый месяц он как-то, проходя через цех, остановился около электросварщика. Павлу нравилось, как быстро под ярким лучом оплывал металл, послушно сращивался, словно это был воск, из которого все можно лепить. Электросварщик Виктор Колосов заметил любопытство паренька и, сдвинув синие очки на лоб, сказал:

— Ты что все глазеешь, помогал бы, что ли!

Павел охотно согласился. С тех пор он почти каждый день, окончив свою слесарную смену, помогал Колосову. Электросварщик комсомолец подружился со своим добровольным помощником, много рассказал ему о своей специальности, а иногда под своим наблюдением давал ему сварочную работу.

Вскоре Виктор Колосов был призван в армию. Вместо него мастер цеха Козырев поставил другого рабочего, но тот плохо справлялся. А тут поступило задание, где требовались большие электросварочные работы.

— А вы попробуйте проверить Павла Степанова, паренька из бригады слесарей, — посоветовал кто-то мастеру. — Он здесь часто с Колосовым возился на электросварке.

Мастер нашел Павла. С волнением взялся тот за дело. Козырев, недоверчиво следивший за ним, сразу заметил, что Павел действует увереннее других, а когда аппарат был включен и слесарь успешно сварил две детали, Козырев сказал:

— Будешь работать на электросварке.

Павла обрадовало, что он может заменить ушедшего друга Виктора Колосова, но в то же время и огорчало. Предстояло надолго оставить слесарное дело. Электросварочные работы на новом задании были рассчитаны до конца года.

Прошел месяц. Павел достиг уже Колосовской выработки — ста пятидесяти процентов в смену. Вспоминая о Колосове, стараясь в работе подражать ему, он мечтал тоже стать, как и Виктор, комсомольцем. Но тут же мелькала мысль: а примут? Ему только четырнадцать лет, а Колосову наверно было двадцать. Кто ему даст рекомендации?

Комсорг цеха Евгений Головин точно угадал его мысль. Как-то он подошел к Павлу и стал у него расспрашивать и про работу и как он проводит время после смены. Не вязалась вначале беседа. Павел смущался и отмалчивался. Встретились они и на следующий день. Комсорг видел, что парень не решается ему о чем-то сказать, и решил сам об этом заговорить.

Павел весь просиял, когда Головин предложил ему подать заявление в комсомол.

Оказалось, что комсомольцы хорошо знали Павла, его работу и охотно дали ему рекомендации.

В тот вечер, когда электросварщику Павлу Степанову вручили маленькую книжечку с силуэтом Ильича, он пришел домой позже обычного и, бережно достав билет из кармана, радостный и взволнованный показал его матери. Это было как бы его первым ответом на ее памятные слова: «Будь в отца!»

С тех пор цех и работа для Павла приобрели еще какой-то новый смысл. Он теперь уже говорил не только: «Наша бригада», «Наш завод», но и «Наши комсомольцы».

«Наш комсорг». И произносил он эти слова как-то по особенному.

Однажды Павел условился с комсомольцами — слесарем Алексеем Тимофеевым и монтером Анатолием Фроловым — после смены итти смотреть новый фильм. После работы они встретились у цеха.

— Слышали, — обратился к товарищам Анатолий, — завтра у нас собрание о двадцать пятой годовщине комсомола. Соревнование начинается. Ты какое возьмешь обязательство?

— Я возьму такое обязательство: досрочно закончу электросварочные работы по заказу.

— Досрочно — это что! — прервал его Алексей. — Досрочно можно и за день закончить. Это неинтересно.

— На месяц раньше кончу, — гордо сказал Павел, — а может и больше.

— Вот и нахвастал! — осуждающе заметил Анатолий.

— Честное комсомольское слово, на месяц раньше кончу!

Но поколебать сомнения товарищей ему так и не удалось.

Рано пришел на следующее утро Павел в цех. Он что-то долго подсчитывал, обдумывал и, наконец, принял окончательное решение: он в своем обязательстве напишет на удивление друзьям, что не на месяц раньше закончит электросварочные работы, а на четыре месяца! Да, на четыре. Рассчитаны они были на год, а он закончит за восемь месяцев.

Чья-то рука легла на плечо паренька, прервав его мысли. Павел услышал над собой веселый голос бригадира:

— Ну, Павлуша, готовься сегодня медаль получать!

От радости Павел только улыбался, не зная, что сказать. Так, значит, разговоры, ходившие в цехе о группе рабочих, в том числе и о нем, что их будут награждать медалью «За оборону Ленинграда», подтвердились.

И все-таки Павлу не верилось, что он награжден. Даже когда вместе со всеми на собрании он крепко бил в ладоши при вручении медали знатному фрезеровщику Червинскому, старому мастеру Польскому.

Вот в наступившей тишине названы его фамилия и имя. Павел точно не понял. Он все еще сидел на своем месте, не решаясь подойти к столу, а уже гремели аплодисменты, и кто-то дружески подталкивал его.

...Когда Павел шел домой, на его рабочей куртке золотилась новенькая медаль, и он не мог удержаться, чтобы поминутно не поглядывать на грудь.

Соревнование за вымпел в честь двадцать пятой годовщины комсомола разгоралось. Павел участвовал в нем с азартом. Мастер и бригадир с интересом следили за пареньком. Откуда только брались в Павле такое упорство и сила в работе?

Выполнение заказа подходило к концу. Наконец наступил срок, который установил Павел в своем обязательстве. В этот день он закончил электросварочные работы и вновь вернулся к своим слесарным тискам. У него теперь были две специальности. Ему присвоили разряд и как слесарю и как электросварщику.

В тот же день имя Павла Степанова стало известно всему заводу.

За стахановскую работу директор объявил электросварщику Степанову благодарность. Комитет комсомола за успехи в соревновании имени двадцать пятой годовщины ВЛКСМ присудил ему переходящий красный вымпел. Над станком Павла в присутствии всех рабочих цеха секретарь комитета водрузил треугольный шелковый флажок с вышитой золотом надписью: «*За отличную помощь фронту*».

А. СЕРГЕЕВ

МАСТЕР ОТЖИГА ИВАН ЗДОРОВ

На участке отжига у щита управления, внимательно всматриваясь в приборы, стоял вихрастый паренек в черной рубашке. Вошедший в это время в цех высокий гражданин в роговых очках оглянулся и, не найдя никого поблизости, кроме паренька у приборов, направился прямо к нему.

— Скажи, пожалуйста, — обратился он несколько фамильярно, как обычно взрослые разговаривают с подростками, — где мне здесь найти Ивана Ивановича Здòрова?

Паренек застегнул верхнюю пуговицу рубашки и с достоинством ответил:

— Я Иван Иванович.

Гражданин, бегло оглянув своего собеседника, улыбнулся.

— Нет, мне нужен мастер участка.

— Так я ж и есть мастер участка, — нетерпеливо произнес паренек и щелкнул одним из многочисленных выключателей на щите управления.

Посетитель несколько смутился, но потом удивленно стал рассматривать юного мастера.

— Извините пожалуйста, это, конечно, к делу совсем не относится, но ведь вам, по-моему, не больше шестнадцати?

— Шестнадцать с половиной. Но это действительно к делу не относится. Вы спрашивали мастера Здòрова, что вы хотели?

— Я инженер с завода, который поставляет вам вот этот полуфабрикат. Пришел я по поводу претензий, которые ваш завод предъявляет к качеству наших изделий. Хочу на месте выслушать замечания специалистов, чтобы решить, каким путем мы можем улучшить физические и химические свойства изделия.

Инженер взглянул, какое впечатление произвели на подростка эти полуученые слова, и добавил:

— ...Меня вот и направили к вам, Иван Иванович...

Паренек, ничуть не смутившись, сказал:

— Очень хорошо, что вы пришли. Претензии у нас к вам серьезные. Взять хотя бы габариты. Вы их совершенно не выдерживаете. Вот пойдемте, пожалуйста, со мной...

Оставив вместо себя у щита работницу, Иван Здо́ров пошел с инженером по участку, обстоятельно выкладывая все свои претензии и замечания. Инженер внимательно слушал, иногда спорил с мастером, но чаще торопливо записывал его слова в блокнот.

И все время ему хотелось спросить: как это случилось, что шестнадцатилетний подросток занимает такой пост, управляет сложным участком производства с немалым количеством рабочих и, повидимому, управляет неплохо, если может сделать столько дельных замечаний ему, инженеру.

★

А получилось это так.

...Ноябрьской ночью в дверь квартиры в небольшом каменном доме на Васильевском острове кто-то нетерпеливо постучал. Евфросиния Никитишна Здо́рова лудильщица оборонного завода, приподнялась на кровати. Но Мария, дочь Евфросинии Никитишны, спрыгнув на пол, поспешно сказала:

— Лежи, мама, я посмотрю, кто стучит.

Она наскоро оделась, зажгла коптилку и вышла в коридор.

— Кто там? — окликнула она.

— Свои, — ответил глухой голос.

Мария открыла дверь и с удивлением отшатнулась: в тусклом свете коптилки появилась незнакомая фигура в шинели. Она взглянула на темное небритое лицо и кинулась навстречу пришедшему.

— Отец! — воскликнула она.

Он ласково привлек к себе дочь и, тяжело шагая, прошел в комнату.

Евфросиния Никитишна, услышав голос мужа, вскочила с постели, по пути разбудила сына.

Радость семьи была безгранична. Все трое помогли отцу раздеться. И только тут рассмотрели, какое у него было постаревшее, измученное лицо.

— До утра отпустили, — сказал он, устало откинувшись на подушки дивана.

Всю ночь до рассвета не спала семья Здóровых. Отец рассказывал о том, что он видел и перенес за первые пять месяцев войны. Он говорил о кровопролитных боях за каждый наш город и село, о зареве пожаров там, где ступает нога немецкого душегуба, о погибших товарищах.

Лицо его было сурово, когда он говорил о тяжелой борьбе, которая еще предстоит и в которой должны участвовать все, чтобы победить врага.

Но морщины на его лице, казалось, разгладились, и гордостью засветились глаза, когда он узнал, что жена и сын работают на заводе, где до войны работал он сам, что дочь Мария тоже поступила на службу.

Ваня рассказал отцу, что он еще пока ученик на вальцовке, но мастер Иван Григорьевич доволен им и обещает скоро поставить на самостоятельную работу.

Отец тронул рукой его острое, исхудавшее плечо и сказал:

— Работа в этом цехе всегда считалась трудной. Но ты ведь знаешь, — рабочие ушли на фронт. Теперь, сынок, на плечи таких, как ты, ложится тяжелый груз, но надо выдержать. Без вас в Ленинграде теперь не обойтись.

Рано утром отец снова надел тяжелую шинель, горячо распрощался с родными и ушел.

В семь тридцать утра Иван Здóров был уже у себя в цехе. Сегодня он как-то по-новому взглянул на ряды массивных вальцовочных станков, на груды мотков стальной ленты. В этот день он особенно тщательно смазал станок, проверил его ход, выверил положение валков.

Когда подошел мастер, Ваня обратился к нему:

— Иван Григорьевич, доверьте мне самостоятельную работу!

Мастер с сомнением покачал головой. Но все же для пробы разрешил Здóрову самостоятельно провальцовать один моток. Стоя поодаль, он наблюдал, как Здóров ловко просунул между валками тяжелый конец металлической ленты, едва приметным движением пустил станок, затем подхватил провальцованную ленту с другой стороны станка и так же ловко вправил ее в барабан.

Когда первый моток был несколько раз пропущен через валки, подошел приемщик. Он долго придирчиво проверял работу и удивленно сказал:

— Все совершенно точно...

Так Иван Здóров стал вальцовщиком.

Скоро этому светловолосому худощавому пареньку удавалось выполнять сложные операции, посильные только самым опытным рабочим. Даже квалифицированные вальцовщики не могли избежать перекоса листа. А у Здóрова перекосов не было. Все заметили, что самый молодой в цехе вальцовщик в случае неисправности станка не обращается, как другие, к механику, а сам берет в руки инструмент и неспеша принимается за дело. Проходило несколько минут, — и вновь уже вертелись валки.

Только опытный мастер Иван Григорьевич знал, что все это пришло к Здóрову не случайно. Он чувствовал в этом пареньке неутомимую жажду знаний. Он ничего не пропускал мимо ушей. Стоило мастеру сказать, как удобнее стоять у станка, как лучше брать ленту, поворачивать штурвал, и Здóров в тот же день работал именно таким способом.

Отработав смену, Здóров тщательно убирал станок, но домой уходить не спешил. Неторопливо прохаживался он между рядами работающих механизмов, присматривался, как работают опытные вальцовщики, нередко задавал им вопросы.

Мастер хвалил молодого рабочего за наблюдательность и прилежание и ставил в пример. Мастер видел, как тонко умел Иван Здóров подметить каждую мелочь, перенять каждое едва приметное движение квалифицированного вальцовщика и из всего извлечь пользу.

Домой Ваня приходил поздно. Когда мать и сестра, утомленные трудной, многочасовой работой, ложились спать, Здóров садился за стол и читал пособия по холодной обработке металла, делал выписки, чтобы утром показать их мастеру.

Настоящей радостью в семье было каждое письмо отца. Они были очень короткими. Отец писал, что жив и здоров, сообщал, сколько истребленных фрицев числится на его счету, просил почаще писать.

Сын подробными письмами отвечал отцу на фронт, он рассказал о своей работе и учебе. Ваня знал, как внимательно читает отец его письма, знал, что он показывает их бойцам и радуется его успехам. В каждом письме Иван старался сообщить отцу что-нибудь новое: о повышении в разряде, о вновь освоенных операциях, о своей высокой выработке, о работе в комсомольской организации. Он уже был двухсотником и сам обучал новичков.

Когда оказалось, что участок отжига стал задерживать работу других участков, Здóров попросил перевести его на отжиг. Здесь были совсем иные условия работы. Многое приходилось изучать сначала. Но Здóров взялся за это дело с еще бóльшим упорством, чем раньше на вальцовке.

Одно только его удивляло: он и другие рабочие его смены работали старательно, по-стахановски, однако участок нормы не выполнял и процент брака был очень велик.

Несколько раз разговаривал Здóров с начальником участка, но тот обычно коротко отвечал, что все идет нормально, что производство очень сложное и лучше работать нельзя. Однако, чем глубже вникал молодой рабочий в технику дела, тем больше убеждался, что здесь далеко не все нормально. Он сообщал об этом начальнику цеха и мастеру. Предложения Здóрова должны были в ближайшее время обсуждаться на техническом совещании. Но все произошло гораздо быстрее.

Однажды начальник цеха собрал рабочих участка отжига и сказал:

— Бывший начальник участка развалил все дело, выполнение плана сорвано, брак неимоверно высок. Одна печь вышла из строя. Надо в кратчайший срок выправить положение. Эта работа будет проводиться под руководством нового вашего мастера комсомольца Ивана Здóрова!..

★

...Здóров провел инженера по всему участку, подробно и обстоятельно высказал ему свои претензии и замечания. Прощаясь, инженер горячо пожал руку шестнадцатилетнему мастеру участка и, улыбаясь, сказал:

— Теперь, Иван Иванович, когда наш деловой разговор кончен, расскажите, как вы стали руководителем этого сложного участка.

Иван Здóров тоже широко улыбнулся, и в глазах его мелькнул задорный, мальчишеский огонек.

— Как? Приходите как-нибудь в свободное время, расскажу.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. Иванов. Боевой помощник партии Ленина — Сталина . . . 3

ЗА РОДИНУ, ЗА ЛЕНИНГРАД

Г. Набатов, В. Афанасьев. Парень с Выборгской стороны . 15
Вл. Лифшиц. Песня ленинградского комсомола 24
В. Пчелинцев. 152 из 154 26
Евгений Федоров. Лесная подруга 31
Александр Прокофьев. Билет № 4142357 39
А. Розен. Ка-Ве 41
В. Грачева. Мужество 46
Вл. Лифшиц. Клятва 54
Николай Тихонов. Мгновение 55
Е. Поляков. Питерская закваска 64
Всеволод Рождественский. Ленинградцы 68
И. Розенфарб. Мальчик из Колпина 69
А. Рогов. Богатырь 76
А. Шагалов. Письмо брату 81
С. Казаков. Чижик и ее подруги 85

НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ВАХТЕ

Всеволод Вишневский. Сыны и дочери Ленинграда 91
Джамбул. Тебе, комсомолец Ленинграда 107
В. Виноградов. Фронтовая комсомольская 110
Я. Зарахович. Плавка 1942 года 121
Ольга Берггольц. Сестре 126
О. Берггольц. Г. Макогоненко. Поход 128
Н. Лебедев. Один рейс Василия Еледина 154
Е. Вечтомова. 1500 пожарных 159
В. Шекина. Фронтовая работа 164
В. Лапин. Водницы Ладоги 167
Всеволод Азаров. Наша молодость 172
С. Еверский. Племя молодое 173
Ал. Решетов. Наташа Орлова 181
Евгений Федоров. Самая нужная профессия 183
Л. Никольский. На крыше 187
С. Андронов. На торфяном поле 190
Всеволод Азаров. Сыновья Ленинграда 195
А. Вахов. Вымпел над станком 196
А. Сергеев. Мастер отжига Иван Здоров 202

Редактор *А. Н. Пази*
Корректор *С. И. Шаталов*
Техред *Е. Б. Бердникова*
Обложка художника *Л. С. Хижинского*

Подписано к печати 13/X 1943 г.
М—03148. Объем 13 п. л.
Тираж 15000 экз. Заказ № 2181.

ЛТ УН-2

5 руб.